ДЕНИС ДАВЫДОВ

ДЕНИС ДАВЫДОВ

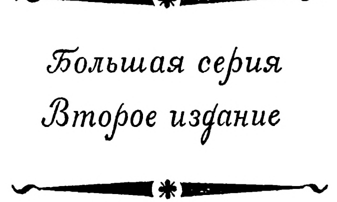
Б.П.

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ДЕНИС ДАВЫДОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
В. Э. Вацуро

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1984

ББК 84.Р1
Д 13

Д $\frac{4702010100-348}{083(02)-84}$ 406—84

Генералъ-Маiоръ
Денисъ Васильевичъ

ДАВЫДОВЪ.

ДЕНИС ДАВЫДОВ — ПОЭТ

«Давыдов, как поэт, решительно принадлежит к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии»,— писал в 1840 году Белинский, заключая свой обширный очерк литературной деятельности «поэта-партизана»,— лучший памятник, который поставила ему русская критическая и эстетическая мысль XIX века. «...Давыдов примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин — не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества,— и, наконец, он примечателен как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности. Говоря о Давыдове, мы преимущественно имеем в виду поэта; но чтоб понять Давыдова как поэта, надо сперва понять его как Давыдова, т. е. как оригинальную личность, как чудный характер, словом, как всего человека...»

Слова Белинского были не просто данью уважения и художнического удовлетворения,— они заключали в себе концепцию творчества, причем ту самую, какую хотел бы услышать сам Давыдов из уст своих современников. «Он был поэт в душе; для него жизнь была поэзиею, а поэзия жизнью»,[1]— этой именно характеристики ждал и добивался Давыдов, когда писал свою автобиографию, когда убеждал Н. М. Языкова, что имеет право на внимание как «один из самых поэтических лиц русской армии».[2] Заметим: не как храбрый воин, не как выдающийся военачальник и даже не как талантливый поэт,— но как то, и другое, и третье, взятое в нераздельной целостности и органичности.

Денис Васильевич Давыдов родился 16 июля 1784 года в Москве, в старинной дворянской семье, связанной узами родства с Раев-

---

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., в 13-ти тт., т. 4, М., 1954, с. 369, 345—346, 353.

[2] Д. В. Давыдов, Соч., т. 3, СПб., 1893, с. 203,

скими, Каховскими, Ермоловыми, Самойловыми и др.[1] Военная профессия была для Давыдовых традиционна, и семи лет мальчик был уже знаком с бытом военного лагеря, а девяти — видел «великого Суворова» в доме отца; об этой встрече, как о самом своем сильном детском впечатлении, он рассказал в особом очерке.[2] В свою автобиографию он включил, однако, и другое воспоминание: тринадцати лет или около того от роду, умея только «лепетать по-французски, танцевать, рисовать» и зная начатки музыки, он познакомился в Москве с питомцами Университетского благородного пансиона,— они доставили ему случай прочитать «Аониды», альманах Н. М. Карамзина. Пример новых знакомых, печатавшихся в «Аонидах», воспламенил «честолюбие» будущего поэта,— но из-под пера его вышли лишь довольно нелепые сентиментальные стихи о пастушке и «изменившей» ей овечке. Этот эпизод в своем существе важнее и серьезнее, чем он предстает в пародийном рассказе Давыдова: он указывает на пробуждение литературных интересов будущего поэта и на его первоначальную литературную среду — кружок литераторов, собиравшихся вокруг Карамзина; с «университетским питомцем» Жуковским у него потом установятся прочные литературные связи, а стихи самого Карамзина в «Аонидах» отразятся в его собственном творчестве.

Формирование личности Давыдова падает на годы павловского террора, затронувшего и его семью, и родных: А. М. Каховский, А. П. Ермолов были сосланы как участники так называемого «смоленского заговора»; в 1798 году отец Давыдова попал под суд по делу о беспорядках в полку. Имение Давыдовых было конфисковано, и семья бедствовала многие годы; Давыдов вспоминал, что, живя в Петербурге, он по неделям вынужден был питаться одним картофелем. Переворот 11 марта 1801 года открыл перед «дворянским недорослем» возможность службы в столице: в том же году Давыдова отвозят в Петербург и с большими трудностями определяют эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. Социальное воспитание юноши завершается в атмосфере первых лет александровского царствования, с их либеральными веяниями, оживлением политической жизни, свободным обсуждением общественных проблем во вновь возникающих журналах. Он сближается с кружком офицеров Преоб-

---

[1] Биографию Давыдова см.: Н. Н. Советов, Д. В. Давыдов.— В кн.: Сборник биографий кавалергардов, т. 3, СПб., 1906, с. 28—45; В. В. Жерве, Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1784—1839, СПб., 1913; М. Я. Попов, Денис Давыдов, М., 1971.

[2] Встреча с великим Суворовым (1793).— В кн.: Д. Давыдов, Военные записки, М., 1940, с. 41—61.

раженского полка, куда входили в числе других С. Н. Марин и А. В. Аргамаков, непосредственные участники заговора 11 марта; это была среда светская, военная и литературно-театральная. К кружку примыкали Д. В. Арсеньев, Ф. И. Толстой («Американец»), Г. В. Гераков, А. А. Шаховской; родственные и дружеские узы связывали их с домом знаменитого мецената А. Л. Нарышкина, директора императорских театров, и, с другой стороны,— с приютинским литературным гнездом А. Н. Оленина, откуда в ближайшие же годы выйдут деятели двух противостоящих литературных партий. Марин и Шаховской станут членами «Беседы любителей русского слова», Давыдов, Батюшков — «Арзамаса», но это произойдет позже: в 1801—1803 годах эстетическое размежевание еще не осуществилось до конца.

В кругу преображенцев Давыдов воспринимает стихию сатиры и пародии — характерную принадлежность домашних литературных кружков и домашней поэзии. Здесь она сочеталась с оппозиционным духом; так, Марину принадлежали две очень известные в свое время сатиры на «гатчинцев»: «1796-го году, ноября 7-го» и «Пародия на Оду 9-ю Ломоносова, выбранную из Иова» (1801). В царствование Павла оживилась рукописная сатира,— репрессии не могли остановить ее потока. С ослаблением цензурного пресса социальные и политические проблемы, вызванные к жизни только что минувшим царствованием, начинают обсуждаться уже печатно.

В этих условиях появляются ставшие знаменитыми басни молодого Давыдова — «Голова и Ноги» и «Быль или басня, как кто хочет назови», известная также под названием «Река и зеркало». Он воспользовался сюжетами, распространенными и актуальными как раз в начале века: они ставили проблему гражданской ответственности монарха — одну из центральных для просветительской социологической мысли. В «Были или басне...» Давыдов конкретизировал сюжет: упоминание о «Сибири», куда «деспот» ссылает правдолюбивого вельможу, проясняло социальный адрес — речь шла о русском царе (царствующем или историческом). Вторая же басня — «Голова и Ноги» — оказывалась бесцензурной уже по самой своей проблематике. Согласно доктрине, широко распространенной в XVIII веке, социальная гармония обеспечивается незыблемой иерархией состояний; нарушение ее ведет к анархии и гибели социального организма. У Давыдова изменена сама исходная точка рассуждения: реально существующей является не гармония, а дисгармония в общественных отношениях, и вина за нее лежит на «голове», которая превысила предоставленную ей обществом власть. «Монархия» переросла в «деспотию». Теперь общество может применить к «деспоту» санкции в силу естественного права. Такой вариант решения проблемы выбирало радикальное крыло Просвещения (в частности,

Радищев в «Вольности»); нет сомнения, что Давыдов осмыслял здесь и социальный опыт цареубийства 11 марта.

Эти басни сразу же получили распространение. В. Д. Давыдов, конечно со слов отца, рассказывал, что его ранние сатиры стали известны «по милости услужливых друзей».[1] По-видимому, все же отношение к ним «друзей» было двойственным: не чуждаясь свободоязычия, они в новых условиях вряд ли сочувствовали политической фронде; во всяком случае, в стихах самого Марина мы неоднократно находим восторженные упоминания Александра I.

Переписывая басни Давыдова, они досадовали на его юношескую дерзость; в печатной отповеди Аргамакова «мальчишке пустомеле» была упомянута и басня «Голова и Ноги»: «И *Ноги* заставляешь болтать нам вздор и ложь». Впрочем, это была не война идей, а скорее предостережение.

Сатирические стихи Давыдова не остались без последствий: автор их получил «головомойку» от петербургского генерал-губернатора, а 13 сентября 1804 года был выписан из поручиков Кавалергардского полка в армию, в Белорусский гусарский полк, стоявший в окрестностях Звенигородки в Киевской губернии. Обстоятельства этой фактической высылки нам неизвестны, хотя современники их знали: Давыдов не раз рассказывал о них (в частности, фельдмаршалу Каменскому) и описал в не дошедшей до нас части своих записок [2].

Репутация сочинителя антиправительственных стихов, якобы наказанного за них ссылкой в Сибирь, еще более укрепилась за Давыдовым, когда в начале 1805 года стала распространяться басня «Орлица, Турухтан и Тетерев», которую устойчивая традиция приписала его перу. Эта басня — один из наиболее резких памфлетов на Александра I и его ближайшее окружение: новый царь, пришедший на смену убитому «тирану»,— «скупяга из скупых», берегущий «крохи» и отдавший царство «любимцам», которые разоряют его, насаждая коварство и бесчестность. Именно об этом — о строгой экономии, установленной Александром в личных расходах и пожалованиях, и неоправданной расточительности средств в бюрократических учреждениях — будет писать Карамзин в записке 1811 года «О древней и новой России...».[3] Критика, справедливая и проницательная, шла, однако, со стороны консервативной оппозиции либеральным реформам Александра. «Орлица, Турухтан и Тетерев» пи-

---

[1] В. Д. Давыдов, Денис Васильевич Давыдов, партизан и поэт (1784—1839).— Русская старина, 1872, № 4, с. 628.

[2] См.: Д. Давыдов, Военные записки, с. 62.

[3] Н. М. Карамзин, Записка о древней и новой России, СПб., 1914, с. 86.

шется в 1804 году, когда в Сенате и только что учрежденных министерствах шла борьба между сторонниками «старой» и «новой» партий; первая, консервативная, обвиняла Александра в отказе от государственных форм екатерининского времени. Давыдов говорит буквально то же самое, и осведомленные современники вряд ли случайно связывали басню с выступлениями таких «недовольных», как А. С. Шишков или А. С. Хвостов — столпы консервативной оппозиции,— а в «любимцах» «Тетерева» видели либеральное окружение Александра I. Резчайший антиправительственный памфлет оказывался порождением не революционной, а фрондерской идеологии, причем с чертами консерватизма.

Служба в Белорусском гусарском полку не была для Давыдова обременительной. Его начальник, Б. А. Четвертинский, брат известной красавицы, фаворитки императора М. А. Нарышкиной, вскоре стал ближайшим приятелем Давыдова. Бывший кавалергард, ныне гусар, входит в атмосферу гусарского быта. Плодом новых впечатлений явились знаменитые послания Бурцову (1804), получившие широчайшую популярность и во многом определившие литературную репутацию их автора.

Успех их был симптомом времени. «Молодечество», «удальство» становилось характерной чертой эпохи. «Попировать, подраться на саблях, побушевать где бы не следовало, это входило в состав нашей военной жизни в мирное время. <...> ...Военно-кавалерийская молодежь не хотела покоряться власти, кроме своей полковой, и беспрерывно противодействовала земской и городской полиции, фланкируя противу их чиновников. Буянство хотя и подвергалось наказанию, но не почиталось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных, условных границ».[1] Ф. Булгарин, которому принадлежат приведенные строки, цитировал при этом «Песню» Давыдова («Я люблю кровавый бой...»), удостоверяя, что «так, в самом деле, думали девять десятых офицеров легкой кавалерии» в начале столетия. Это время создает легенды об удальцах — силаче Лукине, героических авантюристах Н. А. Хвостове и Г. И. Давыдове; его порождением был и Федор Толстой — «Американец», близкий приятель Д. Давыдова, яркая, талантливая и «преступная» личность, реальные похождения которого обрастали устными анекдотами, формировавшими легенду. Люди начала века, ровесники и младшие современники Давыдова, составили и тот «гусарский» круг, в котором вращался юный Пушкин; к нему принадлежали

---

[1] Ф. Булгарин, Воспоминания, ч. II, СПб., 1846, с. 135—136, 134.

П. П. Каверин, члены «Зеленой лампы» и театральных собраний Н. В. Всеволожского. К нему, наконец, принадлежал и сам Денис Давыдов. Стихи, обращенные к Бурцову, «гусару гусаров», уходили своими корнями в реальный социальный быт и социальную психологию.[1] В них отражалась новая система этических ценностей, где «буянство» перестало почитаться пороком.

Однако чтобы стихи к Бурцову стали фактом литературы, смены этических ценностных ориентаций было недостаточно; нужны были сдвиги в шкале эстетических ценностей. Екатерининское время также изобиловало примерами «удальства», но мы не знаем случаев его эстетизации или героизации. В XVIII веке Бурцов мог быть в лучшем случае героем травестированной ирои-комической поэмы, бурлеска, сущность которого заключалась в контрасте между «высоким» способом и «низким» предметом изображения. «Литературный Бурцов» — это Буянов из «Опасного соседа» В. Л. Пушкина (1811) или гусар в отставке Угаров в «Липецких водах» А. А. Шаховского (1815) — комическая фигура «хвата», с его невоспитанностью, бесцеремонностью и интеллектуальным кругозором любителя лошадей, собак и кутежей с цыганками. В системе эстетических оппозиций «высокое — низкое», определявшей литературные представления XVIII — первой четверти XIX века, гусарским стихам Давыдова места, конечно, не было; они могли стать эстетическим фактом только тогда, когда утвердилась новая система оппозиций: «поэтическое — прозаическое». Бурцов у Давыдова — герой поэтический, а под поэтическим понимается то, что выходит за пределы жизненной ординарности, размеренности, регулярности.

Такой герой требовал резко экспрессивных форм словесного изображения. И современников, и потомков поражала и нередко шокировала «грубость» давыдовских «гусарских» стихов. Но «грубость» эта не самоценна, она мотивирована самым обликом носителя речи или адресата. И его положение в социальном мире, и его речевое поведение противопоставлены бытовой повседневности (а в нее более всего и прежде всего включался этикетный, организованный светский быт), как сфера «поэтического» сфере «прозы».[2] В этом отношении «гусары» Давыдова предвосхищают, например, героев Бестужева-Марлинского, противопоставленных «ледяному свету» как

---

[1] См. ее анализ: Ю. М. Лотман, Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория).— В кн.: Литературное наследие декабристов, Л., 1975, с. 25—74.

[2] О «гусарской» лирике Давыдова см.: Б. М. Эйхенбаум, От военной оды к «гусарской песне».— В его кн.: О поэзии, Л., 1969, с. 148—168; В. Н. Орлов, Певец-герой (Денис Давыдов).— В его кн.: Избранные работы в 2-х тт., т. 1, Л., 1982, с. 189 и след.

носители естественного, эмоционального, не подчиненного условностям начала,— и, быть может, отчасти поэтому глава русской романтической прозы уже в 1820-е годы будет открыто демонстрировать свою приверженность поэзии Давыдова и даже посвятит ему свой «Замок Нейгаузен». И так же, как у Бестужева, и даже еще в большей степени, бытовое правдоподобие у Давыдова — иллюзия. «Ясной сабли полоса», заменяющая зеркало, «куль овса» вместо диванов, «ташка с царским вензелем» в роли картины — все это быт не реальный, повседневный, а полемически соотнесенный с ним, быт функциональный, стилизованный, почти символический, своеобразная форма будущей романтической экзотики.

Но и в этих подчеркнуто стилизованных формах быт играл свою роль: он расширял и видоизменял область эстетически допустимого в традиционной батальной лирике. Он становился атрибутом «рядового» героя, заменившего теперь героя «возвышенного», и непременной принадлежностью «гусарской песни», вытеснявшей военную оду. «Гусарщина» Давыдова, несомненно, была симптомом демократизации поэзии.

Современники — вне зависимости от того, принимали ли они или отвергали ее эстетическую основу,— ощущали ее как открытие и как своего рода индивидуальную монополию Давыдова-поэта. Давыдову пытались подражать; Батюшков в «Разлуке» (1812—1813) сделал попытку перевести давыдовские «гусарские» стихи на язык своей поэзии — и потерпел неудачу. Пушкин иронически отозвался об этом творческом «споре». В лицейские и первые послелицейские годы он сам создавал стихи в духе Давыдова — и также без большого успеха. «Гусарская песня» не была ни долговечной, ни продуктивной; она не создала в русской поэзии сколько-нибудь устойчивого жанрового образования, и, как мы увидим далее, сам Давыдов более ее не разрабатывает. Значение ее было в другом: она расшатывала сложившуюся батальную традицию и отыскивала новые, деканонизирующие формы лирической экспрессии, оказавшие воздействие на соседние жанры — элегию и романс.

Стихи к Бурцову писались юношей, еще ни разу не видевшим сражения. В 1805 году Кавалергардский полк был при Аустерлице, Белорусский гусарский оставался в тылу. Влиятельные друзья — и более всех Б. А. Четвертинский — хлопотали о возвращении Давыдова в гвардию, и небезуспешно: 4 июля 1806 года его переводят поручиком в лейб-гвардии гусарский полк. В начале сентября он прибывает в Петербург. Он стремится в действующую армию и даже предпринимает отчаянный ночной визит к фельдмаршалу графу М. Ф. Каменскому, о чем рассказывал позднее в одном из очерков. Ему помогло ходатайство М. А. Нарышкиной-Четвертинской, взявшей молодого лейб-

гусара под свое покровительство: ее стараниями Давыдов получил должность адъютанта П. И. Багратиона и 5 января 1807 года выехал на театр военных действий. 24 января он получает первое боевое крещение в деле у Вольфсдорфа, а 26—27 января участвует в «гомерическом побоище» при Прейсиш-Эйлау, которое навсегда осталось для него самым сильным впечатлением войны: в течение полутора суток он выдерживает артиллерийские атаки — «...широкий ураган смерти, все вдребезги ломавший и стиравший с лица земли все, что ни попадало под его сокрушительное дыхание...» («Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года января 26-го и 27-го»).[1] Вместе с армией он проходит путь до Фридланда и становится очевидцем встречи Александра и Наполеона в Тильзите. Летом 1807 года вместе с Багратионом он отбывает в Россию.

Несколько месяцев Давыдов проводит в Москве. Двадцатитрехлетний штаб-ротмистр, боевой офицер, прошедший наполеоновскую кампанию и увенчанный за храбрость Прейсиш-Эйлауским крестом и прусским орденом «Pour le mérite», «утопает» в «московских веселостях» и, «как в эти лета водится, влюблен <...> до безумия».[2] Здесь происходит его сближение с кружком московских литераторов, в частности с Жуковским; его стихи — «Договор», «Мудрость»,— написанные по возвращении из похода, появляются в свет в изданиях Жуковского — «Вестнике Европы», «Собрании русских стихотворений», наряду со стихами Батюшкова и молодого Вяземского. В феврале 1808 года он покидает Москву: началась русско-шведская война, и Давыдов спешит догнать армию в Шведской Финляндии. С разрешения Багратиона, он поступает в авангард Я. П. Кульнева, одного из примечательнейших военачальников суворовской школы, известного своей легендарной храбростью и оригинальностью характера. Под началом Кульнева он служит всю кампанию 1808—1809 годов, участвует в нескольких смелых вылазках и в труднейшем переходе по льду Ботнического залива. Багратион представляет его к награде, но безуспешно: в глазах правительства Давыдов продолжал оставаться неблагонадежным.

Летом 1809 года Багратион был назначен главнокомандующим Задунайской армией, действовавшей на театре русско-турецкой войны; 23 июля он прибывает в Галац и 11 августа принимает командование. Давыдов находится при нем «во всех сражениях того года». В его формулярном списке отмечены участие во взятии Мачина (18 августа), Гирсова (22 августа), сражения при Рассевате (4 сентября), под Татарицей (10 октября)... Когда Багратион был отставлен

[1] Д. Давыдов, Военные записки, с. 84.
[2] Там же, с. 140—141.

от командования, Давыдов поступает снова в авангард Кульнева; 22 мая 1810 года он сражается под стенами Силистрии, 11—12 июня — под Шумлой. На этот раз правительство вынуждено наградить его: он получает алмазные знаки ордена святой Анны 2-й степени и — с марта 1810 года — чин ротмистра. Но он сам отказывается от дальнейшего служебного продвижения, когда новый главнокомандующий, граф Н. М. Каменский, входит в резкий конфликт с военачальниками, с которыми Давыдов был связан родственными и дружескими узами,— когда из действующей армии один за другим уходят граф П. А. Строганов, обвиненный фельдмаршалом в рассеивании порочащих его слухов, и Н. Н. Раевский. «Человек, покровительствованный генералом Раевским,— писал он последнему 14 июля 1810 года,— не может уже остаться на поприще брани, где господин Каменский прячется».[1] Неудачный штурм Рущука 22 июля укрепил его в намерении «дать тягу». В следующем же месяце мы находим его у Раевского в Яссах, затем в Каменке, имении В. Л. Давыдова, а в 1811 году — в Москве и Петербурге. 25 августа 1811 года он пишет из Петербурга письмо Вяземскому — первое дошедшее до нас из их многолетней переписки. В письме — следы не остывших еще московских литературных впечатлений. С Вяземским Давыдов уже на «ты»; с В. Л. Пушкиным он близок настолько, что тот, по приезде в Петербург в 1811 году, является к нему читать «Опасного соседа». И это, конечно, лишь ничтожная часть его литературных связей. В том же письме он передавал поклоны Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. Это существенно, если вспомнить рассказы Вяземского о «великолепных праздниках» у Нелединского, в его доме около Мясницкой, куда были приглашаемы молодые литераторы — в их числе Давыдов и Жуковский.[2] В стихах Давыдова есть след знакомства с поэзией Нелединского-Мелецкого (см. примечание к стих. «Что пользы мне в твоем совете...»). И наконец, еще один результат московских встреч: появление в «Вестнике Европы» 1811 года несколько стихотворений Давыдова.

Письмо Вяземскому пишется накануне отъезда Давыдова в Житомир, где с осени 1811 года находилась главная квартира 2-й Западной армии под командованием Багратиона. Давыдов вернулся не к Каменскому, а к «генералу своему», как говорит он в автобиографии. Это время для него было временем бездействия, заполняемого курьерскими поездками и «беседами» с «соименным его» Дионисием-Вакхом; сын добавляет к этому, что поэт был влюблен, как всегда, и отпрашивался у начальника во внеочередные отпуски,

---

[1] Архив Раевских, т. 1, СПб., 1908, с. 102—103.
[2] П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. 7, СПб., 1882, с. 89.

пропадая по нескольку недель и возвращаясь лишь тогда, когда рассерженный Багратион грозился отправить его в полк.[1]

О своих сердечных увлечениях в 1811—1812 годах и более ранних сам Давыдов упоминал постоянно. Почти все его стихи 1810-х годов — это стихи о несчастной любви и измене. Мы можем назвать адресатов некоторых из них, например Аглаю Давыдову; о других мы ничего не знаем и располагаем лишь неясными намеками в поэтических текстах. Так, в двух его элегиях — пятой и седьмой — упоминается о возлюбленной, с именем которой герой бросался в сечу, четвертая же элегия содержит признание: «в ужасах войны кровавой» (т. е. в 1812—1814 годах) герой еще «не знал» адресата. Элегии посвящены разным лицам, и это предопределило несведенность лирических мотивов внутри цикла, выстроенного задним числом.

Вместе с тем стихи Давыдова 1810-х годов — факт прежде всего литературный, а не биографический, и литературная их генеалогия представляет значительный интерес. Они отражают воздействие «легкой» и у́же — анакреонтической поэзии XVIII столетия, представленной, в частности, в «Аонидах». Выход «Анакреонтических песен» Державина (1804) оживил традицию, вызвав поток подражаний, в том числе в творчестве близких Давыдову Марина и Аргамакова. В «Мудрости», «Чиже и Розе» мы имеем дело с языком анакреонтической лирики, унаследовавшим от галантной, прециозной поэзии аллегоричность и перифрастичность, равно как и эмблематику образов типа «зефиров», «мотыльков» и самой «розы». Однако даже эти стихи написаны уже рукой, создавшей «бурцовские» послания. В изысканные и манерные аллегории то и дело вторгается дух шуточной и сатирической домашней поэзии. Так, в «Мудрости» аллегорические персонажи предстают в каком-то обытовленном, почти басенном виде. Стихия комического окрашивает галантные стихи, придавая им полупародийный характер. Это особенно ясно сказывается в «Договоре». Давыдов писал элегию — так это стихотворение рассматривала затем критика и так считал сам Давыдов, одно время включавший его в элегический цикл. Через двадцать пять лет он объявил его сатирой и усилил резкость сатирических характеристик. Но «Договор» был и тем и другим — опытом синкретического жанра, объединявшего противоположные начала. Жанр этот не удержался в русской поэзии: в эпоху становления «унылой элегии» он был просто непонятен,— и колебания автора были показательны. Элегические мотивы и ситуации вплелись здесь в контекст сатирической панорамы. Самый сюжет, оформленный словесно в дипломатических профессионализмах: «первая статья», «ста-

[1] Русская старина, 1872, № 4, с. 631.

тья вторая» и т. д.,— соотносился с многочисленными стихотворными «объяснениями в любви» от имени моряка, врача, портного и пр.; эта традиция сказалась, между прочим, в «Послании г<рафу> В<елеурско>му» (1809) Батюшкова («И новый регламент, и новые законы в глазах прелестницы читать») и в «Песне» («Как залп ужасный средь сраженья...») С. Н. Марина:

И ты, в душе, тобой плененной,
Ввела любовный вахтпарад.

Имя Марина, наиболее заметного представителя домашней, кружковой поэзии начала века, возникает здесь не случайно: напомним, что и сам Марин обращался к источнику «Договоров» — «Mes conventions» Э. Виже. Пародийное описание трагедии в давыдовской сатире-элегии (у Виже его нет), где герой как попало ударяет деревянным кинжалом «княжну», с которой потом едет домой ужинать,— находит соответствие в «Превращенной Дидоне» Марина, где подобным же образом вскрывается условность театрального действа: в нем «никто не умирает», и вестник объявляет зрителям о том, что делается за кулисами, соблазняя их скорым окончанием и грядущим ужином. Существенно, однако, что пародийное начало у Давыдова не снимает и не снижает лирического, оно сочетается и сосуществует с ним, расширяя диапазон авторской интонации и по своей функции сближаясь с романтической иронией. В «Гусаре» Давыдов будет иронически обыгрывать тривиальную образность галантной поэзии: «голубка», «свивающая гнездышко» в кивере гусара, «Амур», гуляющий с гусарской саблей,— но эта устаревшая эмблематика будет скрывать серьезное лирическое содержание. Постоянная смена авторского отношения к изображаемому (переменная модальность текста) — уже достояние новой поэзии: классицизм требовал единства и определенности эмоционального колорита.

1812 год стал переломным в биографии Давыдова. Собственно, Отечественная война и создала привычный нам облик «поэта-партизана», закрепленный традицией. С началом военных действий Давыдов просит Багратиона о переводе в Ахтырский гусарский полк, чтобы «служить во фронте». Командуя первым батальоном, он в течение июня — августа принял участие по меньшей мере в восьми сражениях, а 21 августа предложил Багратиону свой план систематической партизанской войны. План этот, одобренный Багратионом, был встречен с недоверием другими военачальниками, однако Кутузов поддержал его, и Давыдов получил отряд, хотя и весьма скромный: 50 ахтырских гусар и 80 казаков. Так начался его знаменитый

партизанский рейд, многократно описанный в исторической литературе, в том числе и самим Давыдовым («Дневник партизанских действий в 1812 году»),— рейд, нанесший ощутимый ущерб тылам наполеоновской армии и ставший началом развернутого и организованного партизанского движения, занявшего большое место в военных планах Кутузова. Уже в двадцатых числах сентября Кутузов считает нужным особо отметить «поиски» Давыдова, в том числе на Смоленской дороге. 28 октября соединенные отряды Давыдова, Фигнера, Сеславина и Орлова-Давыдова одерживают при Ляхове решительную победу над корпусом генерала Ожеро и берут в плен самого командующего.

9 декабря партия Давыдова, двигавшаяся в направлении Виленской губернии, вступила в Гродно. Армия Наполеона уже отступила за Неман. 24 декабря был отдан приказ о перераспределении частей армии, и отряд Давыдова вошел в состав главного авангарда под командованием генерала Ф. Ф. Винценгероде. Самостоятельные действия Давыдова оканчивались; заслуги его наконец были признаны. По представлению Кутузова он получил чин полковника, ордена святого Георгия 4-го класса и святого Владимира 3-го класса. Еще важнее была репутация «отца партизанской войны», приобретенная Давыдовым. Давыдов настаивал на своем приоритете, который современники и позднейшие исследователи иногда оспаривали, и, может быть, не без оснований; дело было, однако, не в хронологическом первенстве, а в убедительной разработке и обосновании самого принципа и роли партизанского движения в современной войне,— принципа, блестяще подтвержденного военной практикой Давыдова и закрепленного затем в его исторических сочинениях. Партизанское движение опиралось на убеждение в народном характере Отечественной войны 1812 года,— и Давыдов вспоминал потом, как пришло к нему осознание необходимости «в народной войне» «<...> не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде».[1] Характерно при этом, что официальный патриотизм афишек Ростопчина Давыдова резко отталкивал; его «приноравливание» предполагало не искусственную стилизацию псевдонародного слога, а органическое сближение с солдатом и крестьянином. Оно происходило естественно; о нем Давыдов рассказал в своих поздних мемуарах.

4 января 1813 года, на третий день после перехода границы, «партизан Ахтырского полка Давыдов», «сходно с приказанием», присоединился к корпусам Винценгероде.[2] Пройдя Вислу и Одер, авангард направился к Дрездену. Подойдя первым к столице Саксонии,

---

[1] Д. Давыдов, Военные записки, с. 208.
[2] М. И. Кутузов. Сборники документов, т. 5, М., 1956, с. 81.

Давыдов решился овладеть ею и, после переговоров с защищавшим город генералом Дюрютом, заключил трехдневное перемирие и 10 марта 1813 года вступил в Дрезден. Подошедший 13 марта Винценгероде не санкционировал этих действий; Давыдов был отрешен от командования; ему грозил военный суд. Заступничество Кутузова спасло его; по личному распоряжению Александра I он был возвращен в армию, но уже не получил прежней команды. То с Ахтырским полком, то во главе «партии наездников» он совершает весь заграничный поход 1813—1814 годов до самого Парижа. 23 мая 1814 года, получив шестимесячный отпуск, он выезжает в Москву. Здесь застает его и весна 1815 года.

Давыдов писал в автобиографии, что по возвращении «он предается исключительно поэзии и сочиняет несколько элегий».

Война не отразилась в его поэтическом творчестве,— ее осмысление наступает позднее и ретроспективно. Почти полное отсутствие стихов за 1812—1813 годы как нельзя лучше опровергает легенду, создававшуюся самим Давыдовым,— что его сочинения писались «при бивачных огнях», в минуты отдыха между сражениями. Для поэзии ему нужен был досуг, увлечения, мирная жизнь, полная сменяющихся культурных впечатлений и интеллектуального общения. О Давыдове — «говоруне», «словоохотливом весельчаке», рассказчике, острослове вспоминают многие мемуаристы. И. И. Лажечников много лет помнил, как он однажды встретил Давыдова в 1813 году в кружке Н. Н. Раевского, в садике одного из силезских городков: «С азиатским обликом, с маленькими глазами, бросающими искры, с черною как смоль бородой, из-под которой виден победоносец Георгий, с брюшком, легко затянутым ремнем», он что-то рассказывал под хохот окруживших его офицеров. Речь его была остроумна и саркастична,— это качество, памятное всем, его слышавшим, сам он высоко ценил и закрепил его в автохарактеристике в стихотворении «Полусолдат»:

Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Лажечников, конечно, вспоминал эти стихи, когда писал о Давыдове: «Хлестнет иногда в кого арканом своей насмешки, и тот летит кувырком с коня своего».[1] Эта индивидуальная особенность находила выход в эпиграммах, которые Давыдов писал легко и охот-

[1] И. И. Лажечников, Собр. соч., т. 7, СПб., 1858, с. 304. Ср. аналогичные свидетельства Э. И. Стогова (Русская старина, 1903, № 2, с. 272—273) и С. Н. Соковниной (Исторический вестник, 1889, № 3, с. 665).

но, до самого конца жизни; в этом же качестве он предстал перед кругом своих московских друзей. Еще не оправившаяся от страшных разрушений, Москва праздновала победу «в шумных кликах торжества», «запивая» «свой пожар и блеск похода», как потом вспоминал об этом Вяземский, воскрешавший в стихах «К старому гусару» (1832) «весь тот мир, всю эту шайку беззаботных молодцов», к которой в первую очередь принадлежал и Давыдов. Давыдов очень любил эти стихи и варьировал из них строки: «Будут дружеской артели Все ребята налицо». Уже через десятилетие с лишком эта эпоха рисовалась ему как дни юности и «заблуждений разгульных, любовных и поэтических», когда собирались «за шампанским с Толстым, с Жуковским, с Батюшковым» (письмо Вяземскому от 20 июля 1828 года).[1] От нее остается целая серия анекдотических рассказов о гомерических кутежах. Эта «поэзия разгула» в значительной мере условна. Тот же Вяземский вспоминал впоследствии, что Давыдов «поэтизировал», говоря о своих попойках, что он был всегда очень возбужден и «умен <...> был, а пьяным не бывал».[2] В свое время Ермолову придется объяснить Николаю I разницу между реальным Давыдовым и поэтическим образом Давыдова-гусара, а князю А. Г. Татищеву успокаивать будущую тещу поэта: «Давыдов, когда его хорошо узнаешь, только хвастун своих пороков».[3]

«Хвастовство» имело, однако, социальный смысл и функцию, которую очень хорошо чувствовали современники эпохи, например Ф. Н. Глинка. Оно было эмоциональным бунтом против казенной регулярности, «монотонии и глухой обыденности», бунтом, скрывавшим за собою субъективное неприятие существующих социально-бытовых, нравственных и даже политических норм.[4] Еще в 1820-е годы «вакхическая» поэзия будет в ортодоксальном сознании связываться с понятием «либерализма». Такая связь зарождается в первые послевоенные годы,— и не случайно именно из «дружеской артели» выходят гедонистические стихи с прямыми политическими аллюзиями, подобные стихам Вяземского «К партизану-поэту» (1815). Денис Давыдов становится героем целой серии подобных посланий,— это как раз та фигура, которая дает благодарный материал для поэтического обобщения: «счастливый певец Вина, любви и славы» (В. А. Жуковский, «Певец во стане русских воинов», 1812), «Анакреон под доломаном, Поэт, рубака, весельчак» (Вяземский, «К партизану-поэту»,

---

[1] Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому, Пг., 1917, с. 15.

[2] Русский архив, 1866, стлб. 900.

[3] Д. Давыдов, Военные записки, с. 408; Русская старина, 1872, № 4, с. 628—629.

[4] Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 2, М., 1980, с. 60.

1815). Обращенные к нему стихи составляют своего рода антологию, которую сам Давыдов тщательно собирал и переписывал, и в этой антологии за ним закрепляется привычная для нас формула «поэт и партизан»,— характеристика не профессиональная, а образно-поэтическая, обе части которой соединены и взаимно обусловлены по законам художественной связи. К этому поэтическому портрету прочно прикрепляется также поэтическая тема дружеского пира; при этом послания к Давыдову опираются на его собственные, ходившие в списках «гусарские» стихи и воскрешают фигуру Бурцова — своего рода символ гусарской вольницы.

Стихи Давыдова 1814—1815 годов включаются в этот общий контекст. Но как раз его послание Ф. И. Толстому — «Болтун красноречивый...» (1815) — показывает, какой сдвиг произошел в его творчестве. «Болтун красноречивый...» — уже не «бурцовское» послание. В нем звучит тема «интеллектуального пира». «Круг желанный Отличных сорванцов», «владельцы острых слов» — все это решительно противостоит вызывающей примитивности пиров 1804 года. Мотив «остряков» здесь едва ли не доминирующий. Это очень ясно в упомянутых уже стихах Вяземского «К партизану-поэту», перекликающихся с давыдовским посланием,— на этом пиру

Родятся искры острых слов,
Друг друга гонят, упреждают
И, загоревшись, угасают
При шумном смехе остряков!

Через несколько лет тема получает прямо социальное звучание в послании Пушкина к «Зеленой лампе» («Горишь ли ты, лампада наша», 1822):

Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков? —

и заново возникает в «декабристских строфах» «Онегина».

Бурцов посланий 1804 года встречал монологи поэта-гусара красноречивым молчанием: «Нос твой рдеет, лоб твой жмется, Отвечать тебе невмочь...» («Бурцову», первая редакция). Здесь противоположный принцип изображения; он будет продолжен в «Песне старого гусара»:

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют — и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Эта ретроспектива уже тронута легкой иронией: не забудем, что «старые гусары» представлены как «председатели бесед». Между новомодными интеллектуалами, говорящими о Жомини, и «коренными» воинами, чье ремесло — «кровавый бой», появляется новое, ценностно значимое звено: вольнодумцы и поэты, связанные узами дружества и единомыслия. После 1815 года всерьез героизировать Бурцова уже невозможно. И может быть, поэтому в послании Толстому 1815 года нет ни «куля овса», ни «стаканов пуншевых», но есть венки из плюща, Вакх и страсбургский пирог. Быт эстетизирован, интеллектуальный пир проецирован на греческий симпосий. Здесь ощущаются явные и давно замеченные исследователями следы воздействия поэтики Батюшкова.

Литературные отношения Давыдова и Батюшкова мало исследованы,— между тем они составляют особую проблему, весьма существенную при изучении творчества Давыдова. Взаимные оценки поэтов благожелательны, и даже более: Давыдов прямо признается в своем «восхищении» «гением» Батюшкова.[1] «Бурцовские» послания Давыдова эстетически подготавливали «Мои пенаты»: бытовая сфера батюшковского послания — «стол ветхий и треногий С изорванным сукном» — функционально близка давыдовской, при всех внешних различиях; это тоже быт не повседневный, а символический. С другой стороны, батюшковский «ленивый мудрец» появляется уже в стихотворении Давыдова 1813 или 1814 года («К Е. Ф. С — ну...»). Когда в 1814 году выходят из печати «Мои пенаты», они меняют поэтическую систему давыдовских посланий. Самый стих послания «Болтун красноречивый...» — астрофический трехстопный ямб «Моих пенатов», а античный колорит — не колорит в собственном смысле, но поэтические эвфемизмы, своего рода эквиваленты «высокого», «поэтического», «украшающего» слога. Этот язык не был исключительной и индивидуальной особенностью «Моих пенатов»: за ними последовали два других послания Батюшкова — «К Ж<уковско>му» (1812) и «Ответ Т<ургене>ву» (1812); в первом из них есть описание эпикурейского обеда, близкое к тому, какое мы находим в послании Давыдова:

...вины
И портер выписной,
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог...

---

[1] См.: Н. В. Фридман, Неизвестные письма К. Н. Батюшкова.— Русская литература, 1970, № 1, с. 188; его же: Поэзия Батюшкова, М., 1971, с. 185, 359; Письма... Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому, с. 8.

В разное время и вне хронологической последовательности в печати появляется целый ряд посланий, порожденных «Моими пенатами»: «К Батюшкову» Жуковского, «К Д. В. Дашкову» В. Л. Пушкина, «К подруге» и «К Батюшкову» Вяземского. Стихи Давыдова к Ф. Толстому включаются в этот поток (частью, несомненно, известный Давыдову до печати) и усваивают его поэтические темы,— не только тему дружеского пира, но и другую: тему «двора» и «света» как благ иллюзорных, мнимых, которым противопоставлены подлинные жизненные и духовные ценности. Тема эта порождает словесные формулы с устойчивыми значениями. «Молодые счастливцы», «баловни природы» — эти поэтические фразеологизмы из «Моих пенатов» войдут затем как ключевые в декларации Пушкина и «союза поэтов». Но определение «счастливцы» появляется у Батюшкова, и с негативным смыслом:

Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы,
Надутые князья!

Именно в этом значении формула появится у Давыдова — много позже, в элегии «Бородинское поле»:

...Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы.

Здесь была уже не только поэтическая, но и общественная ориентация.

Еще в 1814 году за сражение под Бриеном Давыдов был произведен в генерал-майоры. В конце года в приказах было объявлено об ошибочном производстве. Это недоразумение, выяснившееся только в 1815 году, было для Давыдова еще одним доказательством настороженно-недоброжелательного отношения к нему двора и более всего великого князя Константина Павловича. Но Давыдов столкнулся, скорее всего, не столько с личной «ненавистью», сколько с военно-бюрократической машиной, безличными общими распоряжениями, силой которых его удерживали без дела в Варшаве всю вторую половину 1815 года, гасили его воинскую инициативу, заставляли заниматься штабной работой, «парадами и формировкой». В январе 1816 года он в Киеве; он получает наконец следующий чин и назначения: сначала при начальнике 1-й драгунской дивизии, затем, по неотступным просьбам, во 2-ю гусарскую дивизию. В 1818—1819 годах он начальник штаба 7-го, затем 3-го пехотного корпуса, дислоцированного в Кременчуге. Оставленный в глубокой провинции, он стремится не сидеть на одном месте и проводит время в инспекторских смотрах и беспрестанных поездках то в Киев, то в Москву и

Петербург. Ему нужен дом и семья; в 1816 году он собирается жениться на Е. А. Злотницкой, но брак расстраивается. Все эти перипетии отражаются в его стихах.

1815—1819 годы — годы наибольшей близости Давыдова к деятелям тайных обществ юга,— близости и чисто географической, и идейной. Он дружен с М. Ф. Орловым; он свой человек в Тульчине и Каменке. Его ближайшие покровители, сослуживцы и друзья поддерживают тесные связи с активнейшими деятелями будущего декабризма: Пестель, И. Г. Бурцов — доверенные лица П. Д. Киселева, М. А. Фонвизин — Ермолова, С. Г. Волконский станет зятем Н. Н. Раевского. Да и сами Киселев и Ермолов занимают в военной администрации особое положение: они тронуты духом оппозиции настолько, что будущие декабристы рассчитывают на них как на прямых союзников.

О политике правительства Давыдов в эти годы высказывается резко и недвусмысленно. Он преисполнен отвращения к Аракчееву и аракчеевщине, военной бюрократии, «парадным генералам», наследникам гатчинских экзерцицмейстеров, «пресмыкающимся» перед властью, чтобы снискать «кусок эмали или несколько тысяч белых негров».[1] Подобно Киселеву и Орлову, он требует уважения к солдату и с энтузиазмом принимается за организацию ланкастерских школ по орловской методе. Он посылает в петербургский «Военный журнал» статьи о 1812 годе,— что в 1817—1818 годах было общественным жестом: тема «народной войны» была в эти годы если не запретной, то нежелательной. Наконец, он знает что-то о проектах «Ордена русских рыцарей» М. Ф. Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова. Но перед декабристскими проектами социального переустройства он останавливается.

«Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу,— пишет он П. Д. Киселеву в известном письме 1819 года.—...Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть самовластие в России. Этот домовой долго еще будет давить ее, тем свободнее, что, расслабев ночною грезою, она сама не хочет шевелиться, не только привстать разом. Но мне он не внемлет!» Его план — постепенная «осада», «пока, наконец, войдем в крепость и раздробим монумент Аракчеева».[2] В отличие от П. Д. Киселева, он не склонен возлагать надежды на реформы сверху; в отличие от Орлова, не верит в эффективность революционного взрыва. В 1823 году он с сочувствием следит за ходом испанской революции и жалеет о падении Мадрида; в интереснейшем письме к А. Я. Булгакову он набрасывает общий очерк политической жизни последних десятиле-

[1] Д. В. Давыдов, Соч., т. 3, с. 231.
[2] См.: С. С. Ланда, Дух революционных преобразований..., М., 1975, с. 159—160.

тий: после победы над Наполеоном наступила всеобщая реакция; на сцену вышли «магнетизм» и «Крюднерша» — обскурантизм мистических и политических сект, Священного союза, клерикальных кругов. «Я начинаю верить,— заключает он свое письмо,— что инквизиция и самодержавие есть притягательное дыхание диавола, от коего человеческий род спастись не может».[1] Это апогей политического критицизма,— но вместе с тем и политического скептицизма. Скептицизм Давыдова не есть стройная, продуманная система взглядов, присущая политическому мыслителю; у него нет и сколько-нибудь оформленной позитивной программы. Он был несомненно искренен, когда говорил о своих монархических убеждениях,— но таких, которые не нравились реальным монархам; подобно многим из умеренных просветителей XVIII—XIX веков, он был противником «деспотии», «самовластия»,— и не более того. Он знал, однако, что в реальных условиях России середины 1820-х годов политическая реальность — именно «деспотия», а не «просвещенный абсолютизм»,— и не только это убеждение, но и пессимизм, вызванный в нем поражением европейских революций, сближает его с многими деятелями декабризма и с Пушкиным: это охвативший почти всю мыслящую часть общества «кризис 1823 года». Теперь Давыдов готов принять самодержавие как неизбежное зло. В. Д. Давыдов помнил, что отец его возражал даже против конституционного ограничения монархии, предпочитая «одного большого тирана» «массам маленьких, подкрашенных красноречием». К сожалению, мы не знаем, к какому времени относится это высказывание; может быть, оно принадлежит уже 1830-м годам: оно близко той позиции, которая отразилась в «Современной песне». Как бы то ни было, Давыдов продолжал сохранять неприязнь к современной ему официальной России, но в нем крепло и недоверие к «духу революционных преобразований». По-видимому, эти настроения улавливали и члены тайных обществ. По семейному преданию, сохраненному сыновьями Давыдова, заговорщики намеренно избегали его, чтобы не замешать;[2] сам он вспоминал, что, «находясь всегда в весьма коротких сношениях с участниками заговора», он «не был, однако, никогда посвящен в тайны этих господ». Когда на смену Союзу Благоденствия пришли подлинно конспиративные общества, декабристам нужны были уже не сочувствующие и сомневающиеся, но единомышленники. Когда же, незадолго до восстания, двоюродный брат Давыдова, Василий Львович, все же пригласил его запиской «вступить в Tugendbund», он ответил: «Что ты мне толкуешь о немецком бунте? Укажи мне на русский бунт, и я пойду его усмирять».[3] Эта

[1] Цит. по статье: А. А. Ильин-Томич, Поэзия жизни и жизнь поэзии.— В кн.: Д. Давыдов, Избранное, М., «Книга», 1984, с. 20.
[2] Русская старина, 1872, № 4, с. 636—637.
[3] Д. Давыдов, Военные записки, с. 389.

полушутка как нельзя лучше показывает двойственное положение Давыдова в реальной обстановке современной ему России: критикуя правительство, он ощущал себя «солдатом», обязанным служить верой и правдой, но все время оказывающимся в оппозиции силою вещей. Двойственным было и отношение к нему: его награждали за «службу», но не считали «своим»; не верили в начале его пути, не верили и под конец жизни.[1]

Социальное сознание Давыдова получит в его стихах непосредственное отражение позднее, в 1828—1830 годах. Во второй половине 1810-х годов он выступает исключительно как лирический поэт. Это время — период его интенсивного творчества и продолжающихся литературных контактов. Его среда, как и прежде,— московский круг молодых последователей Карамзина, формирующий в 1815—1817 годах литературно-полемическое общество «Арзамас».

Сохранилось очень немного свидетельств об организационном участии Давыдова в «Арзамасе». Он был принят в члены 14 октября 1815 года и получил шуточное прозвище «Армянин» (из баллады Жуковского «Алина и Альсим»). На заседаниях он, по-видимому, ни разу не присутствовал.

Ф. Ф. Вигель вспоминал, что петербургские «арзамасцы» Давыдова «никогда меж себя не видали. Он находился в Москве: там вместе с Вяземским и <В. Л.> Пушкиным составили они отделение «Арзамаса», и заседания их посещали Карамзин и Дмитриев».[2] Все это вряд ли достоверно и рассказано по слухам. Александр Тургенев, блюститель традиций «Арзамаса», даже не мог вспомнить арзамасского прозвища Давыдова. То, что прежними издателями Давыдова считалось его вступительной «арзамасской» речью и было в 1893 году напечатано в собрании его сочинений, является, как ныне установлено, слегка отредактированной речью Андрея Тургенева в «Дружеском ли-

---

[1] Общественная позиция Давыдова получает различное толкование в исследовательской литературе. См.: Вл. Орлов. Певец-герой (Денис Давыдов).— В его кн.: Избранные работы в 2-х тт., т. 1, с. 154—202; М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 1, М., 1955, с. 133—134, 138; С. С. Ланда, Дух революционных преобразований..., с. 155—161; В. В. Пугачев, Денис Давыдов и декабристы.— В кн.: Декабристы в Москве, М., 1963, с. 107—142; А. Г. Тартаковский, 1812 год и русская мемуаристика, М., 1980, с. 165 и след.; В. В. Пугачев, Из истории русской общественно-политической мысли начала XIX века (От Радищева к декабристам).— Уч. зап. Горьковского унив., 1962, вып. 57. Серия историко-филологическая.

[2] Ф. Ф. Вигель, Записки, ч. V, СПб., 1892, с. 45.

тературном обществе», относящейся еще к 1801 году.[1] Однако нужно говорить не об участии Давыдова в кружке в собственном смысле слова, а о принадлежности его к неформализованной группе литераторов, которая в современной исследовательской литературе обозначается как «арзамасское братство» и которую объединял не устав и совместные заседания, а дружеские и профессиональные связи, ощущаемые как общность.[2] Эти связи и эта общность установились у Давыдова с Батюшковым, Жуковским, Вяземским еще в начале века; подобно им, он был «арзамасцем до Арзамаса». В «Арзамас» он пришел естественно и разделил с ним профессиональные интересы и даже профессиональные привычки. Он писал Жуковскому в декабре 1829 года, посылая свои стихи: «...все тебе отдаю на суд; ты архипастырь наш, président de la chambre du conseil (председатель суда.— *Сост.*); что определишь, то и будет...» Его письма Вяземскому пестрят настоятельными просьбами: «Прошу поправить, да непременно поправить, иначе я точно рассержусь».[3] Позднее он изберет себе и других поэтических арбитров — Баратынского, Языкова. За всем этим стоит литературный быт и психология кружка, причем именно «арзамасского» кружка. И признание безусловного приоритета Жуковского в области поэтического «слога» — несмотря на любые расхождения как социального, так и общеэстетического свойства, и взаимная стилистическая критика,— все это входило в систему литературных взаимоотношений «арзамасского братства». «Критика слога» органически включалась в эстетическую программу «школы гармонической точности» с ее критериями «вкуса», «соразмерности и сообразности». И здесь возникало явление почти парадоксальное. Постоянно подчеркивая непрофессиональность, импульсивность, небрежность своего творчества и стиля, Давыдов настойчиво требует от друзей его «полировки» и в то же время сам с почти педантическим упорством работает над отдельными строками и словами. Не много найдется современников Давыдова, которые бы вносили лексические изменения почти в каждую новую публикацию и даже почти в каждую автокопию своих стихов. Давыдов делал это.

Варианты его стихов, расположенные в хронологической после-

---

[1] Ю. М. Лотман, Историко-литературные заметки. 2. О так называемой «Речи» Д. В. Давыдова при вступлении в «Арзамас».— Уч. зап. Тартуского унив., вып. 98. Труды по русской и славянской филологии, III, Тарту, 1960, с. 311.

[2] См.: М. И. Гиллельсон, Молодой Пушкин и арзамасское братство, Л., 1974, с. 141 и след.

[3] Русская старина, 1903, № 8, с. 447; Письма... Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому, с. 5.

довательности, дают нам очень выразительную картину типично «арзамасской» творческой лаборатории. За редким исключением, он не создает новых редакций: он отшлифовывает раз написанное на уровне строк и слов, ища логической и гармонической точности и адекватности смысловых и стилистических оттенков. Это именно критика «вкуса»; недаром же он постоянно упоминает в письмах о «нескольких пятнах грязи», которые просит вычистить, и жалуется на неточности, с которыми не может справиться сам.

Ему нужен общий поэтический фон, на котором стилистический оттенок дает семантический сдвиг, не контрастирующий, а гармонирующий с целым, и тем не менее ясно ощущаемый. Это был общий закон поэтики Батюшкова — Жуковского.[1]

Давыдов оживляет, казалось бы, стертые поэтизмы, наполняя их конкретно-чувственным содержанием; он играет оттенками, обертонами, соотношениями тропа и общего контекста,— он владеет всеми теми специфическими средствами поэтического языка пушкинской поры, которые были материализацией основного эстетического требования — «вкуса» и «гармонии».

Но этого мало. Он сам принимает участие в коллективных стилистических разборах «арзамасских» стихов с позиций «гармонической точности» — и на это время сбрасывает с себя маску ученика и дилетанта, с профессиональной определенностью заявляя иной раз свое особое мнение. Блестящим примером такого разбора является письмо его Вяземскому о стихах Пушкина «Жуковскому» (июнь 1818 года), приведших в восторг Вяземского и Жуковского. Давыдов решительно противопоставляет их отзывам свое суждение. «Стихи Пушкина хороши,— пишет он,— но не так, как тебе кажутся, и не лучшие из его стихов. Первые четыре для меня непонятны. Но *И быстрый холод вдохновенья Власы подъемлет на челе* прекрасно! И меня подрал мороз по коже. От стиха сего до рифмы *ясным* не узнаю молодого Пушкина. *В дыму столетий* чудесно! но *великаны сумрака* Карамзина... что скажешь? А мысль одинакая. Замечание твое насчет *злодейства* и *с сынами* справедливо. Теперь от рифмы *окружен* до рифмы *земной* я слышу Василия Львовича, напев его. Но стих *И в нем трепещет вдохновенье* — прелестен! Вот мое мнение насчет этих стихов».[2] Это критика не только «слога» — неточностей поэтического словоупотребления. Давыдов идет дальше Вяземского; он касается вопросов лирической композиции, отмечая длинноты, ослабляющие поэтическую энергию. В «арзамасской» фразеологии имя В. Л. Пушкина, «напев» его означали вялость, «водяность» стиха. Во второй

---

[1] См. подробнее: Лидия Гинзбург, О лирике, изд. 2, доп., Л., 1974, с. 19—51.

[2] Письма... Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому, с. 9.

редакции Пушкин сократил послание почти наполовину, убрав и первые четыре строки, и всю вторую часть, где находились стихи, напомнившие Давыдову «Василия Львовича»; эта новая редакция создавалась уже тогда, когда Пушкину могли быть известны давыдовские замечания.

У нас есть все основания считать, что именно в «арзамасской» среде, в Москве, в конце 1817 — начале 1818 года созрела мысль об издании первого сборника стихов Давыдова. Он должен был открываться элегиями. Новый период творчества «поэта-партизана» проходил под знаком элегий, написанных им в 1814—1818 годах, посвященных разным адресатам, но ныне выстроенных в единый лирический цикл,— своего рода книга элегий, подобная IV книге «Poésies érotiques» Парни и, вероятно, прямо на нее ориентированная. Единство цикла обеспечивалось единством лирического героя и лирической эмоции; каждая ситуация составляла как бы главу лирического романа, обозначенную заглавием. Это собрание читал Жуковский, сделавший замечания по жанровому составу и вовсе не коснувшийся стиля.

Здесь возникает еще один ложный парадокс. Давыдов упорно требовал от Жуковского поправок,— Жуковский с таким же упорством отказывался их делать. «Ты шутишь, требуя, чтобы я поправил стихи твои. Все равно, когда бы ты сказал мне: поправь (по правилам малярного искусства) улыбку младенца, луч дня на волнах ручья, свет заходящего солнца на высоте утеса и пр. и пр. Нет, голубчик, не проведешь».[1] «Прелесть» «музы Давыдова» для Жуковского — именно в ее «небрежности», непосредственности, способности быть мгновенным отпечатком душевных движений, сохраняя ту эмоциональную энергию, которая исчезает при прикосновении «искусства». Именно ее, как мы видели, искал Давыдов в стихах «молодого Пушкина».

Это качество поэтической энергии, экспрессии сам Давыдов более всего ценил в своих стихах, употребляя для ее обозначения метафору-термин «огонь». «Огонь» в его элегиях принадлежал самому лирическому герою, решительно отличавшемуся от героя «унылой элегии», родоначальником которой был сам Жуковский и которая под пером его последователей уже начинала превращаться в канон. Элегический герой Давыдова страстен, а не уныл и не мечтателен, и роль его — действие, а не медитация. Поэтому на него не распространяются и те этические и эстетические запреты, которыми ограничена сфера чувств и поведение «унылого» элегического героя. Ему доступна ревность и желание мести; он не спиритуалистичен, а скорее чувствен. Когда Пушкин в стихотворении «Мечтателю» (1818) объ-

[1] В. А. Жуковский, Соч. в 3-х тт., т. 3, М., 1980, с. 496 (письмо от 10 декабря 1829 года).

явит войну концепции «унылого» элегического героя, он прежде всего поставит под сомнение подлинность его чувства и противопоставит ему давыдовского героя. Истинная любовь — не «тихое уныние», а «страшное безумие», «бешенство бесплодного желанья». Строка из VIII элегии Давыдова осмысляется здесь как формула романтической концепции любви.

Пушкин признавался, что уже в молодости под влиянием Давыдова стал писать «круче» и «приноравливаться» к его «оборотам».[1] «Кручение стиха» — тоже своеобразная формула, которой Пушкин определял поэтику давыдовских элегий. При этом он имел в виду вовсе не гусарскую «грубость», которая в элегиях полностью отсутствует, а их экспрессивный рисунок. Упомянутая нами превосходная VIII элегия очень показательна в этом отношении. Поэтический синтаксис этой элегии не «элегичен» — в том смысле, в каком это слово употребляла формирующаяся теория жанра,— он принадлежит скорее ораторскому периоду. Для элегий Давыдова характерен зачин-обращение, личное или внеличное:

Возьмите меч — я недостоин брани!
Сорвите лавр с чела — он страстью помрачен!

(<Элегия I>)

О ты, смущенная присутствием моим,
Спокойся: я бегу в пределы отдаленны.

(<Элегия VI>)

Нет! полно пробегать с улыбкою любви
Перстами легкими цевницу золотую...

(<Элегия VII>)

О пощади! — Зачем волшебство ласк и слов...

(<Элегия VIII>)

Здесь не просто поэтический прием — здесь стилевой ключ. Элегия строится на вопросительной или восклицательной интонации. Это заметил Пушкин,— когда в «Андрее Шенье» он заставит заговорить элегического поэта:

Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...—

он словно станет варьировать интонационно-синтаксический рисунок IX элегии Давыдова:

Погибните навек, мечты предрассуждений,
И ты, причина заблуждений,
Чад упоительный и славы, и побед!

---

[1] Письма... Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому, с. 43.

Но вернемся к «Элегии VIII». Ораторская интонация нарастает; лирическая тема «возлюбленной» строится на анафорических повторах. Портрет ее возникает отраженно, в восхищенном созерцании. В нем нет никаких описаний, ни одной конкретно узнаваемой черты — как развевающиеся по ветру волосы героини батюшковской «Тавриды»,— в нем говорит чистая эмоция.

...Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и груди высокой?
О пощади!..

Повтор, еще подчеркнутый паузой переноса, кольцеобразно замыкает тему «возлюбленной». Возникает вторая тема — «любовника»; она вступает в свои права в следующих строках, где, совершенно так же, как в первом четверостишии, лирическая эмоция нарастает, нагнетается уже средствами лексики — беспорядочно, на первый взгляд, нагромождаемыми однородными сказуемыми, словно поэт мучительно ищет единственного точного и всеохватывающего слова. Но это иллюзия: хаос здесь мнимый. Он точно выверен и рассчитан. Глаголы, призванные передать состояние героя, не тождественны по значению — они играют тончайшими смысловыми оттенками:

...я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею...

Создается экспрессивное поле, в следующих строках еще повышающее свое напряжение:

Но ты вошла — и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!

Этот эмоциональный гиперболизм станет затем особенностью любовной лирики 1830-х годов. Стихи Давыдова предвосхищали и поэтический «хмель» Языкова, и метафорическую экстатичность «байронистов» лермонтовского поколения, и эротику Бенедиктова. Но у Давыдова ценностные и эмоциональные ореолы слова не поглощают его логического значения, как это нередко будет случаться в поэзии 30-х годов: экспрессивность стиха умеряется требованием «гармонической точности».[1]

---

[1] О стилистических особенностях лирики Давыдова см. также: И. М. Семенко, Поэты пушкинской поры, М., 1970, с. 106—120.

Элегии Давыдова ждала своеобразная судьба. Их поэтические открытия оказались не ко времени в эпоху господства «унылой элегии». Последняя в 1810-е годы была продуктивным жанром, из которого предстояло вырасти аналитической элегии Баратынского. В 30-е же годы Давыдов отказывается от этого жанра и смотрит на свои элегии как на стихи «старинной выделки». Он не сумел сам оценить своего новаторства, но очень ясно ощущал генеалогию своих стихов.

Дело в том, что корни давыдовской элегии уходили еще в доромантический период. Она создавалась не после «унылой элегии», а параллельно с ней, и ее «строительным материалом» была «легкая поэзия», анакреонтика, послание, промежуточные жанровые формы типа стансов и «песен». Поэтому-то жанровые каноны новой, преромантической элегии и не оказали воздействия на Давыдова: он прошел мимо них. В эпоху, когда русская поэзия культивировала героя шиллеровских «Идеалов» или «Падения листьев» Мильвуа, его героем продолжал оставаться элегический либертин, обрисованный в стихах Парни. Он сохранил в своей элегии и то, против чего боролись элегики новой формации: сложное переплетение стилистических и модальных планов — от гнева до лирической жалобы и иронии, от патетики до просторечия. Поэтому источники и аналоги его элегиям обнаруживаются иногда за пределами элегического жанра.

Как и ранее, он более всего близок к Батюшкову, многие стихи которого знает, вероятно, до печати. В элегии VII есть след воздействия батюшковского «отрывка» «Воспоминания»:

Я именем твоим летел под знамя брани
Искать иль славы, иль конца;
В минуты страшные чистейши сердца дани
Тебе я приносил на Марсовых полях...

Эти стихи еще не были напечатаны, когда Давыдов писал:

О Лиза! сколько раз на Марсовых полях,
Среди грозы боев, я, презирая страх,
С воспламененною душою
Тебя, как бога, призывал...

Он переводит девятую элегию Парни, как будто следуя по пятам за Батюшковым, и оказывается ближе к нему, чем к оригиналу:

Нет, нет! явлюсь опять, но как посланник мщенья,
Но как каратель преступленья...

У Батюшкова, в том же 1816 году:

Нет, в лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь, как бледное в полуночь привиденье...

Или в «Элегии VII» Давыдова:

Никто не окропит холодный труп слезой,
И разбросает ветр мой прах с песком пустынным!

Это парафраза батюшковского «Веселого часа»:

...Ничьей слезой
Забвенный прах не окропится...

Еще более интересно, что в его элегиях оживают структурные принципы любовных стихов Карамзина, некогда прочитанных им в «Аонидах»,— «К неверной», «К верной», «Послание к женщинам», «Отставка»,— эти стихи, объединенные темой любви и измены, он хорошо помнил и иной раз сознательно перефразировал (см. примечание к стих. «Ответ на вызов написать стихи...»). Они уже вовсе не были «элегиями» в понимании первого десятилетия XIX века: они допускали рассуждение, сентенцию, прозаизм, иронию — все то, что исключила новая элегия и что сохранил Давыдов. В «Отставке» Карамзина мы находим уже знакомый нам случай метафорического использования профессиональной военной лексики,— такой же, как в давыдовском «Неужто думаете вы...» (кстати, в первой публикации названном «Отставка», а во второй — «Неверной»). В «Послании к женщинам» мы без труда обнаружим почти «давыдовские» патетические монологи, с вопросительными и восклицательными интонациями, с широким эмоциональным диапазоном:

Когда познаешь ты приятность вольной страсти?
Когда в тебе любовь сердца соединит,
Не тяжкая рука жестокой, лютой власти?
Когда не гнусный страж, не крепость мрачных стен,
Но верность красоте хранительницей будет?

Это все очень близко II элегии. А вот — в том же послании — темы и интонационный строй элегии VII:

О вы, для коих я хотел врагов разить,
Не сделавших мне зла! хотел воинской славой
Почтение людей, отличность заслужить...

Эту связь, видимо, и ощущал Давыдов, когда причислял свои элегии к галантной поэзии предшествующего столетия. Но он переоценивал значение их родословной, ибо сами стихи принадлежали уже новой эпохе.

Военная карьера Давыдова практически оканчивается в начале 1820-х годов. В 1819 году он женится на С. Н. Чирковой («выходит замуж», как острит Федор Толстой) и живет в Москве и под Москвой, числясь в длительных отпусках. Его неприязнь к военной бюрократии отлично известна в столице; к тому же с юных лет он пользуется репутацией неблагонадежного. В 1822—1824 годах Ермолов несколько раз просит о переводе его на Кавказскую пограничную линию, о чем хлопочут Закревский и Волконский, но на все ходатайства следует отказ. «Нет нам удачи с Денисом,— пишет Закревскому обиженный Ермолов,— и больно видеть, что неосторожность и некоторые шалости в молодости могут навсегда заграждать путь человеку способному».[1] В 1823 году Давыдов окончательно выходит в отставку.

В эти годы расширяются его литературные связи. Имя его окружено ореолом легенды; реальный облик проецируется на его стихи. Молодой М. П. Погодин, встретивший его у А. В. Всеволожского, записывает в дневник: «Огонь! — с каким жаром говорил он о поэзии, о Пушкине, Жуковском. В молодости только можно писать стихи, надобно гроза, буря, надобно, чтоб било нашу лодку отовсюду <...> Теперь я в пристани, на якоре. Теперь не до стихов! Как восхищался Байроном, рассказывал места из него <...> Негодует на Жуковского, зачем он только переводит.— Нет воображения. <...> Говорил о своем дневнике, биографии и пр. Огонь, огонь».[2] Этот стилизованный портрет романтического поэта отчасти сознательно создавался самим Давыдовым.

Он легко и свободно сходится с литературной молодежью; А. А. Бестужев и Грибоедов попадают под его обаяние. В 1824 году он буквально засыпает Закревского просьбами об облегчении участи Баратынского и вместе с Жуковским и А. Тургеневым добивается наконец почти недостижимой цели: освободить опального поэта от солдатской лямки, выхлопотав ему офицерский чин и вожделенную отставку. С этого времени начинается постоянное литературное общение Давыдова и Баратынского.

Стихов в эти годы он, по-видимому, вообще не пишет и работает только над военными сочинениями: выпускает «Опыт теории партизанских действий» (1821, 1822) и публикует в «Московском телеграфе» «Разбор трех статей, помещенных в записках Наполеона» (1825). Однако он пишет свою автобиографию — ту самую, о которой упоминал Погодин и которая была в ранней редакции готова уже в 1821 году.

---

[1] Сборник Русского исторического общества (РИО), т. 73, СПб., 1890, с. 409.

[2] Пушкин и его современники, вып. 19—20, Пг., 1914, с. 68.

Здесь, в Москве или в подмосковной, застает Давыдова известие о восстании 14 декабря. Как он принял это известие, мы не знаем. С отъездом в Москву прервались его личные контакты с членами южных обществ, и еще в 1822 году, получив стереотипное требование подписки о неучастии в масонских ложах, он с возмущением написал Закревскому, что эта «форма» для него «неприлична», так как он не был и не будет ни в масонах, ни в каких других тайных обществах.[1] Следствие над декабристами обнаружило непричастность Давыдова к заговору, но, несмотря на это, у нового правительства он пользовался симпатиями, быть может, еще меньшими, нежели у прежнего. Неприязнь была взаимной. В «Анекдотах о разных лицах...», писанных Давыдовым для себя, рассеяно множество рассказов, рисующих Николая I в крайне невыгодном свете,— рассказов о давнем недоброжелательстве императора к кумиру Давыдова — Ермолову, о бессмысленной педантической жестокости к участникам восстания, о страхе, испытанном им 14 декабря... Хотя следствие не коснулось самого Давыдова, оно затронуло его ближайший дружеский и родственный круг — М. Ф. Орлова, В. Л. Давыдова, семью Раевских, Грибоедова, а Вяземский и Баратынский, с которыми он был тесно связан в Москве, находились в глухой оппозиции к новому режиму.

Тем не менее Давыдов рассчитывает на перемены и начинает хлопотать о возвращении на службу. Успех означал бы для него гражданскую реабилитацию. В первых числах августа 1826 года, в дни коронационных торжеств, он был принят императором и обласкан. Николай поступил с Давыдовым почти так же, как месяцем позже — с Пушкиным: он стремился нейтрализовать и привлечь на службу лучшие силы прежней оппозиции. Вместе с тем здесь был и более близкий, прагматический расчет: представление Давыдова роковым образом совпало с началом русско-персидской войны.

Николай I отправил Давыдова на Кавказскую линию, к Ермолову, сделав то, чего Ермолов и Давыдов тщетно добивались от Александра I в течение двух лет. Но устранение Ермолова было уже предрешено императором: несколькими днями ранее на линию был отправлен генерал И. Ф. Паскевич, формально в качестве помощника, подчиненного Ермолову, фактически — как его преемник, с особыми полномочиями.

15 августа Давыдов выехал на Кавказ, «со стесненным сердцем» и обливаясь слезами, как признавался он потом в «Воспоминаниях о 1826 годе».[2] Несмотря на его бодрые заявления в письмах к Зак-

---

[1] Сборник РИО, т. 73, с. 535.
[2] Д. В. Давыдов, Соч., т. 2, с. 192.

ревскому, что он готов «грянуть» и что «надо по крайней мере еще лет пять и две или три войны, тогда только уломают бурку крутые горки»,[1] осуществление его мечты о «войнишке» оказалось для него полной неожиданностью. Он был не слишком молод, не вполне здоров, он отправлялся в места, охваченные эпидемией, оставляя детей и беременную жену. Его письма жене с дороги выдают его душевную депрессию.[2] Часть пути он совершает вместе с Грибоедовым, только что освобожденным из-под ареста; их разговоры, несомненно, касаются событий 14 декабря и судьбы, ожидающей Ермолова с приездом Паскевича.

Все эти обстоятельства подготовили тот надлом, который пережил Давыдов в 1826—1827 годах и который прямо отразился в его поэтическом творчестве. Современные свидетельства очень выразительно рисуют нам начавшееся сразу после приезда Паскевича резкое обострение отношений между генералами и атмосферу доносов, наушничества и тайных интриг, которая окружила Давыдова в сентябре 1826 года. Ноты разочарования звучат в дневнике Н. Н. Муравьева: легендарный партизан не оправдывает своей славы — он слаб, нерешителен, не очень храбр, изнежен и капризен.[3] В этих характеристиках сказывалась, конечно, и личность мемуариста — педантического службиста с гипертрофированным семейным самолюбием. Но они — свидетельство из «ермоловского лагеря», и Давыдов в них узнаваем. Он растерян, как растерян и сам Ермолов, подозревавший всех, временами даже Муравьева и Давыдова. От всесильного некогда проконсула Кавказа постепенно отворачиваются друзья и преданные подчиненные — и его охватывает страх: страх перед возможными неудачами, гневом императора, кознями Паскевича. Когда он говорит о неизвестности, его ожидающей, голос его дрожит, он плачет. Это не просто индивидуальные черты поведения Ермолова или Давыдова — это социально-психологическая атмосфера 1826 года с ее подавленностью и всеобщим страхом. Она прямо отражается в стихах Давыдова 1826—1827 годов: в «Полусолдате», в «Партизане», где ясно слышатся нотки психологического диссонанса. Здесь биографические мотивы вырастают до социального обобщения.

Сам Давыдов был одним из немногих, кто сохранил верность опальному генералу и кто провожал его, когда тот, подав прошение

---

[1] Сборник РИО, т. 73, с. 536—541.

[2] Вл. Орлов, Судьба литературного наследства Дениса Давыдова.— Лит. наследство, т. 19—21, М., 1935, с. 330—331.

[3] Н. Н. Муравьев-Карский, Записки.— Русский архив, 1889, № 4, с. 590—592, 602; № 9, с. 67—68. Об участии Давыдова в военных действиях см.: М. Нерсисян, Из истории русско-армянских отношений, кн. 2, Ереван, 1961, с. 7—37.

об отставке и получив ее, отправился «инвалидом» в свое имение, в апреле 1827 года. Сопровождавший их А. С. Гангеблов, поручик Измайловского полка, член Северного общества, служивший под надзором после десятимесячного заключения в Петропавловской крепости, сохранил в своих воспоминаниях выразительный эпизод: Давыдов обратил на него ласковое внимание лишь после того, как узнал его историю.[1]

Давыдов покинул Кавказ почти сразу же вслед за Ермоловым, отнюдь не улучшив, а, напротив, ухудшив свою репутацию в глазах властей. Паскевич поступил с ним по испытанному способу: он медленно, но неуклонно устранял его от дел, пока Давыдов не подал в отставку. «Я увидел, что меня хотят спровадить,— писал он Закревскому 10 августа 1827 года,— и просился прочь, это приняли с восхищением от неимения ко мне доверенности. <...> Я уехал, но несправедливость сия так потрясла всю нравственную систему мою, что я занемог, и серьезно...»[2]

С этого времени в его стихи входит тема «гонителей» и «гонимых».

Он пишет «Бородинское поле» (1829) — одну из лучших русских исторических элегий 20-х годов, полную ностальгии по «гомерическому», героическому прошлому, эмблемой которого становятся имена Багратиона, Раевского и Ермолова, что звучало уже как прямой вызов. Вслед за тем он упоминает о себе, их соратнике, чью судьбу «попрали сильные...». Идея выражена в тексте прямо и недвусмысленно и не нуждается в специальном объяснении,— она почти та же, что в лермонтовском «Бородине». Менее очевидно для современного читателя художественное новаторство «Бородинского поля».

Чтобы оценить его по достоинству, следует иметь в виду, что «рустическая элегия», живописующая патриархальное сельское уединение, была в 1820-е годы живым жанром и что его поэтические темы и ценностные характеристики были предопределены в ней еще знаменитым вторым эподом Горация «Beatus ille...» — о счастливой судьбе земледельца, возделывающего наследственное поле. В 1807 году в бою при Прейсиш-Эйлау Давыдов вспоминал «Тибуллову элегию „О блаженстве домоседа"». Здесь определялись поэтические темы и образы с устойчивой системой коннотаций (сопутствующих

---

[1] См.: А. С. Гангеблов, Воспоминания декабриста, М., 1888, с. 125—126.

[2] Сборник РИО, т. 73, с. 549.

значений): «покой» — мир, благоденствие, природа, семейные радости; «война» — убийство, смерть, жестокость. В IX элегии (1818) сам Давыдов находится в пределах этого круга понятий:

В уединении спокойный домосед
И мирный семьянин, не постыжусь порою
Поднять смиренный плуг солдатскою рукою...

Но уже в 1824—1825 годах, в период первой отставки, в его письмах кристаллизуется остро контрастная словесная тема «солдата-хлебопашца» (письмо А. А. Бестужеву, 18 февраля 1824 года). Она достигает своего апогея в двух письмах к А. И. Якубовичу: «тяжело было снести то равнодушие, с каким оттолкнули меня в толпу хлебопашцев» (14 марта 1825). В следующем письме он с восхищением пишет о «богатырских и великодушных» деяниях Якубовича, «несущих на себе отпечаток чего-то гомерического, веющих запахом времен поэтических, ныне столь плоских и прозаических».[1] Итак, определяется новая система коннотаций: «война» — подвиги, поэзия, деятельность; «покой» — бездействие, угасание, будничная проза. Именно эта система поэтических представлений объясняет, почему Давыдов в 1829 году нарушает свое поэтическое безмолвие посланием к Е. Зайцевскому,— не к Пушкину, не к Вяземскому, не к Баратынскому, но к поэту очень ограниченного таланта, к тому же лично ему вовсе неизвестному. Герой-воин и одновременно стихотворец для Давыдова — символическое воплощение поэзии в «плоские и прозаические» времена. «Земледелец-гусар» стихов 1829 года — жертва века, оксюморонное сочетание, аномалия. Эта поэтическая концепция, решительно противостоящая традиционной, и развита в «Бородинском поле»:

Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы.

Крошечная эпитафия «На смерть N.N.», относящаяся к тому же 1829 году, довершает картину. Она считалась всегда посвященной Ермолову, но реалии ее, кажется, указывают на другое лицо. В 1829 году умер Н. Н. Раевский. С его смертью для Давыдова уходила в прошлое целая эпоха.

Смерть Раевского стала событием общественным — и почти символическим. М. Ф. Орлов, «государственный преступник», пощаженный Николаем по ходатайству брата и безвыездно заключенный в своем имении, откликнулся на нее «Некрологией», изданной анонимно (1829); Пушкин немедленно отрецензировал ее в «Литературной газете» (1830). «Желательно,— замечал он,— чтобы то же перо опи-

[1] Д. В. Давыдов, Соч., т. 3, с. 156—158.

сало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека».[1] Именно эта концепция, очень характерная для декабристских социально-этических представлений (подлинным героем может быть только добродетельный человек), легла в основу «Замечаний на некрологию Н. Н. Раевского», написанных Давыдовым в 1830-м и изданных отдельной брошюрой в 1832 году. Здесь содержалась апология гражданских добродетелей Раевского, приобретавшего под пером Давыдова черты «Агриколы, или Эпаминонда, или Сципиона», воина-философа, равнодушного к славе и почестям и со стоическим мужеством переносившего удары судьбы. О трагедии Раевского он говорит подробно и прозрачно; читатель 1830-х годов, воспитанный на аллюзионной литературе, мог безошибочно подставить конкретные факты: арест двух зятьев — М. Орлова и С. Волконского, отъезд в Сибирь любимой дочери, смерть маленького внука; подозрения и наговоры, окружившие его самого и сыновей. Этот-то человек вырастал под пером Давыдова в символическую фигуру древнего римлянина, противопоставленного «смрадной» современности, «коснеющей в тесной, себялюбивой расчетливости».[2] Когда Давыдов неосторожно показал рукопись Я. И. де Санглену, некогда главе тайной полиции, тот «откровенно заметил ему, что много либеральных, неуместных идей, печатание которых опасно». Так рассказывал де Санглен Николаю I и получил заверение императора, что и сам он не верит Давыдову, «которого выгнал Паскевич из армии».[3] Это происходило в 1830 году; Давыдов дал всей истории широкую огласку; он жаловался Закревскому, начальнику московской полиции А. А. Волкову, своему старинному знакомому, на добровольный шпионаж де Санглена; возникла официальная переписка, которая лишь вредила Давыдову в глазах высшей власти.[4] Тем не менее он в 1832 году печатает свои «Замечания» и одновременно включает в свой сборник эпитафию «N.N.», прямо направленную против гонителей героя.

В 1831 году он делает еще одну — и последнюю — попытку напомнить о себе как боевом генерале: добивается командования отдельным отрядом в кампании 1830—1831 годов и участвует в нескольких упорных сражениях. На этот раз правительство считает нужным наградить его: он получает чин генерал-лейтенанта и орден святого Владимира 2-й степени. Из войны он выносит еще укрепившуюся неприязнь к российской военной бюрократии, к старому сво-

---

[1] Пушкин, Полн. собр. соч., т. 11, [М.— Л.], АН СССР, 1949, с. 84.

[2] Д. В. Давыдов, Соч., т. 3, с. 114.

[3] Русская старина, 1883, № 3, с. 571—572.

[4] См.: Русская старина, 1898, № 6, с. 561—563; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, т. IX, М., 1910, с. 346.

ему знакомцу И. И. Дибичу и старому врагу — великому князю Константину Павловичу, о чем он прямо написал в своих записках, дав почти гротескный портрет того и другого.

Начинался последний период его литературного творчества.

В конце 1820-х годов Давыдов живет в своем имении Маза Симбирской губернии Сызранского уезда, по временам наезжая в Пензу, в Саратов. Деля свое время между хозяйственными делами, травлей волков по пороше и визитами к соседям-помещикам — Сабуровым, Бекетовым, Столыпиным, он обращается к поэзии как к жизненной необходимости. «Мне необходима поэзия,— пишет он Вяземскому,— хотя без рифм и без стоп, она величественна, роскошна на поле сражения,— изгнали меня оттуда, так пригнали к красоте женской, к воспоминаниям эпических наших войн, опасностей, славы, к злобе на гонителей или на *сгонителей с поля битв на пашню*. От всего этого сердце бьется сильнее, кровь быстрее течет, воображение воспаляется — и я опять поэт!» [1]

В 1828 году он печатает свою биографию, над которой работал уже несколько лет. Биография была манифестом романтического жизнестроения. Взятая вне своего эстетического качества, просто как очерк жизни и деятельности, она производила впечатление безудержного хвастовства, и так ее и восприняли многие современники. Давыдов должен был прибегнуть к наивной мистификации, распустив слух, что она написана другим лицом. Конечно, биография была актом самоутверждения,— но утверждал себя Давыдов прежде всего в качестве «поэтического лица». Отсюда характерная особенность его жизнеописания: вехами жизненного поприща выступают на равных правах смертельно опасные сражения, мирные договоры, «мазурка до упаду», любовные увлечения, кутежи и сочинение мадригала. «При селении Химанго, в виду неприятельских аванпостов», он перевел Делилеву басню «La Rose et l'Etourneau»... Все эти эпизоды почти равновелики, ибо они интегрированы единой личностью — «романтической натурой». Именно эту автоконцепцию Давыдова принимает из его рук Белинский и делает инструментом очень точного и тонкого анализа его поэтического творчества.

В тех же эстетических категориях Давыдов оценивает социальный быт и исторических личностей. Суворов и Наполеон для него — «поэты и витии действия», подобно тому как Пиндар и Мирабо — «полководцы слова». Еще в «Опыте теории партизанских действий» он говорил о «поэзии» партизанской войны; теперь он противопос-

[1] Письма... Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому, с. 22.

тавлял «расчетливому уму» и методическому маневрированию — «порыв непонятный, неизъяснимый, мгновенный, как электрическая искра».[1] Это не просто эстетика, это романтическая эстетика, и она глубоко укореняется даже в историческом мышлении Давыдова. Свои военно-исторические труды он также готов представить как плод вдохновения, противопоставив их трудам «мозаических кропателей».

Вместе с тем Давыдов нашел способ манифестировать и свою социальную позицию. Она сказалась в эпиграмматической субъективности оценок; так, рискованным и острым каламбуром он свел старые счеты с генералом Винценгероде. Когда он вторично напечатал свой очерк в качестве предисловия к сборнику своих стихотворений, В. Д. Комовский проницательно писал Языкову: «Видели ли вы стихотворения Давыдова? Жизнеописание особенно примечательно; говорят, оно написано Ермоловым. Если так, то это доказывает, что оппозиция, т. е. такая, к которой непозволительно придираться, и которая, если бы она была у нас, ограничивалась словом,— уже переходит в литературу; перестает брезгать ею или, что то же, становится грамотною».[2]

Теперь — в конце 1820-х годов — Давыдов отказывается от своей прежней позиции поэта, «презревшего печать». Обнародование своих сочинений становится для него единственно реальной формой социального бытия. Естественно, он выбирает для этого издание литературного круга, к которому он уже принадлежал,— «Литературную газету» Пушкина, Дельвига, Вяземского; когда позднее пушкинский круг собирается во вновь организованной «Библиотеке для чтения», Давыдов тоже посылает сюда стихи и статьи. Он порывает с «Библиотекой», когда из нее уходят его литературные соратники, и по тем же причинам: его не удовлетворяет ни «торговая словесность», ни редакторское самоуправство Сенковского. С возникновением пушкинского «Современника» (1836) в числе участников журнала оказывается и Давыдов.

В эти годы как никогда укрепляется его контакт с Пушкиным, за которым он признает безусловно роль главы русской литературы. Гибель Пушкина потрясла его и исторгла у него гневно-пренебрежительные строчки о литературных врагах поэта: «Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнию, и смертью парит над ними!»[3] Отзыв характерен: за ним стоит все та же, знакомая нам, всеохватывающая эстетическая концепция «Поэта», воплощением которой становится Пушкин — и как личность, и как творец.

---

[1] Д. В. Давыдов, Соч., т. 3, с. 206; его же: Военные записки, с. 48, 99.
[2] Лит. наследство, т. 19—21, с. 91.
[3] Письма... Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому, с. 51.

И едва ли не то же мироощущение становится психологической основой сближения Давыдова с Языковым, чему способствовало, впрочем, и довольно близкое соседство их по имениям. Со стихами Языкова он был знаком еще в 1824 году — их пересылал ему через Вяземского Бестужев. В 1826—1827 годах он возит с собою подаренный ему список «Песни короля Регнера» — и в те же годы цитирует Ф. Н. Виницкому стихи из обращенного к Языкову пушкинского послания, где содержалась характеристика его поэзии:

Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой, и т. д.

Его, несомненно, привлекала экспрессия языковского стиха, в которой он видел родство с духом своей собственной поэзии, и он прямо называет стихи, близкие ему по поэтическому содержанию,— «Песню короля Регнера», «Кубок», «Поэту»: «В Москве этой зимою я впервые прочел пиесу вашу «Поэту», ту, которая поставлена первою в стихотворениях ваших,— я ахнул. Что за язык! что за поэзия! что за возвышенность чувств — это очарование! а «Кубок»? Что мои хмельные стихи против этих? Сивуха пред шампанским».[1]

В «Поэте» была развернута романтическая концепция поэтической личности, подобная той, на которой настаивал сам Давыдов. Родство обнаруживалось и за пределами собственно стихотворного языка. Когда Языков и Давыдов впервые встретились — это произошло на «мальчишнике» у Пушкина, в Москве, 17 февраля 1831 года,— тяготение оказалось обоюдным. В двух посланиях к Давыдову — «Давным-давно люблю я страстно Созданья вольные твои...» (1832) и особенно «Жизни баловень счастливый...» (1835) — Языков, словно угадав невысказанное желание адресата, создал его стилизованный романтический портрет. Послание Языкова осталось одним из лучших стихотворений, посвященных Давыдову. Пушкин, читая его, прослезился. Портретная формула: «...боец черно-кудрявый С белым локоном на лбу» — стала компонентом легенды, и Давыдов заботился о том, чтобы ей соответствовать. Когда-то определяющим элементом его внешнего облика были усы (он не шутя отказывался от назначений, исключавших ношение усов); сейчас он называет серебристый хохолок своим «flamme de génie» (пламенем гения),[2]— происходит своего рода эстетическая перекодировка самой внешности.

---

[1] Лит. наследство, т. 60, кн. 1, М., 1956, с. 222; Д. В. Давыдов, Соч., т. 3, с. 182—184; Ф. Н. Виницкий, Рассказы из былого времени.— Чтения при имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1874, кн. 1, отд. V, с. 98; Н. М. Языков, Соч., Л., 1982, с. 339.

[2] Русский архив, 1866, № 6, стлб. 899; ср.: Пушкин, Полн. собр. соч., т. 16, с. 105.

К этому времени он успел уже выпустить в свет свой первый сборник — «Стихотворения Дениса Давыдова» (1832) — и готовил второе, уже более полное собрание.

Сборник 1832 года находился как бы на переломе давыдовского творчества. Подобно сборнику, замышлявшемуся в конце 1810-х годов и так и оставшемуся в виде рукописной тетради, он открывался книгой элегий. Но среди элегий Давыдов производит строгий, даже слишком строгий отбор: теперь они его не удовлетворяют «старинной выделкой» — и, вероятнее всего, самой жанровой принадлежностью. Когда в 1829 году его постигают новые увлечения, давшие пищу серии любовных стихов, он избирает иные жанровые формы. «Душеньку» — одно из лучших своих любовных стихотворений этого времени — он определяет подчеркнуто перифрастически: «полуода, полуэлегия, полу-черт знает что», «полуэлегические, полуанакреонтические куплеты» (см. примечание к стих. «Душенька»). Здесь против всех правил и традиций смешаны воедино «ода» (высокий жанр), «элегия» (средний), «куплеты» (едва ли не низкий). Индивидуальное творчество Давыдова идет в русле жанровых исканий 1830-х годов, в которые он сам вложил свою лепту: ему близки теперь романс, песня, поэтический фрагмент. Он, конечно, не отказывается полностью от традиционных форм, даже от элегических, но деформирует их почти до неузнаваемости. Интересно следить, как он движется от замкнутых поэтических структур к более свободным: так, уже «Элегия IX» содержит эллипсис — намеренный пропуск текста, обозначенный точками; это не неоконченность, как нередко считали, а сознательный поэтический прием, такой же, как в «Осени» Пушкина,— и его затем Давыдов будет практиковать, обрывая текст на нерифмующемся стихе и оканчивая двумя строчками точек. Его последний любовный «цикл», адресованный Е. Д. Золотаревой, за небольшим исключением, представляет собою редчайший в русской поэзии жанровый и стилистический эксперимент.

Роман Давыдова с Е. Д. Золотаревой (см. подробнее о нем в примечаниях) начинается в 1833 году, и тогда же Давыдов пишет Вяземскому, что в нем вновь забил заглохший источник поэзии. Он сообщает о новых и новых стихах, им написанных,— но, за небольшим исключением, все эти стихи — крошечные лирические миниатюры, иногда из четырех строк. Здесь поэтический принцип, который мы вправе связывать с общей эстетической ориентацией Давыдова в тридцатые годы. Отрывок, фрагмент, мгновенная поэтическая вспышка, несущая на себе печать импровизации, непосредственное самоизлияние души — все это ближе всего соответствует концепции «поэтической натуры». Ранняя декларация: «... где есть любовь прямая, Там стихи не говорят!..» — реализуется в поэтическом творчестве. Излишне напоминать, что все эти импровизации правились затем со-

вершенно так же, как ранние элегии, и что на них равным образом распространялось требование коллективной критики. С необыкновенным искусством Давыдов имитировал поэтический дилетантизм, безыскусственность[1] — и отдавал эти стихи в печать, делая исключение лишь для самых интимных, которые могли бы вызвать нежелательную реакцию в семье. Поэтический язык этих миниатюр значительно отличается от прежнего языка давыдовских элегий: в них уменьшается удельный вес поэтической перифразы и увеличивается роль заключительной афористической формулы. Нередко говорят об оживлении в них просторечной стихии «гусарских» стихов Давыдова,— и это верно; но просторечие в них не стилистическая доминанта, а лишь один из элементов стилевого сплава, в котором находят себе место и элегический язык, и язык анакреонтической поэзии, и, наконец, язык стилизации. Они ориентированы то на романс (для пения), то на фольклорный текст («На голос известной русской песни»). Наконец, Давыдов культивирует и точное, внеметафорическое, назывное слово, втягивая его в еле уловимую стилевую атмосферу, создаваемую как вербальными — словесными, смысловыми,— так и невербальными средствами: ритмическим рисунком, поэтическим синтаксисом. Все эти тенденции, как в фокусе, сосредоточиваются в его маленьком шедевре — восьмистишии «Я помню — глубоко...».

«Я помню — глубоко...» — элегия, принявшая романсно-песенную форму. Элегическому жанру принадлежит лирическая ситуация — воспоминание о прошедшей любви, монологический характер повествования, временна́я соотнесенность экспозиции и концовки: первая — радостное прошлое, вторая — печальное настоящее. Но элегии нужны символические, традиционные и потому легко узнаваемые формы лирического опосредования,— например, элегический пейзаж. Иначе она лишится единства тона — непременного условия ее поэтики. Именно это и происходит у Давыдова. Зоркость глаза лирического героя, описанная в первом четверостишии,— для элегии непозволительная конкретизация и профанация духовного содержания. Здесь такое описание занимает половину стихотворения; тема «зоркости» реализуется в пространственной перспективе средствами эпического гиперболизма: «и степь обнимал широко, широко». Возникающий как бы ненароком пейзаж слегка окрашен народно-поэтическими ассоциациями. Это входит в замысел. Стихи пишутся амфибрахием,— этот размер употреблялся при стилизации народной песни. Удвоение на-

[1] См. об этом: Рассадин С., Партизан (Поэзия Дениса Давыдова).— Вопросы литературы, 1981, № 6, с. 111—147.

речий, обозначающее высокую степень качества, также принадлежит песенному языку. В самом построении стихотворения обнаруживаются черты песенной поэтики: «скачок» от «зорких глаз» к духовной драме, от внешнего к внутреннему, от физического к психическому сродни тому, что в народной песне Пушкин называл «лестницей чувств», а современные фольклористы — «ступенчатым сужением образа». Но Давыдов не стилизует песню: он создает ее стилевую атмосферу. Песня окрашивает легкими рефлексами лирический монолог, который от этого теряет черты элегической жалобы, и образ героя, который перестает быть «унылым». Напротив, это «удалец», только недавно переживавший расцвет физических сил.

Накопленная в первом четверостишии лирическая энергия разрешается в концовке резким контрастом:

Но, зоркие очи,
Потухли и вы...

Элегическая тема «утраты молодости», переданная языком песни, где «зоркие» — постоянный эпитет, «очи» — не поэтизм, а народно-поэтическая лексика, прямое обращение — традиционный фольклорный прием. «Потухшие очи» — признак старости. Однако в контексте стихотворения этот мотив — ложный, потому что первые строки связаны с последующими причинно-следственной связью. Молодость, сила утрачены потому, что утрачена любовь:

Я выглядел вас на деву любви,
Я выплакал вас в бессонные ночи!

Эта поразительная по своей силе концовка лишена всяких поэтических тропов, кроме, быть может, одного, заключенного во внутренней форме слова: «выглядел» — исчерпал в созерцании до слепоты — смелый неологизм, основанный на безукоризненном чувстве языка. Концовка сводит воедино все лирические мотивы предшествующих строк; построенная как точный параллелизм, на однородных синтаксических конструкциях, она выделяет и подчеркивает два центральных слова — «выглядел» и «выплакал», в которых как бы сконцентрировалось содержание и эмоциональная энергия стихотворения. После каждого из них — резкая пауза, придающая особый драматизм интонации. Давыдов соединил в длинной строке две строчки двустопного амфибрахия с мужской и женской рифмой; произошло стяжение — пропуск слога. В 1830-е годы это был почти уникальный по смелости стиховой эксперимент.

В позднем творчестве Давыдова мы не раз встречаемся с поэтическими экспериментами, различными по характеру и литературной

установке. Конечно, они возникают на фоне традиции. Но и в жанровом, и в стилистическом отношениях его лирика 1830-х годов представляет собою гораздо более пеструю и многообразную картину, чем во все предшествующие периоды. В его последнем сборнике, вышедшем уже посмертно, мы встречаемся и с опытом циклизации разновременных стихов (см. в наст. изд. № 67—69) — явлением, чрезвычайно характерным именно для тридцатых годов, когда на смену группировке стихотворений по жанровому признаку приходит идея их объединения, по внутренним связям; так было и у Пушкина в последний период его творчества.[1]

Посмертный сборник Давыдова (1840) явился как бы итогом этой литературной работы.

Сборник 1832 года — «Стихотворения Дениса Давыдова» — не получил сколько-нибудь широкого общественного резонанса. Давыдов относил равнодушие публики и критики за счет «кружкового» характера своих стихов. Однако когда А. Ф. Смирдин в 1836 году предложил ему издать собрание сочинений, он принял это предложение, и к началу 1837 года у него уже была готова рукопись «Сочинений в стихах и прозе», первую часть которых составляют «Стихотворения». В этой первой части Давыдов и произвел маленькую литературную революцию, настолько необычную и непривычную, что последующим исследователям его творчества она иногда представлялась композиционным хаосом. Между тем она была закономерным следствием его изменившихся эстетических установок.

Давыдов решительно отказался от традиционного жанрового разделения: «элегии», «мелкие стихотворения», на котором был основан сборник 1832 года. Он понял, что структура книги может быть лирической биографией.[2] Он составлял поэму своей жизни, в центре которой стояло «одно из самых поэтических лиц русской армии». Автобиография в начале книги была ее ключом.

«Договоры» начинали этот огромный новый «цикл». Мы говорили уже о двойственной жанровой природе «Договоров», совместивших черты элегии и сатиры. Давыдов редактирует стихотворение так, чтобы элегическое начало было приглушено, а ироническое, сатирическое, «гусарское» вышло на передний план,— и даже разъясняет замысел в специальном примечании. Но примечание содержало долю лукавства и мистификации. Элегия не исчезла вовсе, она лишь была завуалирована и скрыта за защитной маской иронии. Лирический герой постарел на тридцать лет («Увы! не сединой сердца обворожа-

---

[1] См.: Н. В. Измайлов, Очерки творчества Пушкина, Л., 1975, с. 213—269.

[2] См. указание на это и анализ лирического героя Давыдова в кн.: Г. А. Гуковский, Пушкин и русские романтики, М., 1965, с. 148—162.

еш!») — и едва ли не приобрел тем самым новые биографические черты. Во всяком случае, «Договоры» явились исходным пунктом лирической автобиографии — апологией «ветерана», «землепашца» на лоне природы. Далее начинала развертываться его предыстория.

Два послания к Бурцову. «Решительный вечер гусара». «Партизан». «Песня» («Я люблю кровавый бой...»), «Песня старого гусара». «Гусарская исповедь»... Это вехи жизненного и духовного пути — тщательно продуманная и выношенная концепция, где кульминацией является 1812 год, а далее — спад, новое и чуждое время, в котором один «старый гусар» сохраняет память о прошлом и верность прошлому.

На грани этого тематического цикла стоят «Полусолдат» и «Челобитная» — вынужденный конец воинской биографии. Но далее открывается новая ипостась личности поэта — любовь.

Введение в эту «главу» — «Гусар», старые и в целом не слишком удачные стихи, получающие здесь значение декларации. Вторая декларация — уже не в ироническом, а в серьезном регистре — «Возьмите меч...», бывшая «Элегия I». Некогда Давыдов создавал единую «книгу элегий» из стихов, обращенных по меньшей мере к трем адресатам; сейчас книга элегий распалась; из нее включено в сборник только пять; зато в «главу» вошли стихи, адресованные и Золотаревой, и Кушкиной (см. Примечания). Все они образуют единый лирический сюжет, начинающийся темой любовных надежд, мучений и счастья: «Жестокий друг», «Вальс», «О пощади!..», «Душенька». «Речка» обозначает конец мажорной темы. Появляется нарастающая диссонансная нота: сначала ветрености возлюбленной (стихи к Аглае Давыдовой: «Если б боги милосердия...»), затем измены; она достигает своей кульминации в трагическом «Я помню — глубоко...». Но уже в пределах ее начинает слабо звучать другая тема: «выздоровления», преодоления кризиса; она выходит на поверхность в ироническом «Неужто думаете вы...» и разрешается в оптимистических анакреонтических стихах: в «Мудрости», в «Болтуне красноречивом...». Эта «глава» завершается эпиграммами, надписями и «Поэтической женщиной». Из этой тональности выпадает эпитафия «На смерть N.N.». Она начинает новую тему, полную социального пессимизма.

«Бородинское поле». «Зайцевскому». «Листок». Гонения, забвение, странствия, «прозаический век».

Последним стихотворением книжки становится «Современная песня».

Денис Давыдов создавал социальную концепцию собственной личности.

Есть своя закономерность в том, что и литературный путь Давыдова закончился «Современной песней» — памфлетом на Чаадаева и «западников», имевшим успех скандала. Резкость этого выступления вызвала реакцию в московских литературных кругах; «Современная песня» появилась в печати уже после смерти Давыдова, когда правительственные репрессии настигли Чаадаева и «Телескоп», где было напечатано «Философическое письмо». Чаадаевская католическая историософия, с ее пессимистическим взглядом на национальное историческое прошлое и будущее, почти не имела сторонников, но все ее потенциальные оппоненты — Пушкин, Вяземский, Баратынский, А. Тургенев — считали неуместным полемизировать с человеком, навлекшим на себя кары официальной николаевской России. Исключением были Ф. Ф. Вигель, давний ненавистник Чаадаева, публично обвинивший его в антипатриотизме, да М. Н. Загоскин, сторонник идеи «официальной народности», выступивший с памфлетом «Недовольные». Все это в создавшихся условиях звучало как прямой донос и так и расценивалось.

Своим стихотворением Давыдов примкнул именно к этому охранительному лагерю, и Вигель в своих позднейших мемуарах рассматривал «Современную песню» как выступление единомышленника. А. И. Тургенев, прочитав ее, высказывал Вяземскому свое возмущение. Нужно признать, что для этого были основания. Нотки официального патриотизма явственно звучат в давыдовском памфлете; «демагоги» западнических кружков, обрисованные в нарочито карикатурных тонах, представлены как жалкие сколки с измельчавших западных либералов, решительно чуждые здоровым началам российского социального организма.

«Современная песня» — критика либерализма «справа», и она, несомненно, показывала рост консервативных и даже охранительных начал в мировоззрении Давыдова. Сквозь призму этих стихов и воспоминаний людей, общавшихся с Давыдовым в его последние годы, прежний «поэт-партизан» рисуется в малопривлекательном виде: степной помещик, опустившийся, отставший от интеллектуальных интересов времени, пристрастившийся к вину — уже не в поэтическом, а в совершенно бытовом смысле, погрязший в семье, хозяйстве, псовой охоте... Эта картина не совсем верна и уж во всяком случае одностороння.

У нас есть основания предполагать, что с чаадаевской исторической концепцией Давыдов познакомился еще в начале 1830-х годов, когда в пушкинском кругу стало известно недавно написанное первое «философическое письмо». События 1830—1831 годов ускорили размежевание общественно-литературных сил; в эти годы обозначаются первоначальные абрисы будущей «западнической» и «славянофильской» концепций. В «Записках о 1831 годе...» Давыдов включился в

спор и занял в нем своеобразную позицию. Его представления об историческом пути России отнюдь не совпадали с официозными, выраженными в известной формуле Уварова; они отличались тем самым социальным скептицизмом, который он исповедовал десятью годами ранее и который со временем приобрел ярко выраженный пессимистический колорит. Как и прежде, политическая свобода остается для него «небесной манной», но теперь он убежден, что для нее не пришло историческое время: современное общество погрязло в себялюбии и эгоизме, в пустых аналитических прениях (об этом менее чем через десять лет будет писать Лермонтов в «Думе») и им в жертву принесло «пользу, благосостояние и свободу народов». И ранее народное благо было жертвой честолюбия либо гражданского, либо военного; разница в том, что ныне Наполеон — «этот умственный феномен веков и мира, этот ослепительный метеор, облеченный в очарование высочайшей поэзии»,— заменен «девяностолетним дитятей» Лафайетом, а «гомерического, баснословного, грандиозного размера битвы, с отпечатком гениальных соображений» — «площадною свалкою черни в лохмотьях».[1] Мы без труда узнаем здесь не только идею, но и самую фразеологию «Современной песни», в начале которой появляется неназванный Наполеон — «огромный человек, Расточитель славы»; ему противопоставлены «мошки да букашки» деградировавшего века. Панорама «героев времени», включающая и издавна вызывавшего у Давыдова неприязнь Чаадаева — «маленького аббатика» в салонах «старых барынь», есть лишь конкретизация этой общей идеи,— и Давыдов не забывает отметить, что либералы нового времени отнюдь не следуют своим принципам в собственном жизненном поведении:

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло...

Здесь говорит человек, когда-то с негодованием писавший о владельцах «белых негров» и еще в 1834 году рассказывавший Вяземскому, как гусарский майор Копиш, кормивший своих крестьян в голодный год, удостоился от соседей прозвания «бунтовщика» и «посягателя на спокойствие государства».[2]

Все это объясняет, почему «Современная песня» была с одобрением встречена «Отечественными записками», вовсе не склонными

---

[1] См. публикацию этого не изданного ранее фрагмента: М. И. Гиллельсон, От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей, Л., 1977, с. 44—64.

[2] Письма... Д. В. Давыдова к кн. П. А. Вяземскому, с. 44.

сочувствовать памфлетам на западнические кружки, и почему в числе давыдовских карикатур появился сам Ф. Ф. Вигель, конечно никак о том не подозревавший.

Консерватизм «Современной песни» был либерализмом 1820-х годов, пережившим себя. Наступала новая эпоха; она выдвигала новые общественные силы, которые Давыдов уже не смог понять и принять.

В 1837 году, в двадцатипятилетие Бородинского сражения, он начинает хлопотать о перенесении на Бородинское поле праха Багратиона, чтобы похоронить его у сооружавшегося Бородинского памятника. Дело тянулось полтора года; 6 апреля 1839 года Давыдов получил наконец уведомление, что он назначен конвоировать останки своего командира с Киевским гусарским полком. Он приготовил надгробную надпись.

Ему не суждено было совершить этот «поход», с таким нетерпением им ожидаемый. 22 апреля 1839 года он скончался от апоплексического удара. Его погребли в Ново-Девичьем монастыре, в тот самый день, когда в Москву въехал кортеж с гробницей Багратиона.

В. Э. Вацуро

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. СОН

«Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль деньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?»
— «Ах! дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не сшел:
Я нонче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменился:
Вообрази — с долгом Н<арышки>н расплатился,
Не видно более педантов, дураков,
И даже поумнел З<агряжск>ий, С<вистун>ов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги,
И милый наш Марин не пачкает бумаги,
А, в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, во время крикнуть: стой!
Но больше я чему с восторгом удивлялся:
Ко<пь>ев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, *к счастью нашему,* писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду
И сам Л<ава>ль престал *коситься* на природу,
Б<агратио>на нос вершком короче стал,
И Д<иб>ич красотой людей перепугал,
Да я, который сам, с начала свово века,
Носил с натяжкою званье человека,

Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост, смотрю;
Что слово — то bon-mot,[1] что взор — то страсть вселяю.
Дивлюся — как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андрюшка разбудил.
И всё, что видел я, чем столько веселился,—
Всё видел я во сне, всего со сном лишился».

1802

2. ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По лужам, по грязи, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«Как мы несчастны, боже мой,
Что век осуждены тебе повиноваться!
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
И к этому ж еще, опутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных колодников, моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами;
Еще же если б ты к Ногам
Была почтительней за труд их неизменный;
Так нет! когда тебя, с душою сопряженны,
Несем к торжественным богам,
Тогда лелеешь нас; но лишь домой вступили —
То Ноги, по твоим словам,
Как будто не ходили».
— «Молчать! — тут Голова сказала им,— молчать!»
Иль не страшит моя вас сила?
Бродяги! вам ли размышлять,
Когда мне место раз определила
Природа выше вас, то чтоб повелевать!»
— «Ну, очень хорошо! пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не совала,

[1] Острота (франц.).— *Ред.*

А прихотям твоим несносно угождать!
Да между нами ведь признаться,
Коль нами право ты имеешь управлять,
То мы имеем тож всё право спотыкаться;
И можем иногда, споткнувшись,— как же быть?—
Твое могущество об камень расшибить!»

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — цыц! — молчать: дурак — кто всё болтает!

1803

3. БЫЛЬ ИЛИ БАСНЯ, КАК КТО ХОЧЕТ НАЗОВИ

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей,— деспот
Любимца осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей пред смертию умел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды он боится,
Хотя бы басню рассказать.
Царь жаждет слов его — философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидя в зеркале свой безобразный вид;
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что мог он зеркало разбить.
Назавтра же, гуляя в поле,
В реке свой гнусный вид увидел он опять...
Как реку истребить? — нельзя, и поневоле
Он должен был в душе и стыд и срам питать!
Монарх! стыдись; ах! это сходство
Прилично ль для царя?
Я зеркало — разбей меня,
Река — твое потомство;
Ты в нем еще найдешь себя!»

Монарха речь сия так убедила,
Что он велел ему и жизнь, и волю дать;
Постойте, виноват — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта быль на сказку походила.

1803

4. ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ

Притча

Орлица
Царица
Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроту изливала;
Неправду, клевету с престола презирала.
За то премудрою у птиц она слыла,
За то ее любили,
Покой ее хранили.
Но наконец она Всемощною Рукой,
По правилам природы,
Прожив назначенные годы,
Взята была судьбой,
А попросту сказать — Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичий род нагнала;
И все в отчаянье горчайши слезы льют,
Унылым тоном
И со стоном
Хвалу покойнице поют.
Что сердцу тягостно, легко ли то забыть?
Слеза — души отрада
И доброй памяти награда.
Но — как ни горестно — ее не воскресить,—
Пернаты рассуждают,
И так друг друга уверяют,
Что без царя нельзя на свете жить
И что царю у них, конечно, должно быть!
И тотчас меж собой совет они собрали
И стали толковать,
Кого в цари избрать?
И наконец избрали...
Великий боже!
Кого же?
Турухтана!
Хоть знали многие, что нрав его крутой,
Что будет царь лихой,
Что сущего тирана
Не надо избирать,
Но должно было потакать,—
И тысячу похвал везде ему трубили:
Иной разумным звал, другие находили,
Что будет он отец отечества всего,

Иные клали всю надежду на него,
Иные до небес ту птицу возносили,
И злого петуха в корону нарядили.
А он —
Лишь шаг на трон,
То хищной тварию себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон — в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,
Что бедной дичию без милости ругался:
Кого велит до смерти заклевать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать сорокопуту,—
И каждую минуту
Несчастья каждый ждал.
Томился птичий род, стонал...
В ужасном страхе все, а делать что — не знают!
«Виновны сами мы,— пернаты рассуждают,—
И, знать, карает нас вселенныя творец,
За наши каверзы, тираном сим вконец,
Или за то, что мы в цари избрали птицу
Кровопийцу!..»
И в горести своей летят толпой к леску,
Размыкать чтобы там смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет,
Возмездия делам твоим тиранским ищет.
Когда народ стенет, всяк час беда, напасть,
Пернатые терпеть злодейств не станут боле!
Им нужен добрый царь,— ты гнусен на престоле!
Коль необуздан ты — твоя несносна власть!
И птичий весь совет решился,
Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.
К такому делу приступить
Гораздо трудно!
Однако ж, как же быть?
Казалось многим и безумно,
Ужасно действие, и пропасть в нем греха,
Да как ни есть
Свершили месть —
Убили петуха!
Не стало Турухтана,—
Избавились тирана!
В восторге, в радости, все птицы вне себя,
Злодея истребя,
Друг друга лобызают

И так болтают:
«Теперь в спокойствии и неге поживем,
Как птицу смирную на царство изберем!»
И в той сумятице на трон всяк предлагает:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
И в выборе царя у птиц различный толк.
О рок!
Проникнуть можно ли судеб твоих причину?
Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдруг стакнулись все, во всех углах запели,
И все согласно захотели,
Чтоб *Тетерев* был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый,—
Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...
Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их —
Скупяга из скупых,
Не царствует — корпит над скопленной добычью,
А управлять другим несчастной отдал дичью.
Не бьет он, не клюет,
Лишь крохи бережет.
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
Их гнусной прихотью — кто по миру пошел,
Лишен гнезда — у них коль не нашел.
Нет честности ни в чем, идет всё на коварстве,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.
Чего же ожидать от птицы столь безумной?
Ваш выбор безрассудный
Урок вам дал таков:
Не выбирать ни злых, ни глупых петухов.

1804

5. БУРЦОВУ

ПРИЗЫВАНИЕ НА ПУНШ

Бурцов, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!

В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он гусар — и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса.
Нет курильниц, может статься,—
Зато трубка с табаком;
Нет картин — да заменятся
Ташкой с царским вензелем!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А наместо ваз прекрасных,
Беломраморных, больших
На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они полны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

1804

6. БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке,
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся вкруговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты — на ухарском коне —
Жесточайший из угаров

И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Нутка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день!

1804

7. ГУСАРСКИЙ ПИР

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами!
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих;
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от *ура*
И тряслись, и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»
Бурцов, брат! что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет.
Пей, люби да веселися!
Вот мой дружеский совет.

1804

8. МУДРОСТЬ

Анакреонтическая ода

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вон.

«Детушки, поберегитесь! —
Говорила Мудрость нам.—
Пить не должно; воздержитесь:
Этот сок опасен вам».

«Бабушка! — сказал плутишка,—
Твой совет законом мне.
Я послушливый мальчишка,
Но вот капелька тебе,—

Выпей!» — Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Как откажешь? Бог прекрасный
Так искусен говорить.

Выпила и нам твердила
О воздержности в вине;
Еще выпив, попросила,
Что осталося на дне.

И старушка зашаталась,
Не нашедши больше слов;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

1807

9. ДОГОВОРЫ

Довольно!.. я решен: люблю тебя... люблю.
Давно признанию удобный миг ловлю,
И с уст трепещущих слететь оно готово,
Но взглянешь ты — смущаюсь я
И в сердце робкое скрываю от тебя
Всё бытие мое вмещающее слово.
Бегу тебя... вотще!.. полна
Безумная душа тобою,
В мечтах бессонницы и в жарких грезах сна,
Неотразимая! ты всюду предо мною.
Прилично ль это мне? Прошла, прошла пора
Тревожным радостям и бурным наслажденьям;
Потухла в сумраке весны моей заря;
Напрасно предаюсь привычным заблужденьям,
Напрасно! — мне ль тебя любить?
Мне ль сердце юное к взаимности склонить?
Увы, не в railsединах сердца обворожаешь!

Всё правда... но вчера... ты знаешь...
Могу ли позабыть наш тайный разговор?

Ты резвостью мила; но вздох, но томный взор,
Но что задумчивость твоя мне обещают?
Сказать ли всё тебе? Уж в свете примечают,
Что ты не так резва, беспечна — и меня
Безмолвно слушаешь. Вчера рука твоя
Моей не покидала,
Она в руке моей горела, трепетала,
И ты глядела — на кого?
Глядела на меня — меня лишь одного...
Я видел всё... Да, я любим тобою!
Как выражу восторг я сердца моего?

Теперь заранее нам должно меж собою
Согласно начертать сердечный договор.
Мы тем предупредим семейственный раздор,
Неудовольствия и неизбежны споры.

Вот *первая статья:*
Мы будем жить одни, глаз на глаз, ты да я.
Здесь тьма насмешников, которых разговоры
Кипят злословием; ехидных языков
Я, право, не боюсь; но модных болтунов,
Кудрявых волокит, с лорнетами, с хлыстами,
С очками на носу, с надутыми брыжами —
Как можно принимать? Нет! без обиняков,
Нет, нет, решительно: отказ им невозвратный!
И для чего нам свет и чопорный, и знатный,
Рой обожателей и шайка сорванцов?
К чему, скажи ты мне, менять нам тихий кров
И мирную любви обитель
На шумный маскарад нахалов и шутов?
Бог с ними! что до них! я обществ не любитель
И враг любезникам. Могу ль переносить
И угождения, и в дружбе уверенья
Вертлявых шаркунов? Имеешь позволенье
Раз в месяц... два раза — принять и угостить
Мне с детства моего знакомого соседа
Семидесяти лет. О, как его беседа
Полезна для души! Какой он явный враг
Всем ветреным забавам, развлеченьям,
Пирам и праздникам и светским угожденьям!

Итак, мой сделан первый шаг,
И *первая статья* написана. *Вторая:*
Прошу театр не посещать.

Но это — жертва не большая:
Ах, нам ли время убивать,
За наслаждением искусственным стремиться?
Миг дорог для любви! Мой друг, мой юный друг,
Минута праздная чем может наградиться?
К тому ж, что видим мы в театрах? — Малый круг
Разумных критиков, а прочие — зеваки,
Глупцы, насмешники, невежды, забияки.
Открылся занавес. Неистовый герой
Завоет «на стихах» и в бешенстве жеманном
Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударит невпопад кинжалом деревянным;
Иль, небу и земле отмщением грозя,
Пронзает грудь свою и, выпуча глаза,
Весь в клюквенном соку, кобенясь, умирает...
И ужинать домой с княжною уезжает.

Комедия тебя неужто веселит?
Чему учиться в ней? лукавствовать, смеяться
Над добрыми людьми? Но можно ль забавляться
Несчастьем ближнего? — Там старичок смешит,
Что поздно полюбил,— но кто повелевает
Волнением страстей? Там мужа наряжает
Прической модною прелестная жена —
И муж бодается. Насмешка не одна
Язвит любовников ревнивых.
Что тут веселого? — К тому ж не вижу ль я
Опять соборища слепцов многоречивых!
Куда деваться мне? Куда укрыть тебя
От жадных взглядов их и уст медоточивых?
Уж вот они,— шумят! Уж в ложе,— боже мой!..
Уж пять *наездников* меж мною и тобой...
И вот еще один теснится с извиненьем...
И я у притолки! Любезные слова
Их слушать осужден с досадой, с нетерпеньем...
Молчу! Что делать мне? Супружние права
Теряют действие в собраньях многолюдных.
Но зрелищу конец, и мы идем с толпой
К подъезду... Ах! и тут не легче жребий мой,
И тут я сволочью нахалов безрассудных
Затолкан до смерти! Они спешат, летят,
Усердствуют тебе и руку предлагают...
Возможно ль отказать? Учтивость, говорят,
Отказам первый враг. Глаза мои теряют

Тебя средь моря шуб, капотов, сюртуков,
И шляп с султанами, и шапок, и чепцов!
Не черти ли назло мне путь пересекают?
Везде препятствия! И я один брожу...
Нет! именем любви тебя прошу:
Забыть навек театр, любви моей опасный!

Не всё, не всё еще: танцуешь ты прекрасно,
Я знаю; но *тебе на балах не бывать.*
Как? Будешь ты на бал заране наряжаться,
С намереньем приготовляться,
Чтоб нравиться другим, прельщать, обворожать?..
Так, стало, для других и локоны волнисты
Завьются? Для других и яхонты огнисты,
Алмазы яркие зажгутся в волосах —
Всё это для других? И в золоте, в лучах,
Богиня празднества, кадимая жрецами
И упоенная мольбами и хвалами,
Из жалости одной взор бросишь на того,
Кто более всех любит и кого
Ты не нарядами, не блеском привлекаешь,
Но сердцем, но умом, но скромностью пленяешь?..
Но вальсы начались. На вальс тебя просить
Подходит юноша. Он, с видом боязливым,
Бродящим взором, торопливым,
Окинул общество — и взор остановить
Решился на тебе... И кто не восхитится,
Увидевши тебя! Уж он с тобой вертится.
Злодей! Уж он, обняв твой гибкий, стройный стан,
Летает... до полу из милости касаясь,
И ты лицо с лицом! А я? — я, разрываясь,
Опять у притолки! — А я? опять в обман
Попался! Думал быть с тобою неразлучен,
Ждал удовольствия — теперь несносен, скучен,
В отчаянье, взбешен! Но вальса вихрь утих,
И ты спешишь ко мне, чтоб перевесть дыханье.
Я ожил, я забыл и горе и страданье,
Но, ах, надолго ли? Рой франтов молодых
В погоне за тобой, и ты с одним из них —
Прекраснейшим, любезнейшим... Нет, полно!
Нет, балы позабудь!.. утешь меня!.. Довольно
Измучен уже я одной мечтой моей!..
Для рассудительных, бесчувственных людей
Я странен, может быть? Что ж делать, друг мой милый,

Могу ли быть тебе несносен оттого?
Не я виновен в том! Я сердца моего
    Могу ль избавиться? Какою силой
        Дам чувства новые ему?
Мне скажут: я тебя на скуку осуждаю,
        Твой дом в безлюдную тюрьму,
Столицу в монастырь пустынный обращаю...
О, нет! я сам хочу, чтоб всюду за тобой
Утехи, радости стремилися толпой...
Но я покой люблю, но скромность обожаю...
И потому *тебя в деревню призываю.*
Огромны здания не нужны нам с тобой:
Чертог, украшенный искусною рукой,
        Очаровательный, чудесный,
Не так мне нравится, как сельский домик тесный,
Но светлый и простой. Я тесноту люблю:
Боюсь далеко жить от той, с кем жизнь делю;
В одной же горнице — кто шепчет, кто вздыхает,
Кто стукнет, заскрыпит, на цыпочках ступает,—
        Я вижу, слышу, знаю всё,
И сердце оттого спокойнее мое.
Чего еще желать блаженства к дополненью?
        Во вкусе английском, простом,
Я рощу насажу, она окружит дом,
Пустыню оживит, даст пищу размышленью;
Вдоль рощи побежит струистый ручеек;
Там ивы гибкие беседкою сплетутся;
Березы над скамьей развесившись нагнутся;
Там мшистый, темный грот, там светленький лужок
И даже огород приманят нас порою
Своей роскошною и скромной простотою.
Мы будем счастливы природой и собой.
Недалеко межа пустынников владенью,
Но сколько места в нем живому наслажденью!
Бог с ними, с благами роскошных гордецов!
Им мир и блеск мирской — нам угол и любовь.
Друзья, товарищи трудов моих смиренных
Кто будут? Жители села, с простым умом.
Ум стоит остроты: в невежестве своем
Они почтеннее людей высокомерных,
Которых называть опасно... замолчу.
Итак, с тобою я в деревню полечу,
Забывши светские печальные забавы,
И общежитие, и модные уставы.

О сколько радостей нас ожидает там!
Скитаться будем мы по рощам, по горам,
Куда глаза глядят... Но только всё со мною,
Не разлучаяся, рука с рукою.
Найдем красивый вид: мы, восхищаясь им,
Приостановимся и взоры усладим,
И сердце сладкими наполнится мечтами.
Но вечереет день, уж солнце за горами,
И сумрак стелется; мы тихою стопой
Идем, задумавшись, с растроганной душой,
Спокойны, счастливы. Деревню переходим,
Но мимо хижины убогой не проходим;
Там скорбь безмолвную ты в рубище найдешь...
Смотри: мать бледная с детьми к тебе теснится;
Ты всем несчастным друг, ты помощь им даешь,
И жаркая слеза из глаз твоих катится.
Так дни проводишь ты. Там щедрою рукой
Даришь приданое невесте молодой;
Там старца дряхлого ты лета уважаешь:
Почетную скамью на свадьбе уступаешь,
И в скромном платьице, без вычурных чудес,
Ты всем являешься посланницей небес.
Так в радостях любви мы дней не замечаем;
Так жизнь летящую в блаженство обращаем.

Ратификацию трактату моему
Я с нетерпеньем жду. Доверься своему
Ты другу — подпиши *статьи первоначальны;*
Доволен будет он. Со временем ему
Осенни вечера, мечты, прогулки дальны
Внушат важнейшие. Придет счастливый час,
И *тайные статьи* явятся напоказ.

1807

10

Поведай подвиги усатого героя,
О муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.

Румяный Левенгельм на бой приготовлялся
И, завязав жабо, прическу поправлял,
Ниландский полк его на клячах выезжал,
За ним и корпус весь Клингспора пресмыкался.
О храбрые враги! куда стремитесь вы?
Отвага, говорят, ничто без головы.

Наш Кульнев до зари, как сокол, встрепенулся.
Он воинов своих ко славе торопил:
«Вставайте,— говорил,— вставайте, я проснулся!
С охотниками в бой! Бог храбрости и сил!
По чарке, да на конь, без холи и затеев;
Чем ближе, тем видней, тем легче бить злодеев!»[1]
Всё вмиг воспрянуло, всё двинулось вперед...
О муза, расскажи торжественный поход!
. . . .

1808

11. ЧИЖ И РОЗА

Басня

Дочь юная весны младой,
Румяна Роза расцветала
И утреннею красотой
Сердца невольно привлекала.
И Чижик Розу полюбил;
Он путь к красавице направил,
Кочующих друзей оставил
И день и ночь при Розе жил.
Качаясь на зеленой ветке,
Где ждал награды для себя,
Хорошенькой своей соседке
Он говорил: «Люблю тебя!»
— «Уж многие любить клянутся,—
Сказала Роза,— так, как ты;
Когда ж лишусь я красоты,
Где верные друзья найдутся?»
— «Мне быть неверным? Никогда! —
Поет любовник легкокрылый.—

---

[1] Приказ Кульнева накануне нападения, которого начало назначено было за два часа до рассвета.

Напротив: страсть моя тогда
Еще усилится, друг милый!»
Амур тогда в саду летал;
Ему ль оставить это дело?
Он вдруг дыханье удержал —
И всё в природе охладело.
Бореи свищут, прах метут;
Листочки Розы побледнели,
Зефиры, мотыльки слетели —
И следу нет!.. А Чижик тут.
«Ах! если ты находишь счастье
В моей любви,— он говорил,—
Утешься! Я люблю в ненастье,
Как в утро красное любил!»
Бог удивился не напрасно;
Он щедро наградил чету.
Удвоил Розы красоту,
И Чиж один любим был страстно.

Смысл басни, кажется, найден;
Его ты знаешь, друг мой милый:
Я — тот любовник легкокрылый,—
Но как за верность награжден?

1808

12. ГРАФУ П. А. СТРОГОНОВУ

ЗА ЧЕКМЕНЬ, ПОДАРЕННЫЙ ИМ МНЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1810 ГОДА, В ТУРЦИИ

Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник, с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Всё, что противилось могущему герою.
Почтенный пращур мой, такой же грубиян,
Как дедушка его, нахальный Чингисхан,
В чекмене легоньком, среди мечей разящих,
Ордами управлял в полях, войной гремящих.
Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю;
Как пращур мой Батый, готов на бранну прю.
Но мне ль, любезный граф, в французском одеянье
Явиться в авангард, как франту на гулянье,

Завязывать жабо, прическу поправлять
И усачам себя Линдором показать!
Потомка бедного ты пожалей Батыя
И за чекмень прими его стихи дурные!

1810

13. ПЛЕМЯННИЦЕ

Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе,
Который, с неба прилетая
С венцом блаженства на главе,
Принес в мое уединенье
Утехи, счастье жизни сей
И сладкой радости волненье
Сильней открыл в душе моей!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!

Ах! как нам праздник сей приятен,
Он мил домашним и друзьям.
Хоть не роскошен и не знатен,
Зато в нем места нет льстецам.
Тебя здесь Дружба — угощает,
Веселость — на здоровье пьет,
Родство — с восторгом обнимает,
А Искренность — сей стих поет!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!

Но если счастием картины
Твое я сердце не прельстил,
Коль праздник сей тебе не мил,
Ты в этом первая причина!
Никто от радости рассудка не имел,
Ты только на себя вниманье обратила,
Я угостить тебя хотел,
А ты собой нас угостила!
Любезная моя Аглая,
Я вижу ангела в тебе!

Между 1809 и 1811

14

Если б боги милосердия
Были боги справедливости,
Если б ты лишалась прелестей,
Нарушая обещания,—
Я бы, может быть, осмелился
Быть невольником преступницы.
Но, Аглая, как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь — и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой,
Голос, взор твой привлекательней!
И, богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья
Разлюбить неразлюбимую!
Сколько пленников скитается,
Сколько презренных терзается
Вкруг обители красавицы!
Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,
И супруга содрогается,
Если взор супруга верного
Хотя раз, хоть на мгновение
Обратится на волшебницу!..

Между 1809 и 1811

15. К ПОРТРЕТУ N. N.

Говорит хоть очень тупо,
Но в нем это мудрено,
Что он умничает глупо,
А дурачится умно.

<1811>

16. МОЯ ПЕСНЯ

Я на чердак переселился;
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.
Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: дома нет!

В дни праздничные для катанья
Готов извозчик площадной,
И будуар мой, зала, спальня
Вместились в горнице одной.
Гостей искусно принимаю:
Глупцам — показываю дверь,
На стул один друзей сажаю,
А миленькую... на постель.

Мои владенья необъятны:
В окрестностях столицы сей
Все мызы, где собранья знатны,
Где пир горой, толпа людей.
Мои все радости — в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,
Богатство — в часовом кармане,
А сад — в Таврическом саду.

Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слух на песнь мою склоните
И мне старайтесь подражать.
Я завтрак сытный получаю
От друга, только что проснусь,
Обедать — в гости уезжаю,
А спать — без ужина ложусь.

О богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что с вами равен счастьем я.

Я кой-как день переживаю —
Богач роскошно год живет...
Чем кончится? — И я встречаю,
Как миллионщик, новый год.

1811

17. 1811-го ГОДУ

Толстой молчит! — неужто пьян?
Неужто вновь закуролесил?
Нет, мой любезный грубиян
Туза бы Дризену отвесил.
Давно б о Дризене читал:
И битый исключен из списков —
Так видно, он не получал
Толстого ловких зубочистков.
Так видно, мой Толстой не пьян
. . . .

1811

18. В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках цевницу я таскаю;
Она и под локтём, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

1811

19. ТОВАРИЩУ

1812 ГОДА, НА ПУТИ В АРМИЮ

Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует,
Но о тебе любовь горюет,

Счастливец! о тебе — я видел сам — тоской
Заныли... влажный взор стремился за тобой...
А обо мне хотя б вздохнули,
Хотя б в окошечко взглянули,
Как я на тройке проскакал
И, позабыв покой и негу,
В курьерску завалясь телегу,
Гусарские усы слезами обливал.

1812

20. К ПОРТРЕТУ БОНАПАРТЕ

Сей корсиканец целый век
Гремит кровавыми делами.
Ест по сту тысяч человек
И с...т королями.

1812 (?)

21. К Е. Ф. С — НУ,
УБЕЖДАВШЕМУ МЕНЯ НАПИСАТЬ ЕМУ ЧТО-НИБУДЬ

Рушитель лености моей!
Оставь дремать меня в покое
Среди моих беспечных дней;
Позволь мне время золотое
Заботами не возмущать!
Я славы не хочу искать;
Хочу покоиться всечасно,
Лежа в постели размышлять
И век лениться сладострастно!

1813 или 1814

22. <ЭЛЕГИЯ I>

Возьмите меч — я недостоин брани!
Сорвите лавр с чела — он страстью помрачен!
О боги Пафоса! окуйте мощны длани
И робким пленником в постыдный риньте плен!
Я ваш! — и кто не воспылает!

Кому не пишется любовью приговор,
Как длинные она ресницы подымает
И пышет страстью взор!
Когда харитой улыбнется,
Или в ночной тиши
Воздушным призраком несется,
Иль, непреклонная, над чувствами смеется
Обуреваемой души!
О вы, которые здесь прелестьми гордитесь!
Не вам уж более покорствует любовь,
Взгляните на нее и сердцем содрогнитесь:
Она — владычица и смертных, и богов!
Ах! пусть бог Фракии мне срамом угрожает
И, потрясая лавр, манит еще к боям,—
Воспитанник побед прах ног ее лобзает
И говорит «прости» торжественным венкам!
Но кто сей юноша блаженный,
Который будет пить дыханье воспаленно
На тающих устах,
Познает мленье чувств в потупленных очах
И на груди ее воздремлет утомленный!

1814

23. <ЭЛЕГИЯ II>

Пусть бога-мстителя могучая рука
На верх гранитных скал, под вечными снегами
За ребра прикует чугунными цепями
Того, кто изобрел ревнивого замка
Заклепы звучные — и хладными стенами
Красавиц оградил в презрении к богам!
Где ты, рожденная к восторгам, торжествам,
И к радостям сердец, и к счастью юной страсти,
Где ты скрываешься во цвете ранних лет,
Ты, дева горести, воспитанница бед,
Смиренная раба неумолимой власти!
Увижу ли тебя, услышу ль голос твой?
И долго ль в мрачности ночной
Мне с думой горестной, душой осиротелой
Угадывать окно обители твоей,
Когда снег вьюгою крутится средь полей
И свищет резкий ветр в власа оледенелы!

Ах, может быть, влекомая судьбой
Или предчувствием, душе неизъяснимым,
Ты крадешься к окну... когда мучитель твой,
Стан гибкий охватя насильственной рукой,
Бросает трепетну к подругам торопливым.
Восстань, о бог богов! Да пламенной рекой
Твой гнев жестокий и правдивый
Обрушится с небес на зданье горделиво,
Темницу адскую невинности младой;
Да над строптивою преступника главой
Перуны ярые со треском разразятся!
Ах! кто осмелился бесчувственно касаться
До юных прелестей красавицы моей,
Тот в буйной гордости своей
И лик священный твой повергнет раздробленный,
И рушит алтари, тебе сооруженны!
Но ты, любимица богов,
Ты бедствий не страшись — невидимый покров
Приосенит тебя от бури разъяренной,
Твой спутник бог любви — стезею потаенной
Он провести прекрасную готов
От ложа горести до ложа наслажденья;
О, не чуждайся ты благого поученья
Бессмертного вождя! — Учись, во тьме ночной
Как между стражами украдкой пробираться,
Как легкою стопой чуть до полу касаться
И ощупью брести по лестнице крутой;
Дерзни! я жду тебя, кипящий нетерпеньем!
Тебе ль платить обидным подозреньем
Владыке благ земных? Ты вспомни, сколько раз
От ненасытных моих глаз
Твой аргус в трепетном смущенье
Тебя с угрозой похищал
И тайным влек путем обратно в заточенье!..
Всё тщетно; я ему стезю пересекал.
Крылатый проводник меня предупреждал
И путь указывал мне прежде неизвестный!
Решись без робости, о сердца друг прелестный!
Не медли! Полночь бьет!
И угасающи лампады закурились,
И стражи грозные во мраке усыпились...
И руку бог любви прекрасной подает!

1814 или 1815

24. <ЭЛЕГИЯ III>

О милый друг! оставь угадывать других
Предмет, сомнительный для них,
Тех песней пламенных, в которых, восхищенный,
Я прославлял любовь, любовью распаленный!
Пусть ищут, для кого я в лиру ударял,
Когда поэтов в хоре
Российской Терпсихоре
Восторги посвящал!
Но ты не в заблужденье,
Кого в воображенье
Я розами венчал;
Чьи длинные ресницы
Звук стройныя цевницы
Потомству предавал.
И мне ли огнь желанья
В других воспламенять?
Мне ль нового искать
В любви очарованья?
Я страстен лишь тобой!
Под именем другой
Тебя лишь славят струны,
И для тебя одной
Бросаю в вражий строй
Разящие перуны.
Восторгом упоен,
Века предупреждаю
И, миртом осенен,
Бессмертие вкушаю.

1815

25. ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами;
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
О, как страшно смерть встречать
На постеле господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой!
Я рожден для службы царской!

1815

26

Болтун красноречивый,
Повеса дорогой!
Оставим свет шумливый
С беспутной суетой.
Пусть радости игривы,
Амуры шаловливы

И важных муз сигклит
И троица харит
Украсят день счастливый.
Друг милый, вечерком
Хоть на часок покинем
Вельмож докучный дом
И к камельку подвинем
Диваны со столом,
Плодами и вином
Роскошно покровенным
И гордо отягченным
Страсбургским пирогом.
К нам созван круг желанный
Отличных сорванцов,
И, плющем увенчанны,
Владельцы острых слов,
Мы Вакховых даров
Потянем сок избранный.
Прошу тебя забыть
Нахальную уловку,
И крепс, и понтировку,
И страсть людей губить,
А лучше пригласить
Изменницу, плутовку,
Которую любить
До завтра, может быть,
Вчера ты обещался.
Проведавши мой зов,
На пир ко мне назвался
Эрот, сей бог богов,
Веселых шалунов
Любимец и любитель,
Мой грозный повелитель
До сребряных власов.
Я место назначаю
Почетное ему:
По сану и уму
Прекрасного сажаю
Близ гостьи молодой
И тяжкий кубок мой
Чете препоручаю.
И пробка полетит
До потолка стрелою,
И пена зашумит

Сребристою струею
Под розовой рукою
Резвейшей из харит!
Так время пробежит
Меж радостей небесных,—
А чтоб хмельнее быть,
Давай здоровье пить
Всех ветрениц известных!

1815

27. В. А. ЖУКОВСКОМУ

Жуковский, милый друг! Долг красен платежом:
Я прочитал стихи, тобой мне посвященны;
Теперь прочти мои,— биваком окуренны
И спрысканны вином!
< . . . . >
Да, и средь куреней еще на поле бранном,
В ущельях, дебрях, средь полян
Тебя приветствовал с огромнейшим стаканом
Кочующий в степях нахальный партизан!

1815

28

Ахтырские гусары,
О храбрые друзья!
Простите! — на удары
И бранные пожары
Ходить не буду я!
Довольно пламень ярый
< . . . . >
Вот кивер мой
Примите от меня
. . . .

1815

29. К МОЕЙ ПУСТЫНЕ

Пустыня тихая, сует уединенна,
Я радостьми в тебе считаю дни мои!
Но будь ты на холмах *Аи*,—
Тогда была бы совершенна!

1815

30. <ЭЛЕГИЯ IV>

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И, судьбой гонимый вечно,
«Счастья нет!» — подумал я...
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!
Пусть теперь другой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Вечным лавром осенится...
О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
О, тогда мой долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память друга приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

1815

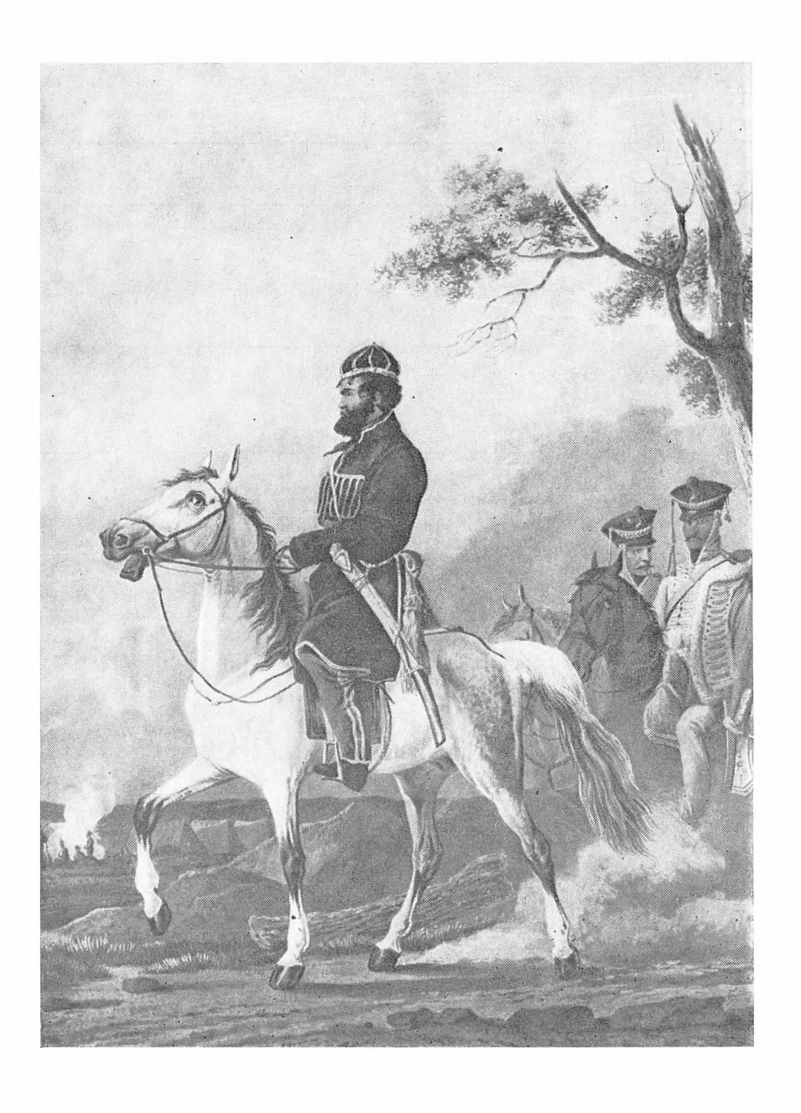
31

Гераков! прочитал твое я сочиненье;
Оно утешило мое уединенье;
Я несколько часов им душу восхищал:
Приятно видеть в нем то сердцу благородно,
Что пылкий дух любви к отечеству внушал,—
Ты чтишь отечество, и русскому то сродно:
Он ею славу, честь, бессмертие достал.

1815 (?)

32. <ЭЛЕГИЯ V>

Всё тихо! и заря багряною чертой
По синеве небес безмолвно побежала...
И мгла, что гор хребты и рощи покрывала,
Волнуясь, стелется туманною рекой
По лугу пестрому и ниве молодой.
Блаженные часы! весь мир в отдохновенье!
Еще зефиры спят на дремлющих листах,
Еще пернатые покоятся в кустах,
И всё безмолвствует в моем уединенье...
Но боги! неужель вы с мира тишиной
И чувств души моей волненья усмирили;
Неужто и во мне господствует покой!..
Уже, о счастие! не вижу пред собой
Я призрак грозный — вечно милый,
Которого нигде мой взор не покидал...
Нигде! Ни в шумной сечи боя,
Ни в бранных игрищах военного покоя!
О ты, которое я в помощь призывал,
Бесчувствие! о дар рассудка драгоценный,
Ты, вняв мольбе моей смиренной,
Нисходишь наконец спасителем моим.
Я погибал! тобой одним
Достигнул берега, и с мирныя вершины
Смотрю бестрепетно, грозою невредим,
На шумные валы обширныя пучины!
А ты, с кем некогда делился я душой
И кем душа моя в мученьях истощилась...
Утешься, ты забыта мной!

Но отчего слезой ланита окропилась?
О слезы пламенны, теките! Я свои
Минуты радости от сих минут считаю
И вас не о любви,
А от блаженства проливаю!

<1816>

33. <ЭЛЕГИЯ VI>

О ты, смущенная присутствием моим,
Спокойся: я бегу в пределы отдаленны.
Пусть избранный тобой вкушает дни блаженны,
Пока судьбой храним.
Но, ах! не мысли ты, чтоб новые восторги
И спутник счастливый твоих весенних дней
Изгладили меня из памяти твоей!
О, нет! Есть суд небес и справедливы боги!
Душевны радости, делимые со мной,
Воспоминания протекших упований
И сладкие часы забвенья и мечтаний,
И я, я сам явлюсь тревожить твой покой!
Но уж не в виде том, как в дни мои счастливы,
Когда, смущенный, торопливый,
Я плакал без укор, без гнева угрожал
И за вину твою, любовник боязливый,
Себе у ног твоих прощения искал!
Нет, нет! явлюсь опять, но как посланник мщенья,
Но как каратель преступленья,
Свиреп, неумолим,— везде перед тобой:
И среди светского блистательного круга,
И средь семьи твоей, где ты цветешь душой,
В уединении, в объятиях супруга,—
Везде, везде в твоих очах
Грозящим призраком, с упреком на устах!
Но нет!.. О, гнев меня к упрекам не принудит:
Чья мертвая душа тобой оживлена,
Тот благости твои ужель когда забудет!
Его богам молитва лишь одна:
«Да будет счастлива она!..»
Но вряд ли счастие твоим уделом будет!

<1816>

34. ОТВЕТ НА ВЫЗОВ НАПИСАТЬ СТИХИ

Вы хотите, чтоб стихами
Я опять заговорил,
Но чтоб новыми стезями
Верх Парнаса находил:
Чтобы славил нежны розы,
Верность женския любви,
Где трескучие морозы
И кокетствы лишь одни!
Чтоб при ташке, в доломане
Посошок в руке держал
И при грозном барабане
Чтоб *минором* воспевал.
Неужель любить не можно,
Чтоб стихами не писать?
И, любя, ужели должно
Чувствы в рифмы оковать?
По *кадансу* кто вздыхает,
Кто любовь в цветущий век
Лишь на стопы размеряет,
Тот — прежалкий человек!
Он влюбился — и поспешно
Славит милую свою;
Возрыдая безутешно,
Говорит в стихах: *пою!*
От парнасского паренья
Беспокойной головы
Скажет также, без сомненья,
И *жестокая: увы!*
Я Поэзией небесной
Был когда-то вдохновен.
Дар божественный, чудесный,
Я навек тебя лишен!
Лизой душу занимая,
Мне ли рифмы набирать?
Ах, где есть любовь прямая,
Там стихи не говорят!..

1816

35. РЕШИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР ГУСАРА

Сегодня вечером увижусь я с тобою —
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшид на покой.

А завтра — черт возьми! как зюзя натянуся;
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу.

Но если счастие назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем незнаком,
Тогда... о, и тогда напьюсь свинья свиньею
И с радости пропью прогоны с кошельком.

1816

36. <ЭЛЕГИЯ VII>

Нет! полно пробегать с улыбкою любви
Перстами легкими цевницу золотую;
Пускай другой поет и радости свои,
И жизни счастливой подругу молодую...
Я одинок, как цвет степей,
Когда, колеблемый грозой освирепелой,
Он клонится к земле главой осиротелой
И блекнет средь цветущих дней.
О боги! мне ль сносить измену надлежало?
Как я любил! — В те красные лета,
Когда к рассеянью всё сердце увлекало,
Везде одна мечта,
Одно желание меня одушевляло,
Всё чувство бытия лишь ей принадлежало!
О Лиза! сколько раз на Марсовых полях,
Среди грозы боев, я, презирая страх,
С воспламененною душою
Тебя, как бога, призывал
И в пыл сраженья мчал
Крылатые полки железною стеною...
Кто понуждал меня, скажи,
От жизни радостной на жадну смерть стремиться?
Одно, одно мечтание души,

Что славы луч моей на милой отразится;
Что, может быть, венок, приобретенный мной
В боях мечом нетерпеливым,
Покроет лавром горделивым
Чело стыдливое подруги молодой.
Не я ли, вдохновен, касался струн согласных
И пел прекрасную! — Еще Москва полна
Моих, в стихах, восторгов страстных;
И если ты еще толпой окружена
Соперниц, завистью смущенных,
И милых юношей, любовью упоенных,—
Неблагодарная! не мне ль одолжена
Ты торжеством своим?— Пусть пламень пожирает,
Пусть шумная волна навеки поглощает
Стихи, которыми я Лизу прославлял!..
Но нет! Изменницу весь мир давно узнал,—
Бессмертие ее уделом остается:
Забудут, что покой я ею потерял,
И до конца веков, средь плесков и похвал,
Неверной имя пронесется.
А я?.. Мой жребий пасть в боях,
Мечом победы пораженным;
И может быть, врагом влеченный на полях,
Чертить кремнистый путь челом окровавленным.
Так! Я паду в стране чужой,
Далеко родины, изгнанником невинным;
Никто не окропит холодный труп слезой,
И разбросает ветр мой прах с песком пустынным!

1817

37

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: *увы!*
И от измены изменяюсь?
Я тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю;
И чем рвать волосы свои,
Я ваши — к вам же отсылаю.
А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,

Все ваши клятвы: *век любить* —
Ему послал по эстафете.
Простите! Право, виноват!
Но если б знали, как я рад
Моей отставке благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чем чахнуть от любви унылой,
Ах, что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!

1817

38. ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны — дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют — и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг валится...
Бой умолк — и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят умней они...
Но что слышим от любова?
«Жомини да Жомини!»
А об водке — ни полслова.

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

39. ЛОГИКА ПЬЯНОГО

Под вечерок Хрунов из кабачка *Совы,*
Бог ведает куда, по стенке пробирался;
Шел, шел и рухнулся. Народ расхохотался.
Чему бы, кажется? Но люди таковы!
Однако ж кто-то из толпы
(Почтенный человек!) помог ему подняться
И говорил: «Дружок, чтоб впредь не спотыкаться,
Тебе не надо пить!..»
— «Эх, братец! всё не то: не надо мне ходить!»

1817

40

Сижу на берегу потока;
Бор дремлет в сумраке; всё спит вокруг, а я
Сижу на берегу — и мыслию далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив — но я жив...
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг?
И точно ль он любим? — Ах, эта мысль жестока!
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

1817 (?)

41. ГУСАР

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов;
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой,—
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

<1818>

42. НА МОНУМЕНТ ПОЖАРСКОГО

Так правосудная Россия награждает!
О зависть, содрогнись, сколь бренен твой оплот!
Пожарский оживает —
Смоленский оживет!

1818

43. <ЭЛЕГИЯ VIII>

О пощади! — Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокий,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и груди высокой?
О пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею...
Но ты вошла — и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы —
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы!

1818

44. ЭЛЕГИЯ IX

Два раза я вам руку жал;
Два раза молча вы любовию вздохнули...
И девственный огонь ланиты пробежал,
И в пламенной слезе ресницы потонули!
Неужто я любим? — Мой друг, мой юный друг,
О, усмири последнимувереньем
Еще колеблемый сомненьем
Мой пылкий, беспокойный дух!
Скажи, что сердца ты познала цену мною,
Что первого к любви биения его
Я был виновником!.. Не надо ничего —
Ни рая, ни земли! Мой рай найду с тобою.

. . . .
Погибните навек, мечты предрассуждений,
И ты, причина заблуждений,
Чад упоительный и славы, и побед!
В уединении спокойный домосед
И мирный семьянин, не постыжусь порою
Поднять смиренный плуг солдатскою рукою
Иль, поселян в кругу, в день летний, золотой
Взмахнуть среди лугов железною косой.
Но с кем сравню себя, как, в поле утомленный,
Я возвращусь под кров, дубами осененный,
Увижу юную подругу пред собой
С плодами зрелыми, с водою ключевой
И с соком пенистым донского винограда.
Когда вечерние часы — трудов отрада
На ложе радости . . . .
. . . .
. . . .
Я часто говорю, печальный, сам с собою:
О, сбудется ль когда мечтаемое мною?
Иль я определен в мятежной жизни сей
Не слышать отзыва нигде душе моей!

1818

45. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА

Где Клии взять перо писать его дела?
У Славы из крыла.

1810-е годы

46. ЛИСТОК

«Листок иссохший, одинокий,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой?»
— «Как знать мне! Налетели тучи —
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.
С тех пор, игралище Борея,
Не сетуя и не робея,

Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой;
Несусь, куда несет суровый,
Всему неизбежимый рок,
Куда летит и лист лавровый —
И легкий розовый листок!»

Конец 1810-х годов

47. ЭПИГРАММА

Он с цветочка на цветок,
С стебелька на стебелек
Мотыльком перелетает,
Но как рок его суров!
Все растенья он лобзает,
Кроме... лавровых листов.

<1820>

48. ЭПИГРАММА

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мне прискорбно видеть в ней
Не счастье твоего рассудка,
А счастье памяти твоей.

<1820>

49. ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит М<асальский> тощий,
Он век жил в *немощи:* теперь попал он в *мощи.*

1822

50. ТОСТ НА ОБЕДЕ ДОНЦОВ

Брызни искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи, моя любовь,
Черный ус мой белой пеной!

Друг народа удалого,
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком,
В славу воинства донского!

Здравствуйте, братцы, атаманы-молодцы!

1826

51. ПАРТИЗАН

Отрывок

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет... вольны боги!

Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, друг — конь надежный,

Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника проносит,
То чутко шевелит ушми,
То фыркает, то удил просит.

Еще их скок приметен был
На высях, за преградной Нарой,
Златимых отблеском пожара,—
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл...
. . . .
. . . .
. . . .

1826

52. ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ, ВОЗВРАЩАЯСЬ С ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
О кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

1826

53. ПОЛУСОЛДАТ

«Нет, братцы, нет! полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Всё так — но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И всё кипит, и всё гремит;
А я, меж вами одинокий,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вкруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш,
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век златой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?

Бывало, слово: «друг, явись!» —
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает!

На скачку, на борьбу — готов,
И, чтимый *выродком* глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вкруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет! полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!»

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, и пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,

И Алагез,[1] нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь сребристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека[2] груда снеговая...
На нем знакомый вихрь, на нем громада льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступным,
Горит родимая звезда.

1826

54. ОТВЕТ

ЖЕНАТЫМ ГЕНЕРАЛАМ, СЛУЖАЩИМ *НЕ* НА ВОЙНАХ

Да, мы несем едино бремя,
Мы стада одного — но жребий мне иной:
Вас всех назначили *на племя,*
Меня — пустили *на убой.*

1827

55. ВЕЧЕР В ИЮНЕ

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали,
Зарницы бегали за синею горой,
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.

---

[1] Заоблачная гора, на границе Эриванской области.
[2] Одна из высочайших гор Кавказского хребта.

Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, приклонясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

1827

56. ЗАЙЦЕВСКОМУ,

ПОЭТУ-МОРЯКУ

Счастливый Зайцевский, поэт и герой!
Позволь земледельцу-гусару
Пожать тебе руку солдатской рукой
И в честь тебе высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь России,
Дитя удалое свободной стихии!

Лавр первый из длани камены младой
Ты взял на Парнасских вершинах;
Ты собственной кровью омытый другой
Сорвал на гремящих твердынях;
И к третьему, с лаской вдали колыхая,
Тебя призывает равнина морская.

Мужайся! — Казарский, живой Леонид,
Ждет друга на новый пир славы...
О, будьте вы оба отечества щит,
Перун вековечной державы!
И гимны победы с ладей окрыленных
Пусть искрами брызнут от струн вдохновенных!

Давно ль под мечами, в пылу батарей
И я попирал дол кровавый,
И я в сонме храбрых, у шумных огней,
Наш стан оглашал песнью славы?..
Давно ль... Но забвеньем судьба меня губит,
И лира немеет, и сабля не рубит.

1829

57. БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

1829

58. НА СМЕРТЬ N. N.

Гонители, он ваш! Вам плески и хвала!
Терзайте клеветой его дела земные;
Но не сорвать венка со славного чела,
Но не стереть с груди вам раны боевые!

1829

59. С. А. К....

Вы личиком — Пафосский бог,
Вы молоды, вы стройны, как Аглая!
Но я гусар... я б вас любить не мог,
Простите: для меня *вы слишком неземная!*
К вам светской страстью, как к другой,
Гореть грешно! — С восторженной душой
Мы вам, как божеству, несем кадил куренье,
Обеты чистые, и гимны, и моленье!

1829

Элегія

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ нѣкогда кровавый,
О возвратите мнѣ вашъ ~~дань~~ — день вѣчной славы
И шумъ оружія, и сѣчи и борьбу!
Увы! мой выпалъ мечь изъ рукъ — мою судьбу
Попрали сильные! Счастливцы горделивы
Влекутъ оратаемъ меня, на лугъ и нивы....
Стыжусь! — О ринь ~~на бой~~ меня, ринь на безсмертный бой
Вождь Гомерической, Аяксъ, Ахиллъ душой
Ты, возбуждающій въ полкахъ восторгъ и клики
Одъянъ гибелью Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою Раевской мой Герой!
Ермоловъ, я лечу въ пылъ битвы за тобой
Ты ~~О~~обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ
Покрой, покрой меня твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы?... внемлю вамъ... нѣтъ отзыва! — съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей.
И я питомецъ ихъ склонивъ главой у плуга
Завидую, костямъ соратника, иль друга!

60. ДУШЕНЬКА

Бывали ль вы в стране чудес,
Где, жертвой грозного веленья,
В глуши земного заточенья
Живет изгнанница небес?

Я был, я видел божество;
Я пел ей песнь с восторгом новым
И осенил венком лавровым
Ее высокое чело.

Я, как младенец, трепетал
У ног ее в уничиженье
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзал.

Ах! мне ль божественной к стопам
Несть обольщения искусство?
Я весь был гимн, я весь был чувство,
Я весь был чистый фимиам!

И что ей наш земной восторг,
Слова любви? — Пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительных тревог.

Из-под ресниц ее густых
Горит и гаснет взор стыдливый...
Но отчего души порывы
И вздохи персей молодых?

Был миг: пролетная мечта
Скользнула по челу прекрасной,
И вспыхнули ланиты страстно,
И загорелися уста!

Но это миг — игра одна
Каких-то дум... воспоминанье
О том небесном обитанье,
Откуда изгнана она...

Иль, скучась без нее, с небес
Воздушный гость, не зримый мною,
Амур с повинной головою
Предстал, немеющий от слез.

И очи он возвел к очам,
И пробудил в груди волненья
От жарких уст прикосновенья
К ее трепещущим устам.

1829

61

Вы хороши! — Каштановой волной
Ваш локон падает на свежие ланиты;
Как мил ваш взор полузакрытый,
Как мил ваш стан полунагой!
Не вы ль оригинал живой
Очаровательной хариты,
Кановы созданной рукой?
Вы хороши! — Но мой покой
Неколебим. Осанка величава,
Жеманная тоска искусственной любви
Не страшны мне: моя отрава —
Взор вдохновительный и слово от души.
Я их ищу давно, давно не обретая.
Вам не сродни крылатый бог:
Жизнь ваша — *стрелка часовая,*
Арифметический итог.
Но та, которую люблю, не называя...
Ах! та вся чувство, вся восторг,
Как Пиндара строфа живая!

1829

62

Счастлив, кто заплатил щедротой за щедроту,—
Счастливей, кто расквасил харю Роту.

1820-е годы

63. ОТВЕТ

Я не поэт, я — партизан, казак,
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет! не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песне запевало.

<1830>

64. ГЕРОЮ БИТВ, БИВАКОВ, ТРАКТИРОВ и Б.......

Люблю тебя, как сабли лоск,
Когда, приосенясь фуражкой,
С виноточивою баклажкой
Идешь в бивачный мой киоск!

Когда, летая по рядам,
Горишь, как свечка, в дыме бранном;
Когда в б.....е окаянном
Ты лупишь сводню по щекам.

Киплю, любуюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую:
Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на пляску удалую,
Под лад плечами шевеля.

О рыцарь! идол усачей!
Гордись пороками своими!
Чаруй с гусарами лихими
И очаровывай б....й!

1830 или 1831

65. ГУСАРСКАЯ ИСПОВЕДЬ

Я каюсь! я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов, всё раб младой привычки:
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.

От юности моей враг чопорных утех,—
Мне душно на пирах без воли и распашки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех
И дым столбом от трубочной *затяжки!*

Бегу вас, сборища, где жизнь в одних ногах,
Где благосклонности передаются весом,
Где откровенность в кандалах,
Где тело и душа под прессом;
Где спесь да подлости, вельможа да холоп,
Где заслоняют нам вихрь танцев эполеты,
Где под подушками потеет столько ж..,
Где столько пуз затянуто в корсеты!

Но не скажу, чтобы в безумный день
Не погрешил и я, не посетил круг модный;
Чтоб не искал присесть под благодатну тень
Рассказчицы и сплетницы дородной;
Чтоб схватки с остряком бонтонным убегал,
Или сквозь локоны ланиты воспаленной
Я б шепотом любовь не напевал
Красавице, мазуркой утомленной.

Но то набег, наскок — я миг ему даю,
И торжествуют вновь любимые привычки,
И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки.
Долой, долой крючки, от глотки до пупа!
Где трубки? — Вейся, дым, на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволье!

1832

66. ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА

Что она? — Порыв, смятенье,
И холодность, и восторг,
И отпор, и увлеченье,
Смех и слезы, черт и бог,
Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступленного поэта
Беспокойная мечта!

С нею дружба — упоенье,
Но спаси, создатель, с ней
От любовного сношенья
И таинственных связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Как законная жена!

1832

67—69

1

Когда я повстречал красавицу мою,
Которую любил, которую люблю,
Чьей власти избежать я льстил себя обманом,—
Я обомлел! — Так, случаем нежданным,
Гуляющий на вале сорванец —
Встречается солдат-беглец
С своим суровым капитаном.

1834

2

Вошла, как Психея, томна и стыдлива,
Как юная пери, стройна и красива,—
И шепот восторга бежит по устам,
И крестятся ведьмы, и тошно чертям!

1833

3

В тебе, в тебе одной природа, не искусство,
Ум обольстительный с душевной простотой,
Веселость резвая с мечтательной душой,
И в каждом слове мысль, и в каждом взоре чувство!

1829

70. ВАЛЬС

Кипит поток в дубраве шумной,
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.

После разлуки.

Когда я повстречалъ красавицу мою
тушканчикъ ... Арбатъ ...
...
... увидевшись ... съ братомъ ...

Я обомлелъ!.. такимъ случаемъ нежданнымъ —
Дымящийся навозъ удалецъ
встревоженный
Солдатъ-беглецъ
Съ своимъ безбожнымъ / Капитаномъ.

Выздоровление.

Прошла борьба моихъ страстей,
Болезнь души моей мятежной!
И призракъ пламенныхъ ночей
Неотразимый, неизбежный,
И милыя тревоги лживыхъ дней,
И языка несвязный лепетъ
И сердца судорожный трепетъ
И смерть и жизнь при встрече съ ней...
Исчезло все! — покой желанный
У изголовья сидитъ...
Но каплетъ кровь еще изъ раны
И грудь усталая и ноетъ и болитъ!

Но, покорен красой невольно,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,—
Летит воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Волненья чувств моих и думы,
И поэтических безумий,
И поэтических страстей!

1834

71

О, кто — скажи ты мне — кто ты,
Виновница моей мучительной мечты!
Скажи мне, кто же ты,— мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? — Не знаю — но я твой!
Ты смяла на главе венок мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть
Разгневанной судьбы и грозы, и волненья,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без устали, как на звезду спасенья!
Уходишь ты — и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив — я вижу свет —
И возвращается душа, и сердце бьется!..

1834

72

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной!

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти —
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай!

Иль нет! Сорви покров долой...
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой!

1834

73

Море воет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою.

Молодая, золотая
Предвещательница дня!
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое.

1834

74. РЕЧКА

Давно ли, речка голубая,
Давно ли, ласковой волной
Мой челн привольно колыхая,
Владела ты, источник рая,
Моей блуждающей судьбой?

Давно ль с беспечностию милой
В благоуханных берегах
Ты влагу ясную катила
И отражать меня любила
В своих задумчивых струях?..

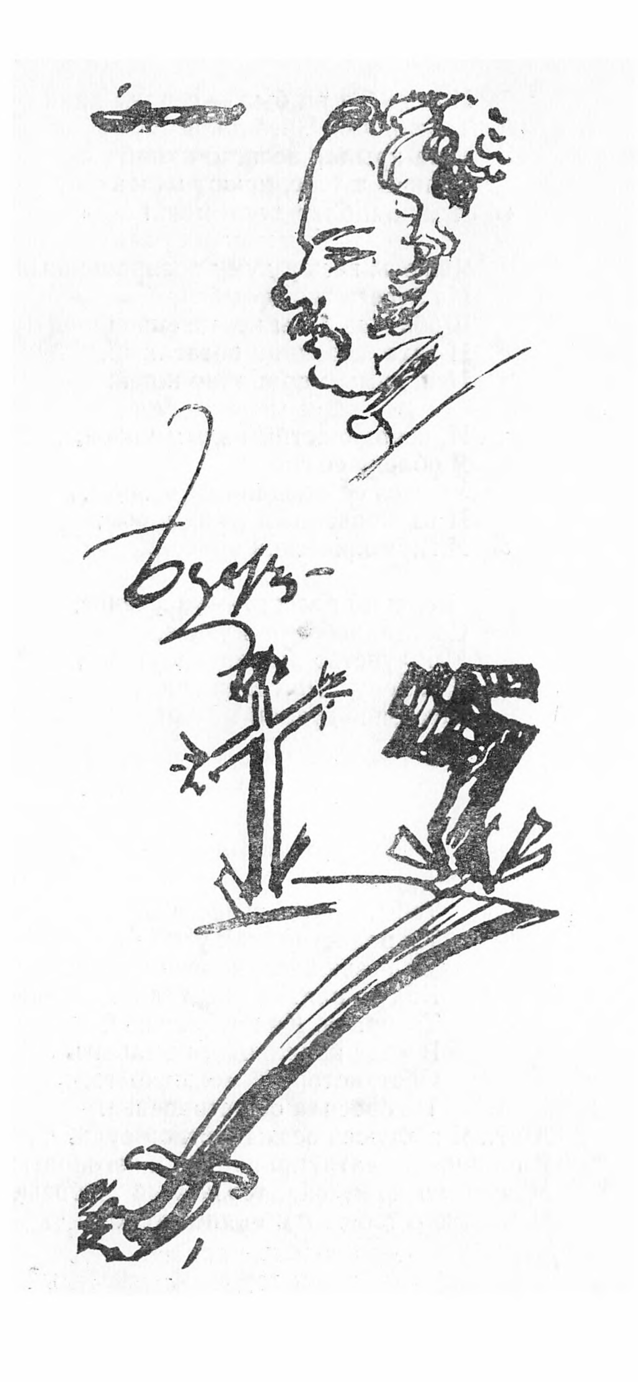
Теперь, печально пробегая,
Ты стонешь в сумрачной тиши,
Как стонет дева молодая,
Пролетный призрак обнимая
Своей тоскующей души.

Увы, твой ропот заунывный
Понятен мне! Он — ропот мой;
И я пою последни гимны
И твой поток гостеприимный
Кроплю прощальною слезой!

Наутро пурпурной зарею
Запышет небо; берега
Блеснут одеждой золотою
И благотворною росою
Закаплют рощи и луга.

Но вод твоих на лоне мутном
Всё будет пусто!.. Лишь порой,
Носясь полетом бесприютным,
Их гостем посетит минутным
Журавль, пустынник кочевой.

О, где тогда, осиротелый,
Где буду я! К каким странам,
В какие чуждые пределы
Мчать будет гордо парус смелый
Мой челн по скачущим волнам!

Но где б я ни был — сердца дани —
Тебе одной. Чрез даль морей
Я на крылах воспоминаний
Явлюсь к тебе, приют мечтаний,
И мук, и благ души моей!

Явлюсь, весь в думу превращенный,
На берега твоих зыбей,
В обитель девы незабвенной
И тихо, странник потаенный,
Невидимым приникну к ней.

И, неподвластный злым укорам,
Я облеку ее собой,
Упьюсь ее стыдливым взором,
И вдохновенным разговором,
И гармонической красой;

Ее, чья прелесть — увлеченье,
Светла, небесна и чиста,
Как чувство ангела в моленье,
Как херувима сновиденье,
Как юной грации мечта!

1834

75

Тебе легко — ты весела,
Ты радостна, как утро мая,—
Ты резвишься, не вспоминая,
Какую клятву мне дала!..
Ты права. Как от упоенья,
В чаду кадильниц, не забыть
Обет, который, может быть,
Ты бросила от нетерпенья.
А я?.. Я жалуюсь безжалостной судьбе,
Я плачу, как дитя, приникнув к изголовью,
Мечусь по ложу сна, терзаемый любовью,
И мыслю о тебе... и об одной тебе!

1834

76

Что пользы мне в твоем совете,
Когда я съединил и пламенно люблю
Весь божий мир в одном предмете —
И в одном чувстве — жизнь мою!

1834 (?)

77

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю,— не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошствуют и взор востоком пышет,
Что вы поэзия от ног до головы.
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,—
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас люблю затем, что это — *вы!*
На право вас любить не прибегу к пашпорту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и — убираться к черту!

1834 (?)

78. НА ГОЛОС ИЗВЕСТНОЙ РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя — без ума люблю!
О тебе одной думы думаю;
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка!

Ты взгляни, молю, на тоску мою —
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня беспокойного,
Осчастливь меня несчастливого!

Если жребий мой — умереть тоской,
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и в смертный час воздыхаючи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834 (?)

79

В былые времена она меня любила
И тайно обо мне подругам говорила,
Смущенная и очи опустя,
Как перед матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стих, порывистый, несвязный,
Стих безыскусственный, но жгучий и живой,
И чувств расстроенных язык разнообразный,
И упоенный взгляд любовью и тоской.
Она внимала мне, она ко мне ласкалась,
Унылая и думою полна,
Иль, ободренная, как ангел, улыбалась
Надеждам и мечтам обманчивого сна...
И долгий взор ее из-под ресниц стыдливых
Бежал струей любви и мягко упадал
Мне на душу — и на устах пылал
Готовый поцелуй для уст нетерпеливых...
. . . .
. . . .

1834 или 1835

80

Унеслись невозвратимые
Дни тревог и милых бурь,
И мечты мои любимые,
И небес моих лазурь.

. . . .

Не глядит она печальная
На пролет надежд моих,
Не дрожит слеза прощальная
На ресницах молодых!

1834 или 1835

81

Жестокий друг,— за что мученье?
Зачем приманка милых слов?
Зачем в глазах твоих любовь,
А в сердце гнев и нетерпенье?
Но будь покойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...
. . . .
И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не быв любим,
Где я страдал без состраданья,
Где так жестоко испытал
Неверность клятв и обещаний,—
И где никто не понимал
Моей души глухих рыданий!

1834 или 1835

82

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех! — Я счастлив! Я любим!
Приветливость даруется тобою
Соперникам моим...
Но теплота души, но всё, что так люблю я
С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя...
Не им, а мне!

1835 (?)

83

Я помню — глубоко,
Глубоко мой взор,
Как луч, проникал и рощи, и бор
И степь обнимал широко, широко...

Но, зоркие очи,
Потухли и вы —
Я выглядел вас на деву любви,
Я выплакал вас в бессонные ночи!

1836

84. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И призрак пламенных ночей,
Неотразимый, неизбежный,
И милые тревоги милых дней,
И языка несвязный лепет,
И сердца судорожный трепет,
И смерть, и жизнь при встрече с *ней*...
Исчезло всё! — Покой желанный
У изголовия сидит...
Но каплет кровь еще из раны,
И грудь усталая и ноет, и болит!

1836

85

Меринос собакой стал,—
Он нахальствует не к роже,
Он сейчас народ прохожий
Затолкал и забодал.
Сторож, что ж ты оплошал?
Подойди к барану прямо,
Подцепи его на крюк
И прижги ему курдюк
Раскаленной эпиграммой!

1836

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. ДАВЫДОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

86

Нет, кажется, тебе не суждено
Сразить врага: твой враг — детина чудный;
В нем совесть спит покойно, непробудно.
Заставить бестию стыдиться — мудрено;
Заставить покраснеть — не трудно!

1836

87

«О ты, убивший жизнь в ученом кабинете,
Скажи мне: сколько чуд считается на свете?»
— «Семь».— «Нет: осьмое — ты, педант мой дорогой;
Девятое — твой нос, нос сизо-красноватый,
Что, так спесиво приподнятый,
Стоит, украшенный табачною ноздрей!»

1836

88. ЧЕЛОБИТНАЯ

В дни былые сорванец,
Весельчак и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
И сенатор, и делец,
О мой давний покровитель,
Сохрани меня, отец,
От соседства шумной тучи
Полицейской саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарных труб и крючий.
То есть, попросту сказать:
Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой Пречистенский дворец.
Тесен он для партизана!
Сотоварищ урагана,
Я люблю — казак-боец —
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,

Въ немъ совѣсть спитъ покойно, непробудно,
Заснувшую ~~[illegible]~~ бестiю стыдиться мудрено....
Заставить покраснѣть нетрудно.

Челобитная
Башилову.

Въ дни былые Сорванецъ
Весельчакъ и вселитель,
А теперь Москвы Строитель
И Сенаторъ и дѣлецъ.
О мой давнiй покровитель
Сохрани меня Отецъ
Отъ Сосѣдства шумной тучи
Полицейской Саранчи,
И торчащей Каланчи
И пожарныхъ трубъ и Крючiй.
То есть, по просту сказать:
Помоги въ Казну продать
За Сто тысячъ домъ богатый,

Дом разгулов безграничных
И налетов удалых,
Где могу гостей моих
Принимать картечью в ухо,
Пулей в лоб иль пикой в брюхо.
Друг, вот истинный мой дом!
Он везде,— но скучно в нем:
Нет гостей для угощенья.
Подожду... а ты пока
Вникни в просьбу казака
И уважь его моленье.

1836

89. СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

Деспотизма сопостат,
Равенства оратор,
Вздулся, слеп и бородат,
Гордый регистратор.

Томы Тьера и Рабо
Он на память знает
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло;

А глядишь: наш Лафает,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Фраз журнальных лексикон,
Прапорщик в отставке,
Для него Наполеон —
Вроде бородавки;

Для него славнее бой
Карбонаров бледных,
Чем когда наш шар земной
От громов победных

Колыхался и дрожал
И народ, в смятенье,
Ниц упавши, ожидал
Мира разрушенье.

Что ж? — Быть может, наш герой
Утомил свой гений
И заботой боевой,
И огнем сражений?

Нет, он в битвах не бывал —
Шаркал по гостиным
И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

Что ж? — Быть может, он богат
Счастьем семьянина,
Заменя блистанье лат
Тогой гражданина?

Нет, нахально подбочась,
Он по дачам рыщет
И в театрах, развалясь,
Всё шипит да свищет.

Что ж? — Быть может, сатаны
Он бежал приманок;
Звезды, ленты и чины
Презрел спозаранок?

Нет, мудрец не разрывал
С честолюбьем дружбы
И теперь бы крестик взял —
Только чтоб без службы.

Вот гостиная в лучах;
Свечи да кенкеты,
На столе и на софах
Кипами газеты;

И превыспренний конгресс
Двух графинь оглохших
И двух жалких баронесс,
Чопорных и тощих;

Всё исчадие греха,
Страстное новинкой;
Заговорщица-блоха
С мухой-якобинкой;

И козявка-егоза,
Девка пожилая,
И рябая стрекоза,
Сплетня записная;

И комар, студент хромой,
В кучерской прическе;
И сверчок, крикун ночной,
Друг Крылова Моськи;

И мурашка-филантроп,
И червяк голодный,
И Филипп Филиппыч-клоп,
Муж... женоподобный,—

Все вокруг стола — и скок
В кипет совещанья
Утопист, идеолог,
Президент собранья,

Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.

Все кричат ему привет
С аханьем и писком,
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum![1]

И раздолье языкам!
И уж тут не шутка!
И народам, и царям —
Всем приходит жутко!

Всё, что есть,— всё в пыль и прах!
Всё, что процветает,—
С корнем вон! — Ареопаг
Так определяет.

И жужжит он, полн грозой,
Царства низвергая...
А России,— боже мой! —
Таска... да какая!

И весь размежеван свет
Без войны и драки!
И России уже нет,
И в Москве поляки!

Но назло врагам она
Всё живет и дышит,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.

Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет.

А когда во время сна
Моль иль таракашка
Заползет ей в нос — она
Чхнет — и вон букашка!

1836

---

[1] Господь с вами! (лат.).— *Ред.*

90. ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон,—
Как много дум наводит он!
Не тот, что на закате дня
Гудит в стенах монастыря,
Но тот, что пасмурной порой
Поется девой молодой...
Вечерний звон, вечерний звон,—
Как много дум наводит он!

Как он мучителен и мил!
Как он мне чувства возмутил,
Когда впервые звук его
Коснулся слуха моего!..
То был не звук, но глас страстей,
То говор был с душой моей!
Вечерний звон, вечерний звон,—
Как много дум наводит он!

Всё вторило в природе Ей:
Луна средь облачных зыбей,
Пустыня в сумрачной тиши,
И ропот девственной души,
Терзаемой любви тоской,
И очи, полные слезой!..
Вечерний звон, вечерний звон,—
Как много дум наводит он!

1830-е годы

91. МАША И МИША

Шутка

Как интересна наша Маша!
Как исстрадалася по Мише!
Но отчего же ехать к Маше
Так медлит долговязый Миша?
Быть может, занимаясь Машей,
На сахарном заводе Миша
Готовит карамельки Маше,—
Но станется и то, что Миша
Забыл о нашей бедной Маше.

И, может быть, неверный Миша
Целует уж другую Машу,
Вы знаете какую,— Миша!
Опомнись, Миша! — наша Маша
Жива лишь памятью о Мише,
А новая красотка Маша
Грызет одни конфеты Миши —
Грызет, как их грызут все Маши
В провинциях, где ныне Миша,
И в ус не дует эта Маша,
Что слаще их лобзанья Миши!
Когда, когда же к нашей Маше
Ты возвратишься, длинный Миша,
И сквозь очки увидишь Машу —
Глядящею в лорнет на Мишу?..

1830-е годы

92. БОГОМОЛКА

Кто знает нашу богомолку,
Тот с ней узнал наедине,
Что взор плутовки втихомолку
Поет акафист сатане.

Как сладко с ней играть глазами,
Ниц падая перед крестом,
И окаянными словами
Перерывать ее псалом!

О, как люблю ее ворчанье:
На языке ее всегда
Отказ идет как обещанье:
«Нет» на словах — на деле «да».

И — грешница — всегда сначала
Она завопит горячо:
«О, варвар! изверг! я пропала!»
А после: «Милый друг, еще...»

1830-е годы (?)

Богомолка.

Кто знаетъ нашу богомолку
тотъ съ ней узналъ наединѣ,
что взоръ плутовки въ тихомолку
поетъ акафистъ Сатанѣ.

Какъ сладко съ ней играть глазами
ницъ падая предъ [illegible] кротостью
и оканными словами
перерывать ѝ псаломъ.

О какъ любезно
Забавна ми ѝ ворчанье: —
Наяѣко ѝ всегда
отказъ [illegible] бъбъцанье: —
ножъ на словакъ — каквото да.
[illegible] — всегда
И [illegible] — а начала
она. Завопитъ / горещо: /
„О варваръ! извергъ! я пропала.“
а послѣ: — „Милой другъ еще.“

93

Как будто Диоген, с зажженным фонарем
Я по свету бродил, искавши человека,
И, сильно утвердясь в намеренье моем,
В столицах потерял я лучшую часть века.
Судей, подьячих я, сенаторов нашел,
Вельмож, министров, прокуроров,
Нашел людей я разных сборов —
Фонарь мой всё горел.
Но, встретившись с тобой, я вздрогнул, удивился —
Фонарь упал из рук, но ах, не погасился.

1830-е годы (?)

94. BOUT-RIMÉ[1]

В любезности его неодолимый — *груз,*
В нем не господствует ни соль, ни — *перец;*
Я верю: может быть, для немок он — *француз,*
Но для француженок он — *немец.*

1830-е годы (?)

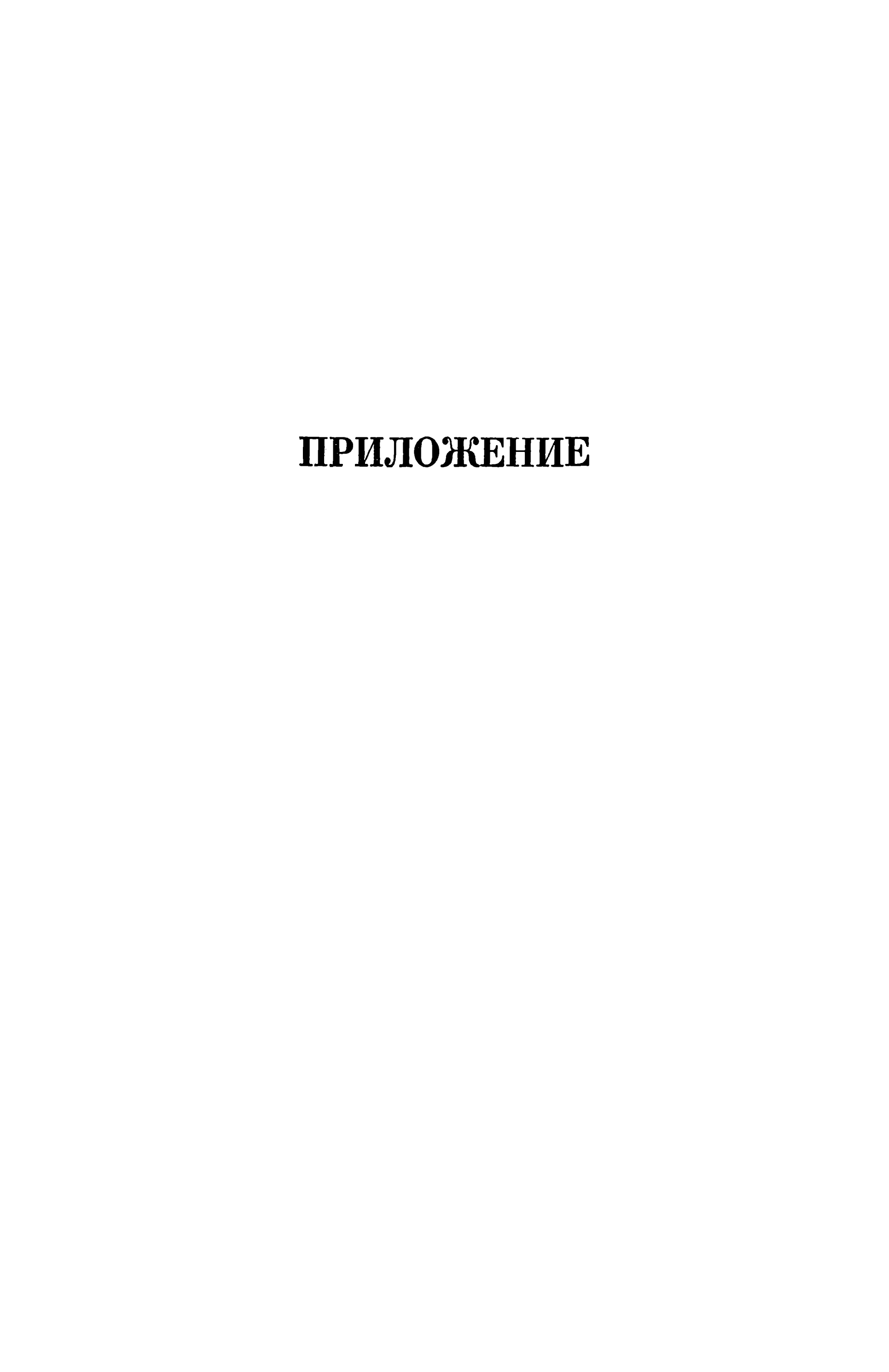
95

А кто он? — Француз, германец,
Франт, философ, скряга, мот,
То шаллив, как ярый кот,
То труслив, как жалкий заяц;
То является томим
Чувством горестно-унылым —
То бароном легкокрылым,
То маркизом пудовым.

1830-е годы (?)

---

[1] Буриме (франц.).— *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

96. ОЧЕРК ЖИЗНИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА

Денис Васильевич Давыдов родился в Москве. Он, как все дети, с младенчества своего оказал страсть к маршированию, метанию ружьем и проч. Страсть эта получила высшее направление от нечаянного внимания к нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда под начальством родителя Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословя его, сказал: «Ты выиграешь три сражения!» Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека.

Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили? Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствия, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке; тому же учился и Давыдов до 13 лет своего возраста. Тут пора было подумать о будущности: он сел на конь, захлопал арапником, полетел со стаею гончих собак по мхам и болотам — и тем заключил свое воспитание.

Между *порошами и брызгами,* живя в Москве без занятий, он познакомился с некоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда в университетском пансионе. Они доставили ему случай прочитать «Аониды», полупериодическое собрание стихов, издаваемое тогда Н. М. Карамзиным. Имена знакомых своих, напечатанные под некоторыми стансами и песенками, помещенными в «Аонидах», зажгли его честолюбие. Он стал писать; мысли толпились, но как приключения во сне, без связи между собою. От нетерпения своего он думал победить препятствия своенравием: рвал бумагу и грыз перья — но не тут-то было! Тогда он обратился к переводам — и вот первый опыт его стихотворения:

Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы! По моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!»

В начале 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову в руки 400 рублей ассигнациями и отправили его в Петербург на службу. Малый рост препятствовал ему вступить в Кавалергардский полк

без затруднения. Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукóю и трехугольною шляпою.

Таковым чудовищем спешил он к двоюродному брату своему А. М. К<аховско>му, чтобы порадовать его своею радостию; но увы! какой прием! Вместо поздравления, вместо взаимных с ним восторгов, этот отличный человек осыпал его язвительными насмешками и упреками за вступление на службу неучем. «Что за солдат, брат Денис,— заключил он поразительный монолог свой,— что за солдат, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?» Самолюбие Давыдова было скорбно тронуто, и с того времени, гонимый словами К<аховско>го, как грозными призраками, он не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним так, что не имел уже нужды в пугалищах, чтоб заниматься чтением.

Между тем он не оставлял и беседы с музами: призывал их во время дежурств своих и в казармы, и в гошпиталь, и даже в эскадронную конюшню. Часто на нарах солдатских, на столике больного, на полу порожнего стойла, где избирал свое логовище, он писывал сатиры и эпиграммы, коими начал словесное поприще свое.

В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда Киевской губернии в окрестностях Звенигородки. Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, *затянулся, натянулся* и пустился плясать мазурки до упаду.

В это бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, потому что была полячка, и сочинил известный призыв на пунш Бурцову,* который читать не мог оттого, что сам *писал мыслете.*

В 1806 году Давыдов переведен был в лейб-гусарский полк поручиком. Вскоре загорелась война с французами, и знаменитый князь Багратион избрал его в свои адъютанты. Давыдов поскакал в армию, прискакал в авангард, бросился в сечу, попался в плен и спасен казаками.

По заключении мира, Давыдов возвратился в Россию и написал «Договоры», «Мудрость» и несколько других стихотворений.

Зимою 1808 года объявлена война Швеции. Давыдов является в армию, ждет обещанного приступа Свеабургу и, узнав о начатии переговоров для сдачи этой крепости, спешит к Кульневу на север, идет с ним до окрестностей Улеабурга, занимает с командою казаков остров Карлое и, возвратясь к авангарду, отступает по льду Ботнического залива до селения Пигаиоков, а оттуда до Гамле-Карлеби. При селении Химанго, в виду неприятельских аванпостов, он перевел Делилеву басню «La Rose et l'Etourneau».

В течение этой кампании Давыдов неотлучно находился при авангарде Кульнева в северной Финляндии, был с ним при завоевании Аландских островов, с ним расставлял пикеты, наблюдал за неприятелем, разделял суровую его пищу и спал на соломе под крышею неба.

---

* Этот Бурцов служил в одном полку с Давыдовым и умер в 1813 году.

Летом 1809 года князь Багратион поступает на степень главнокомандующего Задунайскою армиею; Давыдов находится при сем блистательном полководце во всех сражениях того года.

1810 года обстоятельства отрывают князя Багратиона от армии; граф Каменский заступает его место, и Давыдова снова приписывают к авангарду Кульнева. В поучительной школе этого неусыпного и отважного воина он кончает курс аванпостной службы, начатой в Финляндии, и познает цену спартанской жизни, необходимой для всякого, кто решился *нести службу, а не играть со службою.*

Возвратясь после Рущукского приступа к генералу своему, получившему тогда главное начальство над 2-ю Западною армиею, Давыдов находился при нем в Житомире и Луцке без действия, если исключим курьерские поездки и беседы его с соименным его покорителем Индии (Бахусом, или Вакхом — иначе Дионисием).

Начинается отечественная война. Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует 1-м баталионом оного до Бородина *. Первый подает мысль о выгоде партизанского действия; отправляется с партиею гусаров и казаков (130-ю всадниками) в тыл неприятеля, в средину его обозов, команд и резервов; действует против них десять суток и, усиленный шестью стами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы; разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным под Ляховом; разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом; рассевает неприятеля под Белыничами и продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном нападает он на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев,— Давыдов в душе гусар и любитель природного их напитка: за стуком сабель застучали стаканы и — город наш!

Тут фортуна обращается к нему *задом.* Давыдов предстает *пред лицо* генерала Винценгероде и поступает под его начальство. С ним пресмыкается он чрез Польшу, Силезию и вступает в Саксонию. Не стало терпения! Давыдов рванулся вперед и занял половину города Дрездена, защищенного корпусом Дюрюта За таковую дерзость он лишен был команды и сослан в главную квартиру.

Справедливость царя-покровителя была щитом беспокровного. Давыдов снова является на похищенное у него поприще, на коем продолжает действовать до берегов Рейна.

Во Франции командует он в армии Блюхера Ахтырским гусарским полком, а потом бригадою, составленною из гусарских полков того же Ахтырского и Белорусского, с которыми он проходит чрез Париж. За отличие в сражении под Бриеном (Ларотьер) производится он в генерал-маиоры.

Вскоре после того Давыдов получает отпуск в Москву, где предается исключительно словесности и сочиняет несколько элегий.

Во время мира он занимает место начальника штаба пехотных корпусов: вначале 7-го, а потом 3-го.

В 1819 году он вступает в брак; а в 1821 году *бракует* себя из списков фрунтовых генералов и поступает в список генералов, состоящих по кавалерии. Но единственное упражнение: застегивать

* Тогда гусарские полки состояли из двух баталионов,— каждый баталион заключал в себе 5 эскадронов в мирное, а 4 эскадрона в военное время.

себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы от глотки до пупа — надоедает ему до того, что он решается на распашной образ одежды и жизни и, в начале 1823 года, выходит в чистую отставку.

Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостоивает его избранием в действующие лица на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий милого ему семейства и спешит из Москвы в Грузию. В десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней — и он с отрядом своим за громадою Безобдала в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец еще одни сутки — и он у подошвы заоблачного Алагеза поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана и принуждает его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам Сардарь Эриванский с войсками своими от озера Гечки. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полной пышности, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого.

После этой экспедиции Давыдов занимается строением крепостцы Джелал-оглу, которую довершает около декабря месяца. Зимою, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на 6 недель, и едва успевает обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за Кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлогоднего: на этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к Кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он принужденным находится безвозвратно уже отбыть в Россию.

До 1831 года он заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, от шума обеих столиц столь спасительно отдаленной, и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейственной жизни. Там сочиняет он «Бородинское поле», «Душеньку», «Послание Зайцевскому» и проч.

Тяжкий для России 1831 год вызывает снова Давыдова на поле брани. И какое сердце русское, чистое от заразы общемирного гражданства, не забилось сильнее при первом известии о восстании Польши? Низкопоклонная, невежественная шляхта осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть — и не мог! Давыдов скачет в Польшу. 12 марта он находится уже в главной квартире армии в местечке Шенице, а 22-го является в Красностав, где кочует порученный ему отряд войск, состоящий из полков: трех казачьих и Финляндского драгунского.

6-го апреля он берет приступом город Владимир на Волыне и низлагает в нем одно из главных ополчений мятежников Волынской губернии.

29-го апреля соединенно с генерал-майором графом Толстым загоняет он корпус Хржановского под пушки Замостьской крепости.

7-го июня, командуя авангардом корпуса генерала Ридигера в сражении под Лисобиками, Давыдов принимает на щит свой все удары главных сил неприятеля и не уступает ему ни шагу. Бой длится более трех часов. Генерал Ридигер, пользуясь стойкостию пехоты Давыдова, обходит сражающихся, ударяет в тыл неприятеля и сим

искусным и отважным движением обращает победу на свою сторону. За этот бой Давыдов производится в генерал-лейтенанты.

В течение августа Давыдов, продолжая командовать то различными отрядами, то всей кавалериею корпуса генерала Ридигера, действует за Вислою между Варшавою и Краковом. Наконец, командуя в предмостном укреплении на Висле при м. Казимирже, отбивает учиненное на него всем корпусом Ружицкого нападение, предпринятое 28 августа, и, по совершенном низложении мятежа русскою армиею, возвращается в Москву, на свою родину, к своему семейству.

Давыдов не много писал, еще менее печатал; он, по обстоятельствам, из числа тех поэтов, которые довольствовались рукописною или *карманною* славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных дозорщиков. Запрещенный товар как запрещенный плод: цена его удвоивается от запрещения. Сколько столовых часов под свинцовыми печатями стоят в лавке; на вопрос: долго ли им стоять? отвечают они: *вечность!*

Общество любителей словесности, учрежденное при Московском университете, удостоило Давыдова <избранием> в число действительных членов, и он примкнул в нем к толпе малодействующих. Однако сочинение его «Опыт теории партизанского действия» и издаваемые ныне «Стихотворения» дают ему право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Императорской публичной библиотеке,— в сем богоугодном и страннориимном заведении, куда стекаются любовники гулливых барышен Парнаса. При всем том Давыдов не искал авторского имени и как приобрел его — сам не знает. Большая часть стихов его пахнет бивуаком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного рода бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, в винных парах, среди буйного разгула. Подобно Давыдову во всех минувших войнах,— они, во многих минувших журналах, являлись наездниками, поодиначке, наскоком, очертя голову, *день их* был *век их,* и потому никогда бы не решился он на собрание этой рассеянной вольницы и на помещение ее на *непременные квартиры* у книгопродавца, если б добрые люди не доказали ему, что одно и то же покоиться ей розно или вместе.

Сбор этот стоил ему немалого труда. Некоторые стихотворения исторгнуты им из покрытых уже прахом или изорванных журналов, а другие, переходя из рук в руки писцов, более или менее грамотных, изменились до того, что и самим автором едва были узнаны. Не говорим уже о тех, которые, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могут теперь показаться на инспекторский смотр цензурного комитета, и о тех, кои исключены им из списка за рифмы на глаголы — «ибо,— как говорит он,— *во многоглаголании несть спасения»*.

Как бы то ни было, он обэскадронил все, что мог, из своей сволочи и представляет команду эту на суд читателя, с ее странною поступью (allure), с ее обветшалыми ухватками, в ее одежде старомодного покроя, как Кагульских, как Очаковских инвалидов-героев новому поколению Забалканских и Варшавских щеголей-победите-

лей! Будут нападки: это в порядке вещей. Но пусть вволю распояснется на этот подвиг санктпетербургская и московская милиция критиков. В лета щекотливой юности Давыдова малейшее осуждение глянца сапогов, фабры усов, статей коня его бросало его руку на пистолеты или на рукоять его черкесской шашки. Время это далеко! Теперь мы ручаемся, что он ко многому уже равнодушен, особенно к стихам своим, к коим равнодушие его, относительно их красоты или недостатков, не изменялось и не изменится. И как быть иначе? Он никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху. Правда, он был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам, а по чувству; некоторые говорят, будто воображением, рассказами и разговорами,— иные, по залету и отважности военных дел его, будто бы и делами. Что ж касается до упражнения его в стихотворстве, то он часто говаривал нам, что это упражнение или, лучше сказать, порывы оного утешали его, как бутылка шампанского,— как наслаждение, без коего он мог обойтись, но которым упиваясь, он упивался уже с полным чувством эгоизма и чуждый самой пролетной мысли, чтобы уделить кому-нибудь хотя одну и малейшую каплю от своего наслаждения.

Заключим: Давыдов не нюхает табаку с важностию, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противуположностей, редко сочетающихся. Принадлежа стареющему уже поколению и летами, и службою, он свежестию чувств, веселостию характера, подвижностию телесною и ратоборствованием в последних войнах собратствует как однолеток и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие,— но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людей, посвятивших себя исключительно словесности, и, охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всесокрушительными событиями, как Везувий лавою,— он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха; его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут,— торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир, и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях,— в юной деве ли, в произведении художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в словесности ли,— везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее; вот Давыдов

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в произведении. После нумерации строк (или строф) указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего.

2. ГОЛОВА И НОГИ

Копия ГПБ (архив Державина)

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной
Повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь,—
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь обо всём,
Об свете, об людях, об моде,
Об тихой и дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами,—
И, словом, — бедными Ногами
Как шашками вертишь».
— «Молчите, дерзкие! — им Голова сказала.—
Иль силою я вас заставлю замолчать...
Кто вас принудил взбунтовать?
Природою поставлено мне вами управлять».
— «Ну, очень хорошо,— пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не пыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять.
Да между нами ведь признаться,
Коль нами ты имеешь право управлять,
То мы имеем тож всё право спотыкаться,—
И можем иногда, споткнувшись, — как же быть —
Твое Величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий понимает...
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто всё болтает.

3

3 Вельможу осудил: главу его седую
РС

28 А то бы эта быль на басню походила.

5—11 Но он пред смертию возмог уже добиться
Предстать перед него —
Копия Путяты (ЦГАЛИ) Не милости просить, не плакать, не крушиться,
Но, если правды он боится,
Хоть басню выслушать его.
Позволил — философ садится
И басню эту говорит:

19—20 Он должен был в душе и стыд, и страх питать.
Монарх! гнушайся! это сходство

25 Деспота речь сия так сильно убедила,

4

4 Любила тишину, щедроту изливала,
Копия Болотова (ГПБ)

6 За то премудрою из птиц она слыла,

19—20 Что сердцу горестно, легко ли то забыть?
Слеза душе отрада

50 Что доброй дичью всей без милости ругался:

95 И вдруг столкнулись все, во всех углах запели,[1]

120 Не выбирать в цари ни злых, ни глупых петухов.

8—12 Она любила всех, ее покой хранили.
Копия ЦГИА Но наконец царица птичий род
Оставила навек по правилам природы,
Прожив назначенные годы,
От птиц взята была судьбой,

14 Тоску и горесть тем на птичий род нагнала;

16 С унылым тоном

25 Что будто без царя нельзя на свете жить

49 И с сею сволочью тем только забавлялся,

61 За то, что избрали в цари себе мы птицу

---

[1] *Текст испорчен.*

63 И в горести своей летят они к леску

67—71 Коль необуздан ты, твоя несносна власть,
Терпеть уж не хотят твоих злодействий боле!
Им нужен добрый царь, ты ж гнусен на престоле,
Народу твоему всяк час беда, напасть.
Совет, подумавши, решился,

77 Ужасно действие, и много в нем греха,

83—84 В восторге, в радости пернаты вне себя,
Тирана истребя,

87 Теперь в спокойствии мы ныне заживем,

95 Вдруг все стакнулися, во всех углах запели,

99—100 Разиня бестолковый
И всякому стрелку подарок он готовый,

114 Лишен гнезда — у них кто милость не нашел.

119—120 Урок вам даст таков —
Не избирать ни злых — ни глупых петухов.

8—12 Она любила всех, ее покой хранили.
Копия Но наконец царица птичья рода
ЦГАЛИ К печали злой,
Оставила их и была по правилам природы,
Прожив назначенные ей годы,
От птиц была взята судьбой![1]

14 Тоску и горесть тем на птичий род нагнала;

16 С унылым тоном

20 Слеза души чувствительной есть отрада

25—26 Что будто без царя нельзя на свете жить
И что царю у птиц, конечно, должно быть.

49 И с сею сволочью тем только забавлялся,

61 За то, что избрали в цари мы птицу

63—64 И в горести летят они к леску,
Чтобы размыкать там смертельную тоску.

67—71 Коль необуздан ты, твоя несносна власть,
Терпеть уж не хотят твоих злодействий боле!

[1] *Текст ст. 8—12 и ст. 20, по-видимому, испорчен.*

Нам нужен царь иной, ты гнусен на престоле,
Народу твоему всяк час беда, напасть.
Совет, подумавши, решился,

76—77 Казалось многим безрассудно,
Ужасно действие, и много в нем греха,

83—84 В восторге, в радости пернаты вне себя,
Тирана истребя,

87 Теперь в спокойствии мы ныне заживем,

95 Вдруг все столкнулися, во всех углах запели[1]

99—100 Разиня бестолковый
И всякому стрелку подарок он готовый,

119—120 Ваш, птицы, всяк рок таков:
В цари не избирать глухих тетеревов
И злобных петухов.[1]

Вместо Она любила всех, ее покой хранили.
8—12
Копия Но наконец царица птичий род
Свиньина Оставила навек по правилам природы,
(ГПБ) Прожив назначенные годы,
Была взята судьбой...

14 Тоску и горесть тем на птичий род нагнала;

16 С унылым тоном

25—26 Что будто без царя нельзя на свете жить
И что царю у нас, конечно, должно быть.

49 И с сею сволочью тем только забавлялся,

61 За то, что избрали в цари мы птицу

63 И в горести своей летят они к леску

67—71 Коль необуздан ты, твоя несносна власть,
Терпеть уж не хотят твоих злодействий боле!
Им нужен добрый царь, ты ж гнусен на престоле,
Народу твоему всяк час беда, напасть.
Совет, подумавши, решился,

77 Ужасно действие, и много в нем греха,

83—84 В восторге, в радости пернаты вне себя,
Тирана истребя,

---

[1] *Текст испорчен.*

87 Теперь в спокойствии ныне поживем [1],

93 Проникнуть может кто судеб твоих пучину?

95 Вдруг все стакнулися, во всех углах запели,

99—100 Разиня бестолковый
И всякому стрелку подарок он готовый,

109 Не пьет он, не клюет,

114 Лишен гнезда — у них кто милость не нашел.

119 Урок вам дан таков:

22 Но как ни горестно — ее не возвратить.

Список Лонгинова (ИРЛИ)

25 Что без царя нельзя никак на свете жить

35 Что будет царь лютой,

93 Проникнуть можно ли судеб твоих пучину?

119 Урок вам дан таков:

6

48—55
Изд. 1832

Пусть я буду век в заботах,
Членом в мемельских расчетах
Иль... пожарный капитан!
Пусть... но полная лохань
Уж сухая остается;
Нос твой рдеет, лоб твой жмется,
Отвечать тебе невмочь...
Ну прощай же — добра ночь!

7

14
Изд. 1832

Ф......, брат! что за раздолье!

16 Ф......, пью твое здоровье:

20—21 Ставь прическу дуракам,
Пока будешь с нею сам!

24 Пей, люби и веселися!

---

[1] *Текст испорчен.*

8

Подзаголовка нет

6 *Собр. р. стих., 1810* — Говорит седая нам;

17 — Стала пить — а нам твердила

19 — Но допивши, попросила

22—23 — Не нашла уж боле слов;
Вон пошла — но спотыкалась,

ПРЕМУДРОСТЬ

Подзаголовка нет

4 *ВЕ, 1811* — И Премудрость гнали вон.

6 — Говорит Премудрость нам.

17 — Стала пить — а нам твердила

19 — Но допивши, попросила

22—23 — Не нашла уж боле слов;
Вон пошла — не спотыкалась [1],

9. ДОГОВОР

ВЕ, 1808

Что ж делать, милый друг, люблю, люблю тебя!
Я стал совсем иной, не узнаю себя!
Готовлюсь всё открыть — но взглянешь... содрогаюсь!
Один в безмолвии, задумавшись, скитаюсь!
Грущу, где нет тебя, ночь в скуке провожу;
В мечтаниях души тебя воображаю;
И если иногда сон сладкий нахожу,
И в нем еще тебя, тебя же я встречаю!

Прилично ль это мне? — Ах, нет! минул уж век
Любовных замыслов, счастливых заблуждений!
Вторый десяток мой протек!
Исчезли призраки сердечных восхищений!
Исчезли — мне ль тебя любить?
Рассудок не велит с Амурами шутить:
Резвясь с мальчишками, в мальчишки попадаешь.
Всё правда!... Но вчера... ты знаешь!...
Могу ли позабыть твой нежный разговор?
Ты резвостью мила? Но вздох, но страстный взор,

[1] *Опечатка в ВЕ.*

Но что задумчивость твоя мне обещают?
Признаться ли тебе? уж люди примечают,
Что ты не так резва, беспечна — и меня
Безмолвно слушаешь! — Вчера рука твоя
Мою не покидала; 6
Она в моей руке пылала, трепетала!
И пламенный твой взор стремился... на кого?
Кого искал? Меня, меня лишь одного!
Я видел всё — так, я любим тобою!
Уверен, милый друг, уверен, что любим —
Чье в мире счастие сравняется с моим?

Теперь заранее нам должно меж собою
Согласно начертать сердечный договор;
Мы тем предупредим семейственный раздор,
Неудовольствия, причудливые споры.
Вот *первая* статья:
Мы будем жить одни, глаз на глаз, ты да я.
Здесь тьма насмешников, которых злые взоры
Во всем находят зло! Ехидных языков
Я, право, не боюсь! Но модных болтунов,
Кудрявых волокит, с лорнетами, с очками,
Как можно принимать? Признаться, между нами,
Что их ни дружба, ни любовь,
Ни посещения не могут быть приятны,
И что за счастие иметь собранья знатны,
Тьму обожателей, в шуму их обитать,
Безумно умствовать, без толку толковать?
Как можно мирную любовников обитель
В нарядный маскерад шутов переменить?
Нет, нет, мой милый друг! я моды не любитель,
Я волокитов враг! — Возможно ли сносить
Мучительны слова и в дружбе уверенье
Беспутных ветрениц? — Имеешь позволенье
Раз в месяц... два раза... принять и угостить
Добросердечного степенного соседа,
Шестидесяти лет,— его мила беседа:
Он друг премудрости, разврата первый враг!..
Итак, мой сделан первый шаг,
И первая статья написана! *Вторая:*
Театров никогда тебе не посещать;
Но в этом, кажется, и жертва небольшая!
И нам ли время убивать,
За дымом радостей стремиться?
Миг дорог для любви! О друг мой, милый друг!
Минута праздная чем может наградиться?
И что же видим мы в театрах? Малый круг
Разумных критиков! другие все — зеваки,
Глупцы, насмешники, невежды, вертопрахи!
Открылся занавес — неистовый герой,
Крича в стихах «умри!» с отчаяньем жеманным,
Дрожащую княжну *дрожащею* рукой
Ударит невпопад кинжалом деревянным;
Иль, громким голосом провозглася «увы»,
Без слез расплачется — в блаженнейшей любви,

Клянет себя и жизнь, на сцене умирает...
И ужинать домой с княжною уезжает.
Комедия тебя, ты скажешь, веселит?
Чему учиться в ней? Лукавствовать, смеяться
Над добрыми людьми? Но можно ль забавляться
Несчастием других? Там старичок смешит,
Что поздо полюбил! — Ах, кто повелевает
Волнением страстей? — Там мужа наряжает
Прической модною прелестная жена,
И муж Амфитрион — насмешка не одна
На счет любовников бывает!
Что здесь приятного? К тому ж не вижу ль я
И здесь соборища *слепцов немилосердых,*
Которых так боюсь? Они найдут меня,
Найдут, я чувствую — нет мест для них священных!
Ах! вот они! шумят! уж в ложе! Боже мой!
Дадут ли где-нибудь мне бедному покой?
Увы! теснят меня, толкают с извиненьем,
А я в углу стою... лукавые слова
Их слушать осужден, с досадой, с нетерпеньем!..
Молчу — что делать мне? — Супружние права
Теряют действие в собраньях многолюдных.
Но кончился театр, и мы идем с толпой
К подъезду — ах! и тут, и тут гоним судьбой,
И тут я притеснен толпою безрассудных,
Несносных волокит! — За нами вслед летят,
Усердствуют тебе и руку предлагают.
Возможно ль отказать? Учтивость, говорят,
Отказам первый враг.— Глаза мои теряют
Тебя среди толпы, и я один брожу!..
Нет, именем любви, мой друг, тебя прошу:
Забудь навек театр, любви моей опасный!
«Готова!» — Далее! танцуешь ты прекрасно;
Я знаю, — но тебе на балах не бывать.
Как? Будешь для других так мило наряжаться?
С намереньем приготовляться,
Чтоб нравиться другим, прельщать, обворожать?
Чтоб, шумною толпой влюбленных окружаясь,
В чаду кадильниц забываясь,
Из жалости одной взор бросить на того,
Кто более других пылает, и кого
Ты не нарядами, не блеском восхищаешь,
Но сердцем, но умом, но чувствами пленяешь.

Уж танцы начались... на вальс тебя просить
Подходит Адонис — он с видом боязливым,
Бродящим взором, торопливым
Искал прекрасную — и взор остановить
Был должен на тебе — и кто не восхитится,
Увидевши тебя? — Уж он с тобой вертится,
Рукою окружа твой тонкий, стройный стан,
Летает — до полу из милости касаясь!
И ты в его руках! А я?.. я, разрываясь,
Сижу в углу один, кляну себя! В обман
Попался! думал быть с тобою неразлучен!

Ждал удовольствия! теперь несносен, скучен!
В отчаянье, взбешен!.. Ты, милая, бежишь
Немного отдохнуть — садишься и едва дыханье переводишь,
Трепещет грудь твоя... Но ты опять находишь
Приятность танцевать! опять на вальс спешишь,
Опять, опять меня в смущение приводишь
Воздушной легкостью своей!..
Нет, балы позабуды! — Я в ревности своей
Кажусь взыскателен? Что ж делать, друг мой милый!
Могу ли быть тебе несносен оттого?
Ах, кто причиною? Я сердца моего
Переменю ли страсть? Какою силой
Дам чувства новые ему?
Ты скажешь, я тебя на скуку осуждаю,
Из дома делаю тюрьму,
Столицу в монастырь глухой переменяю...
Ах, нет! я сам хочу, чтоб всюду за тобой
Утехи, радости стремилися толпой;
Но я покоя друг, но скромность обожаю
И для того тебя в деревню призываю!
Огромны здания ненужны нам с тобой!
Чертог, украшенный искусною рукой,
Очаровательный, чудесный,
Не столь мне нравится, как сельский домик, тесный,
Но светлый и простой,— я тесноту люблю;
Боюсь далеко жить от той, с кем жизнь делю!
В одной же горнице — кто шепчет, кто вздыхает,
Кто стукнет, заскрыпит, на цыпочках ступает...
Я вижу, слышу, знаю всё,
И сердце оттого спокойнее мое!
Чего еще желать блаженства к дополненью?
Во вкусе английском, простом
Я рощу насажу — она окружит дом,
Пустыню оживит, даст пищу размышленью;
Вдоль рощи побежит струистый ручеек —
Там ивы гибкие беседкою сплетутся,
Березы над скамьей, развесившись, нагнутся!
Там мшистый, мрачный грот! там светленький лужок!
Здесь скромный огород принудит нас заняться
И непорочностью занятий восхищаться!
Мы будем счастливы Природой и собой!
Глаз скоро обоймет пустынников владенья;
Но ограничим в них все наши наслажденья:
Ах! удовольствие, блаженство и покой
Обширности бегут, довольны теснотой!
Друзья, товарищи забав моих смиренных
Кто будут? Жители села, с простым умом;
Ум стоит остроты; в невежестве своем —
Они почтеннее людей высокомерных,
Которых называть опасно — замолчу.
Итак, с тобою я в деревню полечу,
Забывши светские печальные забавы,
И общежитие, и модные уставы!
О, сколько радостей нас ожидает там!
Скитаться будешь ты по рощам, по горам,

Куда глаза глядят — но только всё со мною,
Не разлучаяся, рука с рукою!
Найдем прекрасный вид? Пленяясь в сердце им,
Присядем на часок и взор свой усладим,
И сердце нежными наполнится мечтами...
Но вечереет день, уж солнце за горами,
Синеет дальный лес — мы тихою стопой
Идем, задумавшись, с растроганной душой,
Спокойны, счастливы,— деревню переходим,
Но мимо хижины убогой не проходим!
Там бедность, милый друг, и скорбь, и глад найдешь!
Смотри, как бледна мать с детьми к тебе теснится!
Ты всех несчастных друг, ты помощь им даешь,
И нежная слеза из глаз твоих катится!
Так всякую семью ты счастием даришь:
Там Ваню доброго на Лизаньке женишь;
Там старца дряхлого ты лета уважаешь;
Почетную скамью на свадьбе уступаешь,
И, боле чтоб меня в душе обворожить,
Ты всем, мой друг, велишь себя боготворить!
Так в радостях любви мы дней не замечаем!
Так жизнь летящую в блаженство обращаем!

Ратификации трактата моего
Я с нетерпеньем жду! Коль друга своего
Ты любишь, подпиши статьи первоначальны.
Доволен будет он! — Со временем для нас
Осенни вечера, мечты, прогулки дальны
Откроют новые! Придет блаженный час,
Как *скрытые* статьи явятся *напоказ*.

Варианты автографа Т-63
(по отношению к редакции ВЕ)

1 *а.* Что ж делать, признаюсь, люблю, люблю тебя! [1]
б. Решаюсь! так и быть! да, я люблю тебя!

2 *а.* Я стал [не тем, что был,] не узнаю себя!
б. Да, я совсем иной, не узнаю себя!

3 *а.* Давно хочу сказать... но взглянешь... содрогаюсь!
б. Готов сказать тебе... но взглянешь... содрогаюсь!
в. Готов открыться в том — но взглянешь... содрогаюсь!

4 Один в безмолвии, задумавшись, сижу,

6 *а.* В мечтах бессонницы я за тобой гоняюсь,
б. В мечтах бессонницы тобою занимаюсь,

---

[1] *Текст белового автографа Т-63, по которому производилась правка. В остальных (не оговариваемых специально) случаях он совпадает с редакцией ВЕ, а литеры «а, б, в» означают последовательную смену вариантов. Звездочкой отмечены стихи, совпадающие с редакцией БдЧ.*

7—9 И если иногда я сном позабываюсь,
И в нем еще *тебя*, тебя же нахожу!
Прилично ль это мне? — Нет, миновал уж век

10 *а.* Тоски, тревог души и сладких упоений, <?>
б. Тоски, тревог, безумств и упоений, <?>
в. Тоски, тревог и упоений,

11 Давно он лавою протек!

12 *Начато:* Давно унес он сны
Давно я чужд [Исчезли]
Давно увлек с собой [1]
Исчезли призраки счастливых заблуждений!

13 Имею ль право я любить?

17 *а.* Не позабуду я твой нежный разговор!
б. [Ах] О, позабуду ль я твой тайный разговор!

18 Ты резвостью мила! Но вздох, но томный взор,*

20 Сказать ли всё тебе? Уж в свете примечают,*

24 Она в моей руке горела, трепетала,

25 *а.* И очи томные стремились... на кого?
б. И ты глядела... на кого? *

26 *а.* Стремились на меня, меня лишь одного...
б. Глядела на меня, меня лишь одного...*

27—28 Я видел всё! — Да, я любим тобою! *
[Да, я любим] — уверен, что любим...

33 Неудовольствия и неизбежны споры...*

36—37 Здесь тьма насмешников, которых разговоры *
Кипят злословием; ехидных языков *

46 И мирную любви обитель *[2]

48—51 Нет, [сто раз] черт их побери! — я моды не любитель
А шаркунам злодей! — Могу ль переносить
И угождения, и в дружбе уверенье
Людей неведомых? — Имеешь позволенье

53—54 Мне с детства моего знакомого соседа,*
Шестидесяти лет — о, как его беседа

---

[1] *Последовательность строк (частью полустертых и нечитаемых) устанавливается приблизительно.*

[2] *Текст белового автографа Т-63, по которому производилась правка.*

55 *а.* Он друг премудрости и развращенья враг!..[1]
б. Полезна для души! Какой он явный враг *

После 55 Беспутной роскоши, с тех пор, как разорился,
а. И пагубных страстей, когда страстей лишился!
б. И пагубных страстей, с тех пор, как их лишился!

58—60 Прошу театр не посещать;*[1]
Но тут, мне кажется, и жертва небольшая!
Ах, нам ли время убивать,*

62 Миг дорог для любви! Мой друг, мой юный друг! *[1]

64—66 К тому ж что видим мы в театрах? Тесный круг
Разумных критиков — а прочие зеваки,*[1]
Глупцы, насмешники, невежды, забияки!*[1]

68 Завоет на стихах и в бешенстве жеманном *[1]

71 Охриплым голосом провозглася «увы!»,

75 Комедия тебя неужто веселит? *[1]

76 *а.* Что в ней не учится? Лукавствовать, смеяться
б. Как в тексте *

78—80 Несчастьем ближнего? Там старичок смешит,*
Что поздо полюбил! — Но кто повелевает *
Влечению страстей! Там мужа наряжает

82 И муж бодается — насмешка не одна *

85 И тут сборище слепцов немилосердых,[1]

86 *а.* Не скроюсь я от них — они найдут меня
б. Куда бежать от них,— они найдут меня

87—88 В пустынях, и лесах, и пропастях подземных!
Уж вот они, шумят! уж в ложе! Боже мой! *

90 Они теснят меня, толкают с извиненьем,

91 *а.* И я прижат к углу... лукавые слова
б. И я у притолки... лукавые слова

93 Молчу — что делать мне? [Сердечные] права

95 *а.* Но близится конец, и мы идем с толпой
б. Но пала занавесь, и мы идем с толпой

97—98 И тут я затеснен толпою безрассудных,
Несносных волокит! Они спешат, летят,

---

[1] *Текст белового автографа Т-63, по которому производилась правка.*

103—105 Нет, именем любви тебя прошу, *[1]
Забыть навек театр, любви моей опасный! *[1]
Не всё, не всё еще.— Танцуешь ты прекрасно,*[1]

107 *а.* Как! Будешь ты на бал нарочно наряжаться,[1]
б. Как! Будешь ты на бал зараней наряжаться,*

После 109 Так, стало, для других и локоны волнисты *[1]
Завьются? для других и яхонты огнисты,*[1]
Алмазы яркие зажгутся в волосах,*[1]
а. Всё это для других? — и в злате, и в лучах, [1]
б. Всё это для других? — и в золоте, в лучах,*

110 Толпою шумною влюбленных окружаясь,[1]

113—117 Кто более всех любит — и кого *[1]
Ты не нарядами, не блеском привлекаешь,*
Но скромностью обворожаешь.
Но танцы начались... на вальс тебя просить
Подходит юноша — он с видом боязливым,*

119 Искал [кто всех милей] — и взор остановить

122—124 Рукою окружа твой гибкий, стройный стан,[1]
И ты летишь между толпы смущенной,
Как розовый листок, зефиром увлеченный...

125 *а.* А я? — сижу в углу — кляну себя! в обман [1]
б. А я? — что делаю? сижу в углу! в обман

128 В отчаянье, взбешен!.. Но вальса вихрь утих,*

129—130 *а.* Ко мне, чтоб отдохнуть,— едва ты переводишь [1]
Дыханье — и еще находишь [1]
б. Вместо 129—136
И ты спешишь ко мне, чтоб перевесть дыханье...*
Я ожил — я забыл и горе, и [терзанье] страданье,*
Но ах! надолго ли? рой франтов молодых *
В погоне за тобой — и ты с одним из них,*
Прекраснейшим, любезнейшим... нет, полно! *
Нет, *балы позабудь!* утешь меня — довольно *
Измучен уже я одной мечтой моей! —*
Для холодных, бесчувственных людей
Я странен, может быть? Что ж делать, друг мой милый! *
Но быть могу ль тебе несносен оттого? [1]

141 Что дом в безлюдную тюрьму,

142 *а.* В пустынный монастырь столицу обращаю...[1]
б. Что в монастырь глухой столицу обращаю...

143 О нет! Я сам хочу, чтоб всюду за тобой *

---

[1] *Текст белового автографа Т-63, по которому производилась правка.*

150 Не так мне нравится, как сельский домик — тесный,*

165 *а.* И даже огород принудит нас заняться [1]
б. И даже огород приманит нас порою

166 *а.* Своей роскошной простотою.
б. Своей роскошной и изящной простотою.
в. Своей роскошною и скромной простотою.*

169 *а.* Но ограничим в них сердечны наслажденья:[1]
б. Но средоточим в нем живые наслажденья:

170 *а.* [Поверь мне] [счастье] [и покой]
б. Не нам [гоняться за толпой]

171—172 Ей честолюбие,— нам счастье и покой!
Друзья, товарищи трудов моих смиренных *

184 Найдем прекрасный вид — мы, восхищаясь им,

185 *а.* Мы остановимся и взор свой усладим,[1]
б. Приостановимся и взоры усладим —*

188 *а.* И лес в туманной мгле — мы тихою стопой [1]
б. И сумрак стелется — мы тихою стопой *

192 *а.* Там бедность в наготе и скорбь, и глад найдешь! [1]
б. Там бедность в наготе и голод обретешь!

193—195 Смотри, мать бледная с детьми к тебе теснится;*[1]
Ты всем несчастным друг, ты помощь им даешь,*
И жаркая слеза из глаз твоих катится! *

200—201 И чтобы более меня обворожить,
[Ты заставляешь всех себя боготворить] [1].

204—206 *Ратификацию* трактату моему
Я с нетерпеньем жду. Коль другу своему
Ты веришь — подпиши статьи первоначальны.

210 И тайные статьи явятся *напоказ.*

Автограф Т-69 *К заглавию примечание:* Стихотворение это, напечатанное 1808 года в «Вестнике Европы», принято было за элегию, тогда как оно, под личиною элегии, есть чистая сатира на старых холостяков, заключающих брачные союзы с молодыми и светскими девушками. Впрочем, сему ложному понятию виною был я сам, не выразив, как видно, мысли моей с достаточною ясностию. Вот почему решаюсь вторично выдать в свет стихотворение это, по уменью моему, сколько возможно исправленным.

2 Давно признания удобный миг ловлю,

---

[1] *Текст белового автографа Т-63, по которому производилась правка.*

7 *а. Как в тексте*
б. Бегу тебя... но ах!.. полна

30 *а.* Как выразить восторг мне сердца моего?
б. О, выражу ль восторг я сердца моего?

40 *а.* Кудрявых волокит, с лорнетами, с тростями
б. Как в тексте

50 Но враг любезникам. Могу ль переносить

83 *а. Как в тексте*
б. Волнению страстей? Там мужа наряжает

130 *а.* Был должен на тебе. И кто не восхитится,
б. Как в тексте

148 *Стих пропущен*

213 На пир являешься посланницей небес.

11

Подзаголовка: Басня *нет*

1
ВЕ. 1811 Дочь милая весны младой,

6—12 Он день и ночь при Розе жил,
Друзей кочующих оставил,
Одну лишь Розу в песнях славил
И ждал награды для себя.
Качаясь на зеленой ветке,
Однажды миленькой соседке
Пропел он: «Я люблю тебя!» —

15 Когда ж лишуся красоты,

21 Амур невдалеке летал

26 Листки у Розы побледнели,

34 Он наградил сию чету:

38—39 Его ты знаешь, друг бесценный!
Я верный Чиж, тобой плененный...

27
Изд. 1832 Зефиры, мотыльки взлетели —

12. К г. ПАВЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ СТРОГАНОВУ

4—6 С блестящей саблею летал во вражий стан
Копия И мощно ударял татарскою рукою!
П. А. Вяземского (ЦГАЛИ) Кто мог противустать могущему герою?

14—16 Явиться в авангард как франтик на гулянье,
Завязывать жабо, затягивать штаны
И Мирлифлором быть средь ужасов войны.

15. К ПОРТРЕТУ

1 Рассуждает он хоть тупо,
Собр. р. стих., 1811

18. ПАРТИЗАН ДАВЫДОВ

3—4 Между коней позабываю,
Автограф В грязи, на выюге дождевой;
ЦГАЛИ

6 И петь луну, ручьи, кусты весенних роз?

19

9 Когда, забыв покой и негу,
Изд. 1832

22. ИВАНОВОЙ *(альбом Батюшковой)*; ЭЛЕГИЯ I-ая. ВОСТОРГ *(ГПБ-1, ГПБ-2)*

7 Как черные она ресницы подымает,
Автографы в альбоме С. Н. Батюшковой (ГПБ) и в бумагах А. А. Майкова (ГПБ)

12 Иль непреклонною над чувствами смеется

18 Ах! пусть бог Фракии меня стыдом стращает

19 И, лавр колеблевши, манит опять к боям,[1]

24 На розовых ее устах,

25 Познает огнь души в потупленных очах[1]

После 26 Чего ему тогда останется желать?
Чего искать ему? — он всё уже имеет!
Он выше всех царей достоин восседать!
Он бог, пред коим мир, склонясь, благоговеет!

1 *Р. инв., 1822* Примите меч! — Я не достоин брани!

18—19 Ах! пусть бог Фракии стыдом мне угрожает
И, потрясая лавр, манит опять к боям!

24 На розовых ее устах;

23. ЭЛЕГИЯ *(Амфион, РА)*; ЭЛЕГИЯ II-я. ЗАТОЧЕНИЕ *(ГПБ-1, ГПБ-2)*

1 *Амфион, 1815* Пусть бога-мстителя могущая рука

2 На темя острых скал, под вечными снегами

Вместо 5—6 Закрепы звучные,— и тяжкими вратами,
За хладными стенами
Красавиц заточил, в презрении к богам!

14 Мне с думой скорбною, душой осиротелой

17—20 И свищет резкий ветр в власы оледенелы!
Ах, может быть, к окну влекомая судьбой
Или предчувствием каким неизъяснимым,
Ты крадешься к нему, когда мучитель твой,

24 Твой гнев ужасный и правдивый

31 Тот в буйной дерзости своей

37 Твой пестун бог любви! стезею потаенной

46 О! можешь ли платить обидным подозреньем

48 От бдительных моих и ненасытных глаз

---

[1] *Вариант только альбома Батюшковой.*

2 На теме острых скал, над вечными снегами
РА, 1874

Вместо 5—6 Закрепы звучные,— и тяжкими вратами,
За хладными стенами
Красавиц заточил, в презрении к богам!

Вместо 14—17 Мне с думой горестной, с душой осиротелой
Бродить вокруг обители твоей,
Угадывать окно, где ты томишься в ней,
Меж тем как снежный вихрь крутит среди полей
И свищет резкий ветр в власах оледенелых!

18—20 *Как в Амфионе*

27 И над строптивого преступною главой

29 Тот, кто осмелится бесчувственно касаться

43—46 Как мягкою стопой чуть до пола касаться
И ощупью идти по лестнице крутой;
Дерзай! Я жду тебя, кипящий нетерпеньем.
Тебе ль, тебе ль платить обидным подозреньем

48 От бдительных моих и ненасытных глаз

24. ЕЙ *(автограф ЦГАЛИ)*; ЭЛЕГИЯ IV. ОПРАВДАНИЕ *(ГПБ-1)*; ЭЛЕГИЯ *(ПЗ на 1823)*; ЭЛЕГИЯ II *(Изд. 1832)*

Черновые наброски Т-31 О милый друг! пусть здешний шумный свет
Дивится пламени восторгов воспаленным...

О милый друг! [пускай беспутный свет]
За [страстные] пламенные стихи меня осуждает
И мнит, что я в них пел российску Терпсихору.
Кто знает читать в сердце, тот увидит,
Что пламень сих стихов тебе принадлежит.

Возможно, к тому же замыслу относится набросок в Т-31:

Ты мнишь, о друг бесценный,
Что страстью воспаленный <...>

(опубликован в Изд. 1933, с. 145 с неточностями).

3 Тех песней сладостных, в которых, восхищенный,
Автограф ЦГАЛИ

12—13 Чьи черные ресницы
Звук пламенной цевницы

17	Мне ль нового желать [1]
24	Палящие перуны
27	И, лавром осенен,
14 *ПЗ на 1823*	Векам передавал.

25. ВОЕННАЯ ПЕСНЯ *(СО, 1820)*

8, 12 *Автограф* *Т-31*	Моя матушка Россия!
13—14, 17—18	Целый век хочу прожить На биваке с молодцами!
15	Днем — наездничать с врагами,
19, 23	Ох! ужасно [погибать] смерть встречать
27	Смерти в руки попадаешь
5—6 *Копия ГПБ-2*	Я рожден для службы царской, Я люблю кровавый бой.
8, 12	Мать моя! о мать Россия!
10	К нам пожалуют опять!
9 *СО, 1820*	Пусть французы удалые

26. ДРУГУ, НА МОИ ИМЕНИНЫ *(Т-31)*; ДРУГУ *(ГПБ)*; ДРУГУ-ПОВЕСЕ *(Изд. 1832)*

Вместо 7—8 *Автограф* *Т-31*	Забав, веселий рой
12	Вралей докучный дом
14	*а.* Скамейку со столом, *б.* Диван с большим столом,
15	*а.* Без роскоши убранный *б.* С роскошностью убранный *в.* Роскошно увенчанный *г.* Роскошно отягченным

---

[1] *Исправлено Вяземским на* искать.

16—17	И яством и вином И грозно осененным
19	К нам созван круг забавный
22	Любимцы острых слов,
После 24	[На пир мне привели Красот собранье шумно, Что так благоразумно Рубль вздохам предпочли. И в дни [еще ненастья] Любовных . . . . . . Рукою сладострастья [Отерли] [С пылающих ланит]
25—26	*а.* Прошу не позабыть И банк, и понтировку, *б.* Прошу тебя забыть Ту дерзкую уловку, *в. Как в тексте*
27	И банк, и понтировку,
29—30	[На пир мой] пригласить [Красавицу твою]
Вместо 32—33	Ты вечно обещался.
22 *Автограф* *ГПБ*	Любимцы острых слов,
41	Я место уступаю
44	Прелестного сажаю
50	И пена побежит
54—55	Так вечер пролетит Средь радостей небесных,

27

После 4 Давно я не болтал ни с музой, ни с тобою
Авто-
граф
Т-31

До стоп ли было мне
В чекмене с саблей партизана

6 *а.* Но и в грозах войны, обнявшись с ратным станом,
б. Да, и средь куреней, вседневно перед станом,
Когда погас Российский стан

29

2 *Автограф* *Т-31*	В тебе я позабыл все горести мои!

30. ЭЛЕГИЯ V *(ГПБ-1)*

После 4 *Копия ГПБ-1*	И в безумстве упоенный Чадом славы бранных дел, Посреди грозы военной Счастие найти хотел!..
9	Ах, пускай герой стремится
11	Пусть чрез кровавый бой
19	Первый долг мой, долг священный —
22	Саблей острою блеснет, [1]
27	Тебя в память приведу,
После 4 *Р. инв.,* *1822*	И в безумстве упоенный Чадом славы бранных дел, Посреди грозы военной Счастие найти хотел!..
9	Ах, пускай герой стремится
11	Пусть он чрез кровавый бой
19	Первый долг мой, долг священный —
22	Саблей острой вновь блеснет,
27	Друга в память приведу,
Вместо *5—16* *Эвтерпа,* *1831*	И в безумстве упоенный Чадом славы бранных дел, Посреди грозы военной Счастие найти хотел. Я искал его напрасно Среди роскоши пустой; Заблуждаясь повсечасно, Занимался суетой. И, на рок ожесточенный, Счастья нет! подумал я... Друг мой милый, друг бесценный, Я тогда не знал тебя!

---

[1] *Правка неизвестной рукой.*

Пусть теперь другой летает
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
В храм бессмертья достигает.
О мой милый друг! с тобой
Променяю славу вечну
На круг ясных дней беспечных,
Посвященных лишь любви
От невинности сердечной
И спокойствия души.

25 Уязвленный, не престану

27 Тебя в память приведу,

9 Ах, пускай герой стремится
Автограф
Т-63

11 Пусть через кровавый бой

18 *а. Как в тексте*
б. Вновь дерзнет на Русь восстать,

19 Первый долг мой, долг священный —

27 В память Лизу приведу,

32. ЭЛЕГИЯ *(Тр. МОЛРС, 1816)*; ЭЛЕГИЯ VII *(исправлено Жуковским из* «VIII»*)*; УТРО *(ГПБ-1)*; УТРО. ЭЛЕГИЯ *(Сев. звезда, 1829)*

1 Всё тихо! и заря багряною стопой
Тр. МОЛРС

6 Волшебные часы! весь мир в отдохновенье!

10—12 Но боги! неужли вы мира тишиной
И чувств души моей порывы усмирили?
Иль также и во мне господствует покой?

18 О ты, что я в тоске на помощь призывал,

29 Но ах! почто слезой ланита окропилась!

32 И вас не от любви,

1—2 Всё тихо! и заря багряною стопой
По синеву небес безмолвно побежала,
Копия
ГПБ-1

5 По пестрому лугу и ниве молодой!

10—12 Но боги! неужель вы мира тишиной
И чувств души моей порывы усмирили?
Ужели и во мне господствует покой?..

18 О ты, что я в тоске на помощь призывал,

25 На шумные валы бездонныя пучины!

29 Но ах! почто слезой ланита окропилась!

1 Всё тихо! и заря багряною стопой
Сев. звезда, 1829

10—12 Но боги! неужель вы мира тишиной
И чувств души моей порывы усмирили?
Ужели и во мне господствует покой!

18 О ты, что я в тоске на помощь призывал,

25 На шумные валы бездонныя пучины!..

29 Но ах! почто слезой ланита окропилась!

32—33 И вас не от любви,
Но от блаженства проливаю!..

1 *а.* Всё тихо — и заря багряною стопой
Автограф *б.* Всё тихо — и заря багряною струей
Т-63 *в. Как в тексте*

10 *а.* Но боги! неужли вы мира тишиной
б. Как в тексте

11 *а.* И чувств души моей порывы усмирили;
б. Как в тексте

18 *а.* О ты, что я в тоске на помощь призывал,
б. Как в тексте

23 *а.* Достигнул берега, и с мрачныя вершины
б. Как в тексте

29 *а.* Но ах! почто слезой ланита окропилась!
б. Как в тексте

30—32 *а. Как в тексте*
б. Горячая слеза, теки,
Я радости мои от сих минут считаю
И плачу [уж теперь не от любви][1]

---

[1] *Неоконченная правка.*

33. ЭЛЕГИЯ *(Тр. МОЛРС, 1816);* ЭЛЕГИЯ VI *(исправлено Жуковским из* «VII»); УГРОЗЫ *(ГПБ-1);* УГРОЗЫ. ЭЛЕГИЯ *(Сев. звезда, 1829);* ЭЛЕГИЯ III *(Изд. 1832)*

6 Тр. МОЛРС, 1816 И спутник молодой твоих весенних дней

8—10 О нет! есть суд небес и праведные боги!
Протекши радости, делимые со мной,
И услаждения оспоренных желаний,

13 Не в виде том, как в дни мои счастливы:

19 Как строгий судия, каратель преступленья,

21 И средь рассеяний блистательного круга,

23 В уединении, в объятии супруга,

28—29 Тот благости твоей коварной не забудет.
Его богам молитва здесь одна:

6—7 Копия ГПБ-1, Сев. звезда, 1829 И спутник молодой твоих весенних дней
Изгладили б меня из памяти твоей!..

9—10 Протекши радости, делимые со мной,
И услаждение оспоренных желаний,

21 И среди общества блистательного круга,

23 В уединении, в объятии [1] супруга,

28—29 Тот благости твои век, век не позабудет!
Его богам молитва здесь одна: [2]

21 Изд. 1832 И среди общества блистательного круга,

28 Тот благости твои век, век не позабудет!

34. ЭЛЕГИЯ VI

15 Копия ГПБ-1 Неужли любивши должно

[1] *В Сев. звезде:* в объятиях
[2] *В Сев. звезде:* Его молитва здесь одна *(возможно, редакционное или цензурное изменение).*

35. **РАЗЛУКА** *(автограф ЦГАЛИ, ф. 195);* **РЕШИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР** *(автограф ЦГАЛИ, ф. 1061; Изд. 1832)*

2 Сегодня вечером решуся всё сказать,
Автограф ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5311

4 Или... <.....> <....>!

5 А завтре с горести, как *зюзя*, натянуся,

11 Я русский человек — опять напьюсь свиньею,

1—8 *Автограф ЦГАЛИ, ф. 1061, оп. 1, № 1*

Завтра вечером увижусь я с тобою,
Завтра предо мной в глазах не лицемерь,
Иль руку съедини свою — с моей рукою,
Иль ею укажи мне дверь.

Тогда я с горести, как зюзя, натянуся,
На тройке ухарской стрелою покачу,
Проспавшись до Твери, в Торжке опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прикачу.

11 Я русский человек — напьюсь свинья-свиньею

1—5 *Изд. 1832*

Сегодня вечерком увижусь я с тобою,
Сегодня пред отцом в словах не лицемерь:
Иль руку съедини мою с своей рукою,
Иль ею покажи мне дверь!
Тогда я с горести, как зюзя, натянуся,

11 Я, по пословице, напьюсь свинья-свиньею

36. **ЭЛЕГИЯ** *(Тр. МОЛРС, 1817, ПЗ на 1823);* **ЭЛЕГИЯ VIII** *(переделано Жуковским из «IX»);* **НЕВЕРНОЙ** *(ГПБ-1);* **ЭЛЕГИЯ IV** *(Изд. 1832);* **ЭЛЕГИЯ VI** *(Т-63)*

4 И счастья своего виновницу младую:
Тр. МОЛРС

7 *Нет*

8 Он блекнет средь цветущих дней.

10 Как я любил в те красные лета,

12 Всегда одна мечта,

15 О Лора! сколько раз — на Марсовых полях,

16 Среди кровавых битв я, презирая страх,

38 Стихи, которыми я Лору прославлял!..

44 А я!.. мне жребий пасть в боях,

46 И — может быть — врагом влеченну на полях,

49 Вдали от родины, изгнанником невинным.

50 Никто холодный труп не омочит слезой;

4 *ГПБ-1* *Зачеркнуто* И счастья своего виновницу младую; *сверху рукой Жуковского (?)* И жизни счастливой подругу дорогую!

15 О Лора! сколько раз на Марсовых полях,

38 Стихи, которыми я Лору прославлял!

48 Так — я паду в земле чужой

50 Никто холодный труп не окропит слезой,

4 *ПЗ на 1823, Изд. 1832* И жизни счастливой подругу дорогую...

37. ОТСТАВКА *(СО, 1820)*; НЕВЕРНОЙ *(Изд. 1832)*

5 *СО, 1820* Я не бывал рабом в любви,[1]

10—12 Перед преемником в ответе,
Я ваши клятвы: *век любить* —
К нему послал по эстафете.

19—20 Вновь славу и любовь пою.
Что чахнуть от любви унылой?..

---

[1] *Возможно, цензурное изменение.*

38. СТАРЫЕ ГУСАРЫ (ПЕСНЯ)
(Соревнователь, 1819)

10 Соревнователь, 1819	Дуломаны по колена,
12	И диваны — кипа сена.
16	И в усах перебегает.
19	Пьют, и, в прах склонясь челом,
33	Говорят, умней они
34	А что слышишь от любова?
37—40	*Нет*
12—13 Благ., 1819	А диваны — кипа сена. Трубки длинные в зубах;
16	И в усах перебегает.
19	Пьют, и, в прах склонясь челом,
37—40	*Нет*
19 Автограф Т-69	Пьют, и, в прах склонясь челом,
21	Но едва проснется день,
34	Но что слышишь от любова?

39. ЛОГИКА ПЬЯНОГО (СКАЗКА)
(Благ., 1819)

5 Благ. 1819	Однако кто-то из толпы
7	И говорит: «Дружок, чтоб впредь не спотыкаться,
5 Изд. 1832	Однако кто-то из толпы

40. РОМАНС (ПОДРАЖАНИЕ ПАРНИ) *(Сев. звезда, 1829)*; ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ ПАРНИ *(Изд. 1832)*

1—2 Сижу на береге потока.[1]
Сев. звезда; 1829 Бор дремлет в сумраке; все спит кругом... а я

12 Вздохнешь ли ты о мне? о друг, неверный друг!

41

8 Искал один лишь бой кровавый
Копия ГПБ-2

8 С успехом саблю обнажает;

10 Огнем любви воспламеняет,

Вместо 12—20
Он с звуками трубы военной
Мешает звук любовных слов;
И, покровитель неизменный,
Вселил в нас к славе страсть и пламенну любовь;
Но сердце не всегда желает
Лишь ужас, стон, кровавый бой!
Ах, часто и гусар вздыхает,
И ус неустрашимый свой
Слезой разлуки обливает!
Но, слезы осушив,— стрелой
На ухарском коне к победам поспешает.

1—4 *Нет*
Автограф в альбоме Шимановской (ЦГАЛИ, фотокопия) и в МТ, 1827

5 Амур не всё же пастушком

Вместо 17—19
Лишь ужас, стон, кровавый бой;
Ах, часто и гусар бывает
С любовной пламенной душой...
В гусарском кивере весной

---

[1] *В дальнейшем везде форма* на береге; *то же в Изд. 1832 и автографе Т-63.*

3 Искал один лишь бой кровавый
Изд. 1832

17 Лишь ужас, стон, кровавый бой;

43. ЭЛЕГИЯ V *(Изд. 1832)*

44

8 Мой столь тоскующий, мой беспокойный дух!
Автограф Т-63

13 *По отточию начато* А что ...... любим...

46. [ЦВЕТОК] ЛИСТОК

Автограф Т-63

[Цветок] Листок, от стебля отлученный
И ветром яростным влеченный,
Куда несешься средь степей?
Как знать мне! Вихря грозна сила
Могучий дуб переломила —
Защиту слабости моей;
С тех пор — игралище Эола —
Кружусь печально среди дола,
Несусь с горы на бурный ток;
Несусь — куда несет суровый
Всему неизбежимый рок;
Куда летит и лист лавровый,
Летит и розовый листок.

9 *а.* Ношусь, пустынник кочевой,
Автограф Т-69 (1) *б. Как в тексте*

10 *а.* Оврагом, лесом и горой;
б. Оврагом, полем и горой...
в. Как в тексте

14 Летит и розовый листок.

3 *Автограф Т-69 (2)* — *а. Как в тексте*
б. Куда, куда, голубчик мой?

47. НАДПИСЬ К СОЧИНЕНИЯМ Г ** *(Изд. 1832)*

4 *СО, 1820, Изд. 1832* — Но сколь рок его суров!

5 — Все растения лобзает,

49

2 *Автограф Т-63* — Он весь был в немощи, теперь попал он в мощи.

51

Подзаголовок: Отрывок из стихов: «Партизан»

1 *Автограф ИРЛИ* — Умолкла брань, ночная тень

16 — Отважно рыскать продолжают.

Вместо 33—40

Но расскажите, отчего
Чело вождя покрылось думой,
И вздох колеблет грудь его,
И мрачен взор, и мысль угрюма.
Неужели родимый край,
Неужто небеса родные
В нем воскресили невзначай
Минувшей жизни сны младые?
. . . .
Он видит град очарованья,
Где он любил, не быв любим,
Где он страдал без состраданья.
Где столько раз он испытал
Неверность клятв и обещаний
И где никто не понимал
Его души глухих рыданий.
. . . .
. . . .

Подзаголовка: Отрывок — *нет*

1 Умолкла брань, ночная тень
МВ, 1827

2 Москвы окрестность осеняет,

10 Воспрянувший с равнины битвы

17 Начальник — с буркой на плечах,

Вместо 33—40 Но расскажите, отчего
Чело вождя покрыла дума,
И вздох колеблет грудь его,
И мрачен взор, и речь угрюма?
Неужели родимый край,
Неужто небеса родные
В нем воскресили невзначай
Минувшей жизни сны младые?
О, юности моей гостеприимный кров!
О, колыбель надежд и грез честолюбивых!
О кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!
Иными чувствами, увы! наш вождь томим!
Призывные его ласкают вспоминанья!
Он видит град очарованья,
Где он любил, не быв любим,
Где он страдал без состраданья,
Где столько раз он испытал
Неверность клятв и обещаний...
И где никто не понимал
Его души глухих рыданий!

52. ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ, ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ АРМИИ *(Т-63)*

53

17 Я не внимаю звону чаш
Автограф ГБЛ

29 На скачку ль, на борьбу? — готов.

36 Танцует с польками мазурки.
МВ, 1827

54 Ночною роскошью безоблачного края!..

58 На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,

54. ГЕНЕРАЛАМ, ТАНЦУЮЩИМ НА БАЛЕ ПРИ ОТЪЕЗДЕ МОЕМ НА ВОЙНУ 1826 ГОДА

Автограф Т-63 (ранняя редакция)

Мы все несем едино бремя,
Мы стада одного — но жребий нам иной:
Вы все оставлены на племя,
Я послан прямо на убой.

Автограф Т-63 (поздняя редакция)

Мы несем едино бремя,
Но жребий наш иной:
Вы назначены на племя,
Я [назначен] на убой.

56

2—3 ЛГ, 1830[1]

Позволь хлебопашцу-гусару
Пожать тебе руку родною рукой

5—6

О, сколько ты славы готовил России,
Дитя своенравной и грозной стихии!

10—13

Сорвал на разящих твердынях;
Последний призывно вдали колыхая,
Тебя к нему манит пучина морская.
Мужайся! — Казарский, другой Леонид,

17—18

Когда ж утомишься от грозного боя,
Пусть снова нам грянет цевница героя!

---

[1] *В письме к П. А. Вяземскому от 29 января 1830 г. Давыдов предложил ряд вариантов строк, позднее подвергшихся новой правке. Он писал здесь:* «В стихах к Зайцевскому я нахожу нужным переменить несколько стихов, например: вместо 6-го стиха первой строфы сказать: «Дитя удалое свободной стихии!» Это идет к нему: он удал и летами, и отвагою. Вместо 5-го и 6-го стихов третьей строфы лучше сказать: «И гимны победы с ладей окрыленных Да искрами брызнут от струн вдохновенных!» А то: «Когда ж утомишься от грозного боя, Пусть снова нам грянет цевница героя» — слишком проза и нет *огня* — в том есть *искры* по крайней мере. Потом в конце последней строфы надо непременно сказать так: «Давно ль! Но покоем судьба меня губит, И лира немеет, и сабля не рубит» *(Письма к Вяз., с. 25).*

23 Давно ль?.. Но забвенье судьбу мою губит,

2 Позволь хлебопашцу-гусару
Изд. 1832

12 Тебя призывает пучина морская.

57. ЭЛЕГИЯ. БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Автограф ЦГАЛИ ф. 195, оп. 1, № 5311 (ранняя редакция)

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
О, возвратите мне ваш день, день вечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Увы! мой выпал меч из рук — мою судьбу
Попрали сильные! Счастливцы горделивы
Влекут оратаем меня на луг и нивы...
Стыжусь! — О, рынь меня, рынь на бессмертный бой,
Вождь гомерический, Аякс, Ахилл душой,
Ты, возбуждающий в полках восторг и клики,
Одеян гибелью, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов, я лечу в пыл битвы за тобой,
Ты, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой, покрой меня твоих перунов дымом!
Но где вы?.. внемлю вам... нет отзыва! — с полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец их, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга!

Подзаголовок: Элегия

2—11
Копия из писем П. Н. Ермолову (ЦГАДА)

О! кто мне возвратит ваш день — день вечной славы,
Пыл, дым, громады войск, и сечи, и борьбу!
Увы! мой выпал меч из рук — мою судьбу
Попрали сильные, счастливцы горделивы
Влекут оратаем меня на мирны нивы.
Влекут! — О, рынь меня, о, рынь в бессмертный бой,
Вождь гомерический, Аякс, Ахилл душой,
Ты, возбуждающий в полках восторг и клики,
Одеян гибелью, Багратион великий!
Простри десницу мне, Раевский, мой герой,

15 Но где вы? внемлю вам — нет отзыва с полей,

Первая автокопия текста элегии, посланная Жуковскому (ЦГАЛИ)

Заглавие: Элегия «Бородинское поле», исправленная Баратынским. Стихи подчеркнутые его фабрики, а не подчеркнутые мои.

2 Отдайте мне ваш день — день вековечной славы.

4 Мой меч из рук моих упал — мою судьбу

6—10 Невольным [1] пахарем влекут меня на нивы.
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках [2]
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!

13 Определенный быть побед любимым сыном,

15 Но где вы?.. слушаю... нет отзыва! с полей

17 И я, питомец их, склонясь главой у плуга,

Вторая автокопия текста элегии, посланная Жуковскому (ЦГАЛИ) *Вместо заглавия и подзаголовка:*
Стихи моей фабрики.
Как они были прежде, с некоторыми изменениями, мною сделанными, с замечаниями Вяземского, со вставками Боратынского, словом, как бы *мне* хотелось, чтоб они остались,— разве ты что переменишь — тогда заранее на все соглашаюсь.

2 О, возвратите мне ваш день, день вечной славы,

3 Пыл, дым, громады войск, и сечи, и борьбу [3].

5 *а.* Попрали сильные. Счастливцы горделивы [4]
б. Попрали в прах — и я, сын брани горделивый

6 *а.* Изгнали пахарем меня на мирны нивы
или
Невольным пахарем влекут меня на нивы [5]
б. Смиренным пахарем сослал себя на нивы.
в. Невольным пахарем сослал себя на нивы [6].

Подзаголовок: Элегия

2 О, возвратите мне ваш день, день вечной славы,
ЛГ, 1830

---

[1] *Исправлено Давыдовым:* Смиренным

[2] *Исправлено Давыдовым:* Ты, взором, голосом рождающий в полках

[3] *На полях примечание Давыдова:* Не живописнее ли так, чем *и шум оружия и сечи и борьбу?*

[4] *Внизу листа под общим заголовком* «Замечания Вяземского» *примечание к слову* сильные: Хорошо для рукописного, а для печатного не годится, а то и стих попрут *сильные цензоры.*

[5] *Замечание Вяземского к слову* влекут, *выписанное Давыдовым:* Влекут никак нельзя; влечет только тот, кто сам впереди и тащит за собою. Кто *толкает,* тот *не влечет* и вовсе не*привлекателен.*

[6] *Далее к стихам 7—10 на полях примечание Давыдова:* Мне кажутся эти стихи немного вялыми, но что делать!

3 Пыль[1], дым, громады войск, и сечу, и борьбу!

5—8 Попрали наконец счастливцы горделивы

И пахарем меня влекут на мирны нивы.
О, ринь меня в огонь, ты, опытный в боях,
Ты, взором, голосом рождающий в полках

13 Определенный быть побед любимым сыном,

14 Покрой меня, покрой своих перунов дымом.

16—17 Умчался брани дым, утихнул стук мечей;
И я, питомец их, склонясь главой у плуга,

Подзаголовок: Элегия

2—3 *Автограф в письмах к П. Н. Ермолову (ЦГАДА)* О, возвратите мне ваш день, день вечной славы,
Пыл, дым, громады войск, и сечи, и борьбу!

6 Невольным пахарем влекут меня на нивы...[2]

8 Ты, взором, голосом рождающий в полках

13 Ты, обреченный быть побед любимым сыном,

16 Умчался брани дым, утихнул стук мечей,

Изд. 1832 *Подзаголовок:* Элегия

58

3 *Изд. 1832* Но не сорвать венка вам с славного чела,

60

2 *ЛГ, 1830* Где, жертва грозного веленья,

7 Я осенил венком лавровым

26 Мелькнула на челе прекрасной;

---

[1] *По-видимому, опечатка (вместо* «пыл»*).*

[2] *К этому стиху примечание Давыдова:* Вяземский сделал замечание, что нельзя сказать *влекут,* ибо тот, кто влечет, необходимо должен идти впереди,— а лучше сказать (говорит он) *изгнали;* кто толкает, тот не влечет и вовсе непривлекателен. Я невольно вспомнил двух Ф...... .

Изд. 1832 *Эпиграф: Она еще менее* хороша для глаз, все обнимающих во мгновение и на мгновение,— как для души, которая чем более ищет, тем более находит. *Жуковский.*

61. N. N. *(ЛГ, 1830; Изд. 1832)*

1—2 ЛГ, 1830
Вы хороши — ваш локон золотой
Роскошно падает на юные ланиты;

После 10 С притворной ревности приправой,

13 Я их у вас ищу давно, не обретая;

15 Вся ваша жизнь — как стрелка часовая,

16 Как алгебрический *итог,—*

64. *Заглавия нет*

7 Автограф ИРЛИ Или в бордели окаянном

9—13 *Нет*

65

9 Изд. 1832 Бегу век сборища, где жизнь в одних ногах,

67—69

1

Автограф ИРЛИ (письмо Языковым)

Когда я повстречал красавицу мою,
Ту, чье, восторженный, теперь здоровье пью,
Чьей наслаждаюсь вновь красой и стройным станом,
Я обомлел! Как случаем нежданным
Гуляющий на воле сорванец —
Встречается солдат-беглец
С своим безбожным капитаном.

а. О НЕЙ; *б.* ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

2 Автограф Т-63

а. Ту, чье, восторженный, теперь здоровье пью,
б. Которую любил, которую люблю,
в. Ту, что я так любил, ту, что я так люблю,

3 *а.* Чьей упиваюсь вновь красой и стройным станом,
б. Которую забыть я льстил себя обманом...
в. Чьей власти избежать я льстил себя обманом,

4 *а.* Я обомлел! Как случаем нежданным
б. Я обомлел! Так случаем нежданным

5 *а.* Гуляющий на воле сорванец,
б. Гуляющий на воле удалец,

7 *а.* С своим суровым капитаном.
б. С своим безбожным капитаном.

5 *Совр., 1836* Гуляющий на воле удалец,

2

N. N. ПРИ ВХОДЕ ЕЕ НА БАЛ *(письмо к Максимовичу);*
[N. N.] *(Т-63)*

1 *Автограф в письме к Максимовичу (ЦГАЛИ)* Вошла, как богиня, важна, горделива,

1—2 *Автограф Т-63*
а. Вошла, как богиня, важна [величава], горделива,
б. Вошла, как Психея, легка и игрива,
в. Вошла, как Психея, скромна, говорлива,
г. *Как в тексте*
Как юная пери, легка и игрива,

3

ЕЙ *(автограф Т-63)*

Автограф ЦГАДА
В ней, в ней одной Природа не искусство,
Ум обольстительный с сердечной простотой,
Веселость милая с мечтательной душой,
И в каждом слове — мысль, и в каждом взоре — чувство!

70

12 *Автограф в письме к Языкову (ИРЛИ)* Моя пери, моя харита,

14—15 Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,

Посвящение: Ев. Д. З.....вой

5 Но покорен красе невольно,
под строкой вариант: или красой

Автограф в письме к Вяземскому (ЦГАЛИ)

14—15 Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,

5 Но покорен красе невольно,

Сев. пчела, 1834

9 Так в буре вальса не сокрыта,

12 Моя пери, моя харита,

14—15 Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,

Посвящение: Ев. Д. З..... вой

5 Но покорен красой невольно,

БдЧ, 1834

14—15 Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,

6 *а.* Качает ласково поток
б. Как в тексте

Автограф Т-63

14 *а.* Моих восторгов, упоений,
б. Моих восторгов, удивлений,
в. Моих восторгов, наслаждений,

15 *а.* И поэтических мучений,
б. И поэтических мечтаний,
в. И поэтических волнений,
г. И поэтических безумий,

14 Моих восторгов, упоений,

Автограф ЦГАЛИ ф. 263, № 9

2 Владычица моей тоскующей мечты?
Автограф в письме к Языкову (ИРЛИ)

После 8 Я не хочу войны, я разлюбил войну;
Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Как свет для зрения, как воздух для дыханья.

9 Ах! чтоб без ропота, без ужаса терпеть

16—17 Но только мне твой шорох отзовется,
Я чувствую приливы жизни, вижу свет,

2 Владычица моей страдальческой мечты?
Автограф ИРЛИ ф. 93, оп. 3, № 408 и ИВ, 1883

После 8 Я не хочу войны, я разлюбил войну,
Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Как свет очам моим, как воздух для дыханья [1].

9 Ах! чтоб без ропота, без ужаса терпеть

11 Мне нужно на тебя глядеть, всегда глядеть,[2]

2 Владычица моей мучительной мечты!
Автограф Т-63

После 8 Я не хочу войны, я разлюбил войну,
а. Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
б. Она умчит меня в далекую страну.

а. Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
б. *Начато:* Тогда как ты
в. *Начато:* А ты нужна
г. А ты нужна для сердца трепетанья,
Как свет очам моим, как воздух для дыханья.

Затем стихи эти вычеркнуты.

---

[1] *В ИВ:* Как свет для зрения, как воздух для дыханья.
[2] *Вариант только автографа ИРЛИ.*

9 *а.* Ах, чтоб без ропота, без ужаса терпеть
б. Как в тексте

11 *а.* Мне нужно на тебя глядеть, всегда глядеть,
б. Как в тексте

72. РОМАНС

6 О коей память — мука жизни,
Автограф в письме к Языкову (ИРЛИ)

9 Молчи о ней — не воскресай [1]

73. [ЗВЕЗДОЧКА] И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА *(автограф Т-63);* И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА *(БдЧ)*

74. К РЕЧКЕ *(автографы: ИРЛИ; Т-69)*

3 Мой челн радушно колыхая,
Автограф в письме к Языковым (ИРЛИ)

54 Как серафима сновиденье,

75. ЗАПИСКА, ПОСЛАННАЯ НА БАЛ *(автографы Т-63, Т-69)*

11 *а. Как в тексте*
Автограф Т-69 *б.* Мечусь по ложу сна, измученный любовью,

76

4 *а.* В едином чувстве — жизнь мою!
Автограф Т-63
б. Как в тексте

[1] *Форма* не воскресай *во всех автографах.*

77. Я ВАС ЛЮБЛЮ

6 *Автограф Т-63* — *а.* Красивей всех, что стан ваш негой дышит,
б. Как в тексте

10 — *Зачеркнуто* ни Пензы; *вписаны варианты:* ни Вильны, ни Рима

14 — *а.* Иссохших завистью прелестниц отставных,
б. Как в тексте

78. [СЛОВА] НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

9 *Автограф Т-63* — Если [ж] жребий мой умереть тоской —

12 — *а.* О тебе, мой друг, моя милая!
б. Как в тексте

81. РОМАНС. НА ИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОС

2 *Автограф Т-63* — *а.* Зачем волшебство ласк и слов?
б. Как в тексте

3 — Зачем в очах твоих любовь,

4 — *а.* А в сердце холод и презренье?
б. А в сердце взрывы нетерпенья?
в. Как в тексте

82. 25 ОКТЯБРЯ <нрзб> *(Т-63)*

83

1—2 *Автограф ИРЛИ ф. 123, оп. 1, № 1055* — Я помню — далеко,
Далеко мой взор,

84

6 *Автограф Т-63* — *а.* И языка нескладный лепет,
б. Как в тексте

85

2
Совр., 1836 Он нахальствует упрямо,

Вместо 3—4 Он всё стадо забодал.

7 Зацепи его на крюк

1
Автограф Т-63 Меринос собака стал.

3 Он вчера народ прохожий

86

4—5
Автограф Т-63 Заставить [молодца] бестию *стыдиться* — мудрено...
Заставить *покраснеть* не трудно.

87. ВОПРОС И ОТВЕТ

А. 1
Автограф первоначальной редакции Т-63 Скажи мне... историю ты знаешь —

2 Число чудес

3 Семь — нет, брат, ты осьмой

4 *Как в тексте*

5 Который, гордо приподнятый,

6 Украшенный стоит табашною ноздрей.

Б. 1 *а.* О ты, проведший век в ученом кабинете,
б. *Как в тексте*

3 *а.* Семь — нет, осьмое ты, любезный мой герой,
б. *Как в тексте*

Перебеленный автограф Т-63 *Заглавия нет. Проставлен номер:* 1

3 Семь — нет, осьмое ты, педант [мой
дорогой] [несчастный мой] мой дорогой,

5—6 [Который гордо] Что так спесиво приподнятый,
Украшенный стоит табашною ноздрей.

Совр., 1836 *Заглавие:* Ученый разговор

88

Подзаголовок: Башилову

20 *Автограф Т-63* Без дверей, без стен кирпичных,

27 *а.* Он везде — но скучен — в нем
б. Как в тексте

Совр., 1836 *Подзаголовок:* Башилову

89

Автограф Т-69 *Подзаголовок:* [(Перевод с французского)]
Эпиграф: Я говорю истину и еще не высказал ее вполне.— Телескоп, № 15. 1836 года.
Горе тому, кто примет обольстительные призраки своего тщеславия, суемудрствование своего рассудка за высшее просветление и возмечтает, что оно освобождает его от общего закона. Оттуда же.

17 *К этому стиху авторское примечание:* Thiers и Rabaut de St. Etienne — историки Французской революции.

38 *а.* И весь мир в смятенье,
б. Как в тексте

40 *а.* Свету преставленье.
б. Как в тексте

47 Да во фронте выступал

71 *а.* И двух тощих баронесс,
б. Как в тексте

72 *а.* С горести иссохших,
б. С горя пересохших,
в. Как в тексте

74 *а.* Жадное новинкой:
б. Как в тексте

80 Халда записная;

81—84 А. И студентик-таракан
В кучерской прическе,
И в очках сверчок-горлан,
Друг Крылова Моськи,

Б. а. И комар, студент-нахал
б. Как в тексте

Ст. 82—84 как в тексте

После 84 И в очках сухой паук,
Длинный лазарони,
а. И в очках надутый жук,
б. И в очках спесивый жук,
в. И в очках плюгавый жук,
Разноситель вони,

85—88 *А.* И с лорнетом филантроп,
Червячок плюгавый,
И Филипп Филиппыч-клоп,
Враг Петра и славы.
Б. Как в тексте

Вместо 89—92 *На полях записано:*
или
Все вокруг стола — и вот .
Шарк на совещанье
а. Вольномыслящий деспот,
б. Метафизик, верхолет,
Президент собранья.

91 *а.* Публицист, идеолог,
б. Как в тексте

109 *а.* И ревет он, полн грозой,
б. Начато: Он [жужжит] [пищит]
в. Как в тексте

121 *а.* Гадов пошлой болтовни
б. Как в тексте

90

10 Автограф Т-63 Какие чувства возмутил,

13 То не был звук, то глас страстей,

91. ЛИЗА И ГРИША

5 Автограф Т-63 Единой занимаясь Лизой,

8 Но как узнать? Быть может, Гриша

12 Евреинову Лизу — Гриша! [1]

92

6 *а.* Ниц падая пред олтарем,
Автограф Т-63 *б. Как в тексте*

9 *а.* Забавно мне ее ворчанье:
б. Как в тексте

11 *а.* Отказ как будто обещанье:
б. Отказ скрывает обещанье:
в. Как в тексте

13 *а.* И — побежденная — сначала
б. И — согрешив — она сначала
в. Как в тексте

7 И окаянными устами
РПЛ

11 Отказ скрывает обещанье:

94. НА К. BOUT-RIMÉ

3 Быть может, что для немок он — *француз,*
Автограф Т-63

95. НА НЕГО ЖЕ

1 А что он? — Француз, германец,
Автограф Т-63

3 То блудлив, как ярый кот,

---

[1] *В тексте первоначально везде эти имена.*

4 *а.* То труслив, как тощий заяц;
б. То труслив, как робкий заяц;

6 Чувством жалостно-унылым,

4 *а.* То труслив, как жалкий заяц;
Автограф *б.* То труслив, как подлый заяц;
Т-69 *в.* *Как в тексте*

Варианты

к «Очерку жизни Дениса Васильевича Давыдова»

Заглавие: Некоторые объяснения на послужной список генерал-маиора Дениса Давыдова *(РА)*; Некоторые черты жизни и деяний генерал-маиора Давыдова *(Русский зритель, 1828);* Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова *(Изд. 1832).*

РА, Русский зритель (1828), Изд. 1832

Стр. 125

Строка 1 *Вместо:* в Москве — в Москве, 1784 года июля 16 дня [1], в год и день смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих бог знает за какие заслуги на словесном поприще!

Строка 3 *Вместо:* Страсть эта получила высшее направление — Страсть сия получила высшее направление в 1793 году

Строка 7 *Вместо:* благословя — перекрестя

Стр. 126

Строка 21 *Вместо:* словесное поприще — ограниченное словесное поприще

Строка 25 *Вместо:* Молодой — Двадцатилетний

Строки 26—27 *Вместо:* мазурки до упаду.— мазурку с полячками [2].

Строки 32—33 *Вместо:* Давыдов ~ поручиком — быв переведен в лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург.

Строки 33—34 *Вместо:* знаменитый князь Багратион — князь Багратион

Строки 37—38 *Вместо:* возвратился в Россию и написал «Договоры»,— возвратился в Петербург, где написал «Договоры»,[3]

Стр. 127

Строки 1—2 *Вместо:* поступает на степень главнокомандующего — назначен был главнокомандующим

Строка 4 *Вместо:* обстоятельства отрывают князя Багратиона от армии; — князь Багратион отрывается от армии;

Строки 6—7 *Вместо:* этого неусыпного и отважного воина — сего отличного воина

Строки 10—11 получившему тогда ~ армиею, *нет*

Строки 18—19 *Вместо:* отправляется с партиею гусаров и казаков ~ команд и резервов; — отправляется с горстию казаков (130-ю человеками) в тыл неприятеля,

Строка 34 *Вместо:* корпусом Дюрюта.— корпусом маршала Даву.[4]

Строки 39—43 *Вместо:* Во Франции командует он ~ в генерал-маиоры.— После Краонского сражения, в коем все генералы 2-й гусарской дивизии (что ныне 3-я) были убиты или ранены, он управля-

---

[1] *Последующий текст в Изд. 1832 отсутствует.*

[2] *В Изд. 1832:* польками.

[3] *В Изд. 1832:* «Договор»,

[4] *В РА:* Давуста

ет двое суток[1] всею дивизиею, а потом принимает в начальство свое бригаду, составленную из гусарских полков: Ахтырского и Белорусского. С ними он проходит чрез Париж.

Далее (в РА, Русском зрителе, 1828) следует:

1814 года Давыдов возвращается из Парижа в Москву, где занимается словесностию и сочиняет все известные свои[2] элегии.

Впоследствии занимал он разные места в армии. Ныне проводит дни в уединении, наслаждаясь семейственным благополучием.

Давыдов немного писал, еще менее печатал; он, по обстоятельствам, из числа тех поэтов, которые должны довольствоваться пока *рукописною* или *карманною славою*[3].

Русский зритель, 1828

Общество любителей российской словесности, учрежденное при Московском университете, удостоило его избранием в число своих действительных членов, и он примкнул в нем себя к толпе малодействующих. Однако же последнее сочинение его «Опыт теории партизанского действия» дает ему право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Императорской публичной библиотеке.

Заключим: Давыдов не нюхает табаку с важностию, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь жива и огненна. Он, как уже мы видели, писал стихи, любил вино и женщин — сего достаточно, чтобы заслужить имя неделового и даже неосновательного человека. Напротив того, большая часть офицеров армии почитают его умным, неустрашимым и предприимчивым воином. Мы оставляем другим решить, справедливо или нет сие мнение. Чтобы одною чертою выразить Давыдова, скажем, что в голове его эпиграмма, а в сердце элегия; что он соединяет в себе два редко соединяемые качества: *доброго малого* и *острого малого*. Вот весь Давыдов.

---

[1] *В Русском зрителе:* двое сутки

[2] *В РА* его

[3] *В РА вместо этого абзаца и до конца:*

Давыдов немного писал, еще менее печатал. Он, по обстоятельствам, из числа тех поэтов, которые должны довольствоваться карманною славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных дозорщиков. Запрещенный товар так же, как и запрещенный плод: цена его удвоивается от запрещения. Сколько *столовых часов* под свинцом Тимковского стоит в лавке! На вопрос: долго ли им стоять? отвечают они: вечность!

Общество любителей российского слова, учрежденное при Московском университете, удостоило его избранием в число своих действительных членов, и он примкнул в нем к толпе малодействующих. Однако же последнее сочинение его: «Опыт теории партизанского действия» дает ему право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Императорской публичной библиотеке, в сем богоугодном и страннонриимном заведении, куда стекаются любовники публичных дев Парнаса.

Строки 44—45 *Вместо:* Вскоре после того ~ несколько элегий.— Вскоре после сего Давыдов производится в генерал-маиоры и получает отпуск в Москву, где, предавшись словесности, сочиняет все известные свои элегии.

Стр. 128

Строка 9 *Вместо:* милого ему семейства — обожаемого им семейства

Строка 12 *Вместо:* отступающим — бегущим

Строки 14—15 *Вместо:* принуждает его бежать — принуждает Гассан-хана отойти

Строка 36 *Вместо:* 1831 год — 1831 год, близкий родственник 1812-му,

Строка 39 *Вместо:* шляхта — шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами,

Стр. 128—129

Строки 52—1 *Вместо:* все удары главных сил неприятеля ~ на свою сторону.— все удары всех сил неприятеля. Бой длится более трех часов, пока генерал Ридигер искусным и отважным движением обходит напавшие на Давыдова войска и, прибыв им в тыл, ударяет на них и решительно обращает победу на свою сторону.

Стр. 129

Строки 16—17 *Вместо:* под свинцовыми печатями — под свинцом таможенных чиновников

Строка 19 *Вместо:* Общество любителей словесности,— Общество любителей российской словесности,

Строки 20—21 *Вместо:* удостоило Давыдова <избранием> в число действительных членов,— удостоило Давыдова избранием в число своих действительных членов,

Строка 26 *Вместо:* гулливых барышен Парнаса.— заманчивых дев Парнаса.

Строки 27—28 *Вместо:* Большая часть ~ бивуаком.— Стихи его пахнут биваком.

Строка 30 *Вместо:* пробные почерки — почерки

Строка 31 *Вместо:* приказаний — повелений

Строка 34 *Вместо:* в гусарские полки: — в гусарские и уланские полки:

Строки 36—41 *Вместо:* поодиначке, наскоком ~ розно или вместе.— налегке, наскоком. *Далее после абзаца*: Сходство между ними идет далее: в каждой войне он пользовался общим одобрением, общею похвалою; в мирное время о нем забывали вместе с каждою войною. То же было и с журналами, заключающими стихи его, и с его стихами. Кому известна ныне служба его во время войн в Пруссии, в Финляндии, в Турции, в России, в Германии, во Франции, в Грузии и в Польше? — Кто ныне знает о существовании какой-нибудь «Мнемозины», какого-нибудь «Соревнователя просвещения», «Амфиона» и других журналов, *поглощенных вечностию* вместе со стихами Давыдова?

Никогда не приходило ему на мысль возобновлять в памяти забывших достойное или недостойное внимания ратование его; никогда не решился бы он на собрание рассеянной своей стихотворной вольницы для помещения ее *на непременные квартиры* у книгопродавца,

если бы друзья его на сие его не уговорили, доказав ему, что одно и то же покоиться ей розно или вместе.

Строка 42 *Вместо:* немалого труда.— немалого труда, чему мы сами были свидетелями.

Строка 46 *Вместо:* удалую жизнь,— разгульную жизнь,

Строки 52—53 *Вместо:* странною поступью — поступью,

Строки 53—54 *Вместо:* старомодного — старинного

Стр. 130

Строки 12—13 *После:* будто бы и делами. *следует:* Быть может, не знаем в точности.

Строка 14 *После:* утешали его, *следует:* (в пустынных квартирах его эскадрона Белорусского гусарского полка и на боевых биваках его наездничьих партий)

Строки 22—41 *Вместо:* Он представляется нам ~ вот Давыдов. Он, как уже мы видели, писал стихи, любил вино и женщин — сего достаточно, чтобы заслужить имя неделового и даже неосновательного человека — от какого рода людей? мы знаем, но молчим. Напротив того, большая часть офицеров армии почитают его умным, неустрашимым и предприимчивым воином, а некоторые литераторы — оригинальным поэтом. Мы оставляем другим решить, справедливо или нет сие мнение, и, чтобы одною чертою выразить Давыдова, скажем, что в голове его эпиграмма, а в сердце элегия; что он соединяет в себе два, редко соединяемые качества: *доброго малого и острого малого.* Вот весь Давыдов.

ПРИМЕЧАНИЯ

Поэтическая репутация Д. Давыдова сложилась за несколько лет до его первого выступления в печати («Договор», 1808). К этому времени он был уже автором посланий к Бурцову и нескольких противоправительственных стихотворений, распространявшихся в списках. Если послания были включены им в Изд. 1832[1], то басни, например, были впервые опубликованы лишь в 1860—1870-х годах по спискам неизвестного происхождения и разной степени авторитетности. Таким образом, ранние стихи Д. ставят перед его издателями проблему, общую для многих произведений вольной поэзии,— проблему анализа списков и получения текста, максимально приближенного к авторской редакции (см. ниже). В 1810-е годы стихи Д. публикуются в ВЕ, «Амфионе», Тр. МОЛРС, Собр. р. стих. Эти публикации, частью осуществленные в отсутствие Давыдова, тем не менее исходили из его ближайшего литературного окружения и опирались на авторитетные источники текста, в том числе и на присылаемые Давыдовым автографы.

К 1817—1818 гг. относится первая попытка издания значительного корпуса стихов Давыдова. Сохранился план «арзамасского журнала» (см. вступ. ст.), написанный рукой Д. Н. Блудова и подписанный С. П. Жихаревым, В. Л. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, Давыдовым и др. (ГПБ, ф. 286, оп. 1, № 80, л. 1); опубликован с неточностями И. А. Бычковым (Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в имп. Публичную библиотеку в 1884 году, СПб., 1887, с. 158). Здесь значатся стихи Д.: «Отрывок из Парни» (№ 40), «К неверной» (№ 36 или 37), «Моя песня» (№ 16), «Военная песня» (№ 25), «Послание к Бурцову» (№ 5 или 6), «Песня» (неясно, какая), «Песня» (№ 38 ?), «Решительный вечер» (№ 35), «Гусар», (№ 41), «К Строганову» (№ 12), «Логика пьяного» (№ 39) и эпиграммы (неясно, какие именно). Список этот сделан в Москве не ранее середины декабря 1817 г., когда сюда приехал Блудов (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, СПб., 1866, с. 226), и до отъезда Давыдова из Москвы в Киев между 7 и 10 января 1818 г. (Московские ведомости, 1818, № 4, 12 января, с. 92). По-видимому, в то же время и в том же кругу был составлен и сборник, находившийся в свое время в бумагах А. Ф. Воейкова и сохранившийся в архиве Вяземского в ГПБ (ф. 167, № 97) (ГПБ-1). Этот сборник, в писарских копиях, на бумаге с водяным знаком «1814», был озаглавлен «Элегии и мелкие стихотворения Дениса Давыдова»; сохра-

[1] См. Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты».

нилась лишь часть его, содержащая элегии. Сборник явно готовился для печати; рукой Жуковского в нем зачеркнуто заглавие и заменено новым: «Стихотворения Дениса Давыдова». Первоначально он содержал 9 пронумерованных и в большинстве своем озаглавленных элегий: элегия I — «Восторг» (№ 22), II — «Заточение» (№ 23), III — «Договор» (№ 9), IV — «Оправдание» (№ 24), V — без загл. («В ужасах войны кровавой...») (№ 30), VI — «Ответ на вызов написать стихи» (№ 34), VII — «Угрозы» (№ 33), VIII — «Утро» (№ 32), IX — «Неверной» (№ 36). Жуковский исключил элегию VI как не соответствующую жанровым требованиям и соответственно изменил нумерацию, сделав поправки и в последней элегии. Сборник датируется 1817—1818 гг.: в него вошли элегии, напечатанные в Тр. МОЛРС в 1817 г., но не вошла элегия (№ 43) с авторской датой: 1818. Во всех случаях, доступных проверке, ГПБ-1 дает очень авторитетные тексты с несомненно авторскими разночтениями и минимальным числом писарских ошибок.

Сложнее вопрос о происхождении второго сборника из бумаг Воейкова, также сохранившегося в архиве Вяземского в ГПБ («Некоторые сочинения Дениса Давыдова», ф. 167, № 98) (ГПБ-2); стихи в нем тоже в копиях, с одним исправлением, возможно рукой Жуковского. Сборник на бумаге с водяным знаком «1817», составлялся не позднее 1820 г., т. к. по его тексту (с конъектурой в ст. 18, где текст копии был испорчен) Воейков напечатал в 1820 г. «Мою песню» (№ 16). Содержание сборника: Элегии: 1. Восторг (№ 22); 2. Заточение (№ 23); 3. Договор (№ 9); Басни: Чиж и Роза (№ 11); Голова и Ноги (№ 2); Быль или басня, как кто хочет назови (№ 3); Смесь: Гусар (№ 41); Моя песня (№ 16); Песня («Я люблю кровавый бой...») (№ 25).

Сборник содержит небольшое количество ошибок переписчика; редакции стихов несомненно авторские. Тексты «Гусара» и «Песни» не совпадают с известными нам автографами и печатными публикациями; последнее стихотворение, также опубликованное Воейковым в СО, печаталось уже в новой, более поздней редакции. Текстологическое значение ГПБ-2 прежде всего в том, что он дает авторитетные тексты поздних редакций двух бесцензурных басен Д.

Сборники ГПБ-1 и ГПБ-2 позволяют сделать некоторые наблюдения и над историей публикаций стихов Д., прежде всего в изданиях Воейкова. Воейков широко практиковал «пиратские» перепечатки и был неразборчив в выборе источников текста (см. прим. к «Моей песне» (№ 16) и эпиграмму «Остра твоя, конечно, шутка...», (№ 48). Однако ГПБ-1 и ГПБ-2 показывают, что в руках Воейкова были и источники вполне достоверные, которыми, по-видимому, пользовались и другие издатели: В. Н. Олин в «Рецензенте» (1821) и М. А. Бестужев-Рюмин в альманахах «Сириус» (1826) и «Северная звезда» (1829). Из четырех стихотворений Давыдова, опубликованных в «Северной звезде», три находятся в ГПБ-1; печатный текст, за исключением мелких разночтений, соответствует тексту ГПБ-1. Это заставляет отнестись к публикациям Бестужева-Рюмина с бо́льшим доверием, нежели ранее, и предполагать в данном случае не обычную для него контрафакцию, а публикацию, прямо или косвенно санкционированную Давыдовым (характерно, что Бестужев-Рюмин, вынужденный после предупреждений Пушкина скрывать авторскую принадлежность самовольно печатаемых им пушкинских стихов, почти демонстративно раскрывал авторство Давыдова). Другие публикации стихов Давыдова в альманахах и сборниках 1820—1830-х го-

дов (см.: Н. Смирнов-Сокольский, Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX в., М., 1965, по указ.) в подавляющем большинстве — перепечатки, иногда с недоразумениями (так, в оглавлении альманаха «Новые аониды на 1823 год» (М., 1823) Давыдову было приписано стих. А. А. Дельвига «Мой домик»). Несколько особняком стоит публикация элегии IV («В ужасах войны кровавой...») (№ 30) в альманахе «Эвтерпа» (М., 1831); в руки издателей этого совершенно неавторитетного альманаха, изобилующего грубыми ошибками и искажениями текстов, попал, по-видимому, какой-то список, содержащий неизвестную по другим источникам редакцию (см.: Другие редакции и варианты); в том же альманахе впервые появилось и раннее стихотворение Пушкина «Усы» («Глаза скосив на ус кудрявый...»), приписанное Давыдову. Лишь публикация элегии «О милый друг! оставь угадывать других...» (элегия III, № 24) в «Полярной звезде на 1823 год» является несомненно авторской.

С 1827 г. Давыдов принимает участие в пушкинских периодических изданиях — МВ и ЛГ (1830). Еще в 1826 г., подчеркивая свой поэтический дилетантизм, он демонстративно отказывается собирать свои стихи; на вопрос М. В. Юзефовича, почему он не издает сборника, Давыдов отвечает: «Эк, братец, к чему? ведь их и без того все знают наизусть». Потом прибавил: «а издай их,— выйдет книжонка; да они врозь не так и приедаются» (РА, 1874, кн. II, с. 733). Однако весной 1832 г., склонившись на предложения книгопродавца И. В. Салаева, он решился «выдать стихи свои на поругание» одновременно с «Замечанием на некрологию Н. Н. Раевского» (см. Письма к Вяз., с. 27—28). Сборник этот — «Стихотворения Дениса Давыдова» (М., 1832) — прошел цензуру 23 мая. Давыдов построил книгу по жанровому принципу, впрочем не выдержав его до конца: сборник открывался циклом из пяти элегий, остальное было отнесено в «Мелкие стихотворения», куда попали также и элегии («Бородинское поле»). Расположение стихов — вне хронологического порядка (некоторые стихи датированы, иногда ошибочно), логику расположения уловить трудно, хотя иногда Давыдов стремится сгруппировать стихи близкой жанровой природы (эпиграммы, надписи) или темы. Изд. 1832 включило автобиографию и 39 стихотворений, из которых немногим менее половины появились здесь впервые, в том числе оба послания «Бурцову» (№ 5 и 6), «Гусарский пир» (№ 7), «Элегия VIII» (№ 43), «Поэтическая женщина» (№ 66), «Гусарская исповедь» (№ 65) и др. За пределами книги осталось 14 стих., напечатанных ранее (в том числе «Договоры» (№ 9), несколько элегий и мелкие стихотворения). Отвечая на недоумение Вяземского, Д. ссылался на художественные несовершенства исключенных стихов (Письма к Вяз., с. 36). Издание вышло в отсутствие Д., он не читал корректуру и сразу по выходе книги указывал на искажающие опечатки (см. прим. 65). Цензурных искажений в Изд. 1832 немного (исключение слова «бог», «троица» и пр. в метафорических уподоблениях, см.: «Болтун красноречивый...» (№ 26), «Поэтическая женщина» (№ 66), «Элегия VII» (№ 36), нескольких слов, неудобных в печати, и слова «вахтпарады» в негативном контексте, см.: «Бурцову» (№ 6).

Во второй половине 1830-х годов Д. печатает стихи и прозу в БдЧ и пушкинском Совр. Тем временем, несмотря на медленную распродажу Изд. 1832, книгопродавцы убеждают поэта предпринять новое издание; в начале 1837 г., по предложению А. Ф. Смирдина, Д. составляет собрание своих сочинений в трех частях. В конце

1837 г. рукопись, включившая и стихотворения, была передана в С.-Петербургский цензурный комитет; мемуарные статьи были отосланы в военную цензуру; ряд мест не был допущен к печати, и Д. взял рукопись для переделок. Издание затянулось и вышло уже посмертно, в 1840 г.; дата цензурного разрешения, подписанного А. В. Никитенко,— 24 декабря 1837 г. Первую часть Изд. 1840 составляют автобиография, стихотворения и предисловие от издателя, по-видимому также принадлежащее Д. Таким образом, Изд. 1840 было авторизовано и является важнейшим источником текста. В него включены некоторые ранние стихи, не вошедшие в Изд. 1832, стихи, написанные и опубликованные после 1832 г., а также 13 неизвестных прежде текстов, часть из которых Д. не публиковал как интимные («Я помню — глубоко...» (№ 83), «Я вас люблю так, как любить вас должно...» (№ 77) и др.). Не вошли сюда два стих., напечатанных в Изд. 1832: «Моя песня» (№ 16) и «В альбом» (№ 18). Изд. 1840 было организовано в соответствии с единым биографическим сюжетом (см. вступ. статью).

История печатания Изд. 1840 остается почти неизвестной. Сохранилось письмо Давыдова Н. А. Полевому от 21 июля 1838 г.: «По давнему знакомству и приязни вы вызвались, милостивый государь Николай Алексеевич, на труд держать корректуру сочинений моих, к печатанию которых Александр Филиппович Смирдин хочет приступить осенью. Принимая обязательный вызов ваш с чувствительнейшею благодарностию, покорнейше вас прошу известить г-на Смирдина о согласии моем на ваше предложение; я также с моей стороны уведомлю его о том же словесно или письменно. С истинным почтением и таковою же преданностию имею честь быть ваш покорнейший слуга Денис Давыдов. 1838, 21 июля. С.-Петербург» (Рукописный отдел Ленинградского отделения Института истории, колл. 238 оп. 2 № 272/280. Указано А. А. Ильиным-Томичем). В письмах Полевого брату и его дневнике отмечены встречи его с Давыдовым в июле-августе 1838 г.; 22—23 декабря в числе других корректур он читает и «корректуры <...> Давыдова» (ИВ, 1888, № 3, с. 665, 674; Полевой К. А. Записки, СПб., 1888, с. 440). Дневники Н. А. Полевого за 1839—1840 гг. не сохранились; неясно, наблюдал ли он за всем изданием и продолжалось ли это наблюдение после смерти Давыдова.

Изд. 1840 дает последние авторские редакции большинства стихотворений Д., в текст которых поэт постоянно вносил изменения, правя их стилистически, меняя заглавия и т. д. Вместе с тем оно несет явные следы как цензурного вмешательства, так и корректорской небрежности. В Изд. 1840 купюр и цензурных замен гораздо больше, чем в Изд. 1832 (что связано с общим ужесточением цензурного режима в конце 1830-х годов); они сделаны и в уже ранее опубликованных текстах (см. прим. к посланиям «Бурцову» (№ 5 и 6), «Элегии VII» (№ 36), стих. «С. А. К....» (№ 59), «Гусарской исповеди» (№ 65), «Челобитной» (№ 88), «Современной песне» (№ 89) и др.). Есть и ряд опечаток, искажающих смысл («шашки» вместо «ташки» в «Песне старого гусара» (№ 38), «желанная» вместо «жеманная» в стих. «Вы хороши! — Каштановой волной...» (№ 61), «Но, право, вас любить...» вместо «На право...» в стих. «Я вас люблю так, как любить вас должно...» (№ 77) и т. д.). Все это делает необходимой сверку текста Изд. 1840 с другими сохранившимися источниками.

Новое издание сочинений Д. было предпринято в 1860 г. сыновьями поэта, В. Д. и Д. Д. Давыдовыми, в руках которых был и архив отца. Корпус стихотворений в нем был пополнен 4 неизданными мел-

ними стихотворениями. Это издание непригодно в качестве источника текстов, особенно прозаических; проза Д. подверглась здесь произвольным сокращениям, изменениям и контаминациям. На это издание опиралось, однако, наиболее полное до нашего времени трехтомное издание сочинений Д. под ред. А. О. Круглого (тт. I—III, СПб., 1893). Здесь была сделана попытка собрать все стихотворные тексты Д., появившиеся в печати. Впервые были введены в издание стихи из «Амфиона», Тр. МОЛРС, «Сириуса», «Северной звезды», а также опубликованные после 1860 г. (в том числе басни «Голова и Ноги» и «Река и зеркало»),— всего 12 новых текстов, в их числе три Давыдову не принадлежащих («Возврату твоему с похода всяк дивится...», «Вода мне вовсе не вкусна...» и эпиграмма на Шаликова). Архивом Давыдова Круглый не пользовался и специальной текстологической работы не проводил; приняв хронологический порядок расположения, он не дал обоснований датировок, ограничившись в комментарии краткой, чаще всего библиографической справкой. Научного значения Изд. 1893 не имеет; его заслуга — сведение и библиографирование материала.

Научное издание стихотворений Д. было осуществлено в 1933 г. В. Н. Орловым в «Библиотеке поэта». Для этого издания были изучены все известные к 1933 г. источники текста, как печатные, так и рукописные; В. Н. Орлов разыскал и разобрал сохранившуюся часть архива Д. Критический анализ всех предшествующих изданий и публикаций был дан в обширной статье В. Н. Орлова «Судьба литературного наследства Дениса Давыдова» (ЛН, т. 19-21, М., 1935, с. 297—340), органически дополняющей Изд. 1933; на этой статье, как и на Изд. 1933, в значительной мере основывается вся последующая работа по текстологическому и историко-литературному изучению Д. Здесь впервые был дан и текстологический анализ трех тетрадей в архиве Д. (ЦГВИА, ф. 194, оп. 1), содержащих его стихотворные тексты: тетради № 31 («Военные заметки 1814 г.»), с черновиками стихов, датируемыми 1814—1815 гг. (Т-31); № 63 («Договор. Элегия, и мелкие стихотворения Дениса Давыдова», с эпиграфом: «...et mon coeur et ma vie tout est là! *Millevoye*» — «...и мое сердце, и моя жизнь — все здесь! *Мильвуа*» (франц.).— *Сост.)* — с 37 стихотворениями и набросками, заполнявшейся на протяжении 1830-х годов (Т-63), и № 69 (конволют, включивший часть тетради автографов с надписью на обложке: «21 пьеса. Для прибавления к тем, которые находятся в первом издании»,— автографы беловые и более поздние, чем в Т-63) (Т-69). Две последние тетради содержат, таким образом, поздние редакции стихов Д. и в некоторых случаях оказываются основным источником текста. Для Изд. 1933 были выявлены и другие автографы (в ИРЛИ, ГПБ), а также копии ранних сатирических стихов Д.; по ним были опубликованы уточненные тексты басен. В основной текст стихов Д. внесены существенные коррективы; дана и сводка важнейших вариантов. Корпус издания был пополнен 14 неизданными стихотворениями и набросками, в том числе сатирой «Сон» (№ 1), «Элегией IX» (№ 44), стихотворением «Вечерний звон» (№ 90) и др. Комментарий включил широкий круг биографических и историко-литературных сведений о Д. и до настоящего времени является наиболее полным их сводом. Последующие издания (в большинстве случаев также под ред. В. Н. Орлова) отправлялись от Изд. 1933, внося отдельные уточнения в основной корпус, датировки и комментарий. Наибольшее число таких уточнений содержится в издании: Денис Давыдов, Избранное (М., «Книга», 1984) (Изд. 1984),

под ред. А. А. Ильина-Томича, где выявлено значительное число неучтенных автографов стихотворений и писем Д.

Настоящее издание стихотворений Д. не является полным: в него не вошли эпиграмма № 59 по Изд. 1933 (датируется началом 1825 г., см.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VIII, Л., 1978, с. 171) и памфлет «Голодный пес» (1832). Тексты публикуемых стихов заново проверены по всем доступным источникам, в т. ч. и по рукописям, обнаруженным уже после 1933 г. (в ЦГАЛИ, ИРЛИ, ЦГАДА и др.; см. указания на некоторые из них: И. Т. Трофимов, Поиски и находки в московских архивах, М., 1979, с. 52—53, 134—139). Анализ источников в большинстве случаев подтверждает правильность текстологических решений, принятых в Изд. 1933. Расхождения обусловлены несколькими причинами. Для Изд. 1933 (как и для всей текстологии начала 1930-х годов) была характерна преимущественная ориентация на авторскую рукопись и известное недоверие к печатному тексту, как содержащему вынужденные или случайные изменения. Поэтому, правильно оценивая значение Изд. 1840 как последнего авторского сборника, Изд. 1933 на практике нередко предпочитает ему более ранние тексты прижизненных публикаций или рукописных редакций. В настоящем издании за основу последовательно приняты тексты Изд. 1840 (конечно, при критическом их анализе, см. выше). Отсюда, между прочим, и изменение заглавий ряда стихотворений по сравнению с Изд. 1933: Давыдов постоянно менял их от публикации к публикации, а в Изд. 1840 во многих случаях отказался от них вовсе. Исключение приходится делать для элегий: и в Изд. 1832, и в тетрадях 1830-х годов (Т-63, Т-69) Давыдов сохранял элегический цикл, обозначая последовательность нумерацией («Элегия I» и т. д.); включив в Изд. 1840 лишь немногие элегии, он, естественно, отказался и от нумерации. В собрании стихов, построенном по хронологическому принципу, формальное следование последнему авторскому заглавию привело бы к неизбежной путанице: разрыву порядковой нумерации, появлению дублетных номеров и т. п. Поэтому, вслед за Изд. 1933 и последующими, мы сохраняем для элегий жанровое название и номер, отмечая угловыми скобками отсутствие его в последней авторской редакции.

В нескольких случаях анализ существующих источников текста или обнаружение новых заставляют принять в качестве основного иной рукописный источник, нежели в Изд. 1933 (см., напр., басни, № 2—4). Выбор текста каждый раз обосновывается в примечаниях. Во многих случаях это обоснование опирается на сопоставление вариантов автографов. Поэтому в настоящем издании раздел «Другие редакции и варианты» расширен по сравнению с предыдущими; составитель стремился с возможной полнотой учесть разночтения автографов и привести наиболее существенные разночтения авторитетных копий.

Особая проблема — датирование стихов Д. Очень значительная работа по установлению дат была проведена в Изд. 1933; к сожалению, по издательским условиям обоснования дат были опущены. В настоящем сборнике сделана попытка такого обоснования; в некоторых случаях обнаружились новые датирующие признаки (напр., список АЖ), что повлекло за собой и изменение толкования стихотворения, его адресации и пр. (см., напр., «Решительный вечер гусара», № 35); все подобные случаи оговорены в примечаниях.

Комментарий в настоящем издании опирается на обширный ма-

териал, собранный в Изд. 1933 (сведения приводятся без специальной ссылки, исключая случаи, когда в Изд. 1933 приведены впервые публикуемые источники). По сравнению с Изд. 1933 комментарий сокращен и, как правило, ограничен данными, необходимыми для текстологической, историко-литературной и биографической интерпретации текстов; однако в нем учтена литература о Д., появившаяся после 1933 г.; для комментирования был предпринят и ряд специальных разысканий. В текстологической справке указывается первая публикация и далее отмечаются стадии движения текста; на простые перепечатки делается ссылка лишь в особых случаях. Формула: «Вошло в ...» означает, что текст не изменился по сравнению с предшествующей публикацией. Оговаривается также наличие автографа и важнейших копий, служащих источником текста или необходимых для его уточнения; даты выносятся в корпус (под текстами); предположительность даты отмечается знаком вопроса; даты публикации (или год, обозначающий верхнюю хронологическую границу) — угловыми скобками. Авторские примечания приводятся в тексте без специальной оговорки.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, с сохранением индивидуальных стилистических особенностей.

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

АЖ — список стихов Д. для «арзамасского журнала» (1817—1818). ГПБ.

АР — Архив Раевских, тт. 1—5. Ред. и прим. Б. Л. Модзалевского, СПб., 1908—1915.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13-ти тт., М., 1953—1959.

Благ.— «Благонамеренный».

ВЕ — «Вестник Европы».

Вольн. поэзия — Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века. Вступ. ст. С. Б. Окуня и С. А. Рейсера. Сост., подг. текста, вступ. заметки и прим. С. А. Рейсера, Л., 1970 («Библиотека поэта», Большая серия).

Вяземский — П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, тт. 1—12. СПб., 1878—1896.

ГБЛ — отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГПБ — отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ГПБ-1 — сборник копий «Элегии и мелкие стихотворения Дениса Давыдова».

ГПБ-2 — сборник копий «Некоторые сочинения Дениса Давыдова».

Жерве — В. В. Жерве, Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1784—1839, СПб., 1913.

Задонский — Н. Задонский, Денис Давыдов. Роман, М., 1979.

ИВ — «Исторический вестник».

Изд. 1832 — Стихотворения Дениса Давыдова, М., в тип. Августа Семена, 1832 (на обороте титула: Издание книгопродавца Салаева).

Изд. 1840 — Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В трех

частях. Второе изд., испр. и доп. Часть первая. СПб., в тип. Александра Смирдина, 1840.
Изд. 1860 — Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Изд. четвертое, испр. и доп. по рукописям автора, чч. 1—3. М., 1860 (ч. 3— стихотворения).
Изд. 1893 — Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Со статьей о литературной деятельности Д. В. Давыдова и прим., сост. А. О. Круглым, тт. 1—3, СПб., изд. Евг. Евдокимова, 1893.
Изд. 1933 — Денис Давыдов, Полное собрание стихотворений. Ред. и прим. В. Н. Орлова, вступ. ст. В. М. Саянова, Б. М. Эйхенбаума, Л., Изд. писателей в Ленинграде, 1933 («Библиотека поэта», Большая серия).
Изд. 1984 — Д. Давыдов, Стихотворения и письма. Вступ. статья, подг. текста и прим. А. А. Ильина-Томича, М., «Книга», 1984.
ИРЛИ — отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛН — «Литературное наследство».
Марин — С. Н. Марин, Полное собрание сочинений. Критико-биографич. очерк, научное описание рукописей, ред. и комм. Н. Арнольд, М., 1948 (Гос. лит. музей, Летописи, кн. 10).
МВ — «Московский вестник».
МОЛРС, Ист. зап.— Общество любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. Историческая записка и материалы за сто лет [М., 1911].
МТ — «Московский телеграф».
НВр — П-в, Семь эпиграмм Д. В. Давыдова.— Новое время, 1884, № 3010, 16 (28) июня.
ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. Под ред. и с прим. В. И. Саитова, тт. 1—5, СПб., 1899—1913.
ОЗ — «Отечественные записки».
П. в восп.— А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, тт. 1—2. Вступ. ст. В. Э. Вацуро, сост. и прим. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович, М., 1974.
ПЗ на 1823 — Полярная звезда <...>, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым, СПб., 1823.
ПиС — Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. 1—39, СПб.— Л., 1903—1930.
Письма к Вяз.— Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому, Пг., 1917 (то же: Старина и новизна, т. 22, Пг., 1917).
Пушкин — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. 1—16, М.—Л., Изд. АН СССР, 1937—1949; т. 17 — Справочный том, М.—Л., 1959.
РА — «Русский архив».
РВ — «Русский вестник».
РЗ — «Русский зритель».
Р. инв.— «Русский инвалид».
РЛ — «Русская литература».
РПЛ — Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения, ч. I. С пред. Н. Огарева, Лондон, 1861.
РС — «Русская старина».
Рукою П.— Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подг. к печати и комм. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер, М.—Л., 1935.

Рус. басня — Русская басня XVIII—XIX веков. Вступ. статья Н. Л. Степанова, сост., подг. текста и прим. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова, биогр. справки В. П. Степанова, Л., 1977 («Библиотека поэта», Большая серия).

РЭ — Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Вступ. статья Л. Ф. Ершова, сост., подг. текста и прим. В. Е. Васильева, М. И. Гиллельсона, Н. Г. Захаренко, Л., 1975 («Библиотека поэта», Большая серия).

Сб. биогр.— Н. Советов, Д. В. Давыдов.— В кн.: Сборник биографий кавалергардов, т. III, СПб., 1906.

Сб. РИО, т. 73 — Сборник имп. Русского исторического общества, т. 73. Бумаги графа А. А. Закревского, СПб., 1890.

Сев. звезда, 1829 — «Северная звезда», СПб., 1829 (издал М. А. Бестужев-Рюмин).

СО — «Сын отечества».

Собр. р. стих.— Собрание русских стихотворений <...> изд. Василием Жуковским, чч. I—V, М., 1810—1811.

Совр.— «Современник».

Соч. 1962 — Д. Давыдов, Сочинения. Пред., подг. текста и прим. Вл. Орлова, М., 1962.

Т-31 — тетрадь автографов Д. «Военные заметки 1814 г.», ЦГВИА.

Т-40 — тетрадь автографов Д., ЦГВИА.

Т-63 — тетрадь автографов Д. «Договор. Элегия, и мелкие стихотворения Дениса Давыдова», ЦГВИА.

Т-69 — тетрадь автографов Д. «21 пьеса. Для прибавления к тем, которые находятся в первом издании», ЦГВИА.

Тр. МОЛРС — Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете.

ЦГАДА — Центральный гос. архив древних актов.

ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства.

ЦГАОР — Центральный гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

ЦГВИА — Центральный гос. военно-исторический архив.

ЦГИА — Центральный гос. исторический архив.

Щербачев — Ю. Н. Щербачев, Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин, М., 1912.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Изд. 1933, с. 78, где опубликовано по копии А. М. Горчакова (ЦГАОР, ф. 828, оп. 1, № 115). В январе 1804 г. С. Н. Марин сообщал М. С. Воронцову: «Маленькому Давыдову мыли за стихи голову; он написал «Сон», где всех ругает без милосердия. Аргамаков написал ответ:

Я лег вчерась в постелю
И видел страшный сон:
Мальчишку пустомелю
Сек розгой Аполлон.

Как бог, он без притворства
Ему так говорил:
Ты дар мой стихотворства
Во зло употребил.

Ты, мальчик, зашалился,
Имеешь медный лоб,
Осмеивать пустился
Почтенных ты особ.

Вступя в знакомство с знатью,
Дал волю языку;
За это вашу братью
Я розгами секу.

Тут мальчик побожился,
Что врать не будет он.
От сна я пробудился.
Ах, жаль, что это сон!»

(Марин, с. 303). На основании этого письма датируется обычно 1803 г. Однако существует собственное свидетельство Д. в рукописи «Дневника партизанских действий...»,— рассказывая о своей аудиенции у Кутузова в 1812 г., Д. приводит свои слова: «...я тот самый, которого ваша светлость, быв С.-Петербургским военным губернатором, призывали журить за сатиры и за разные юношеские залеты воображения» (Задонский, с. 714). Кутузов занимал этот пост до 29 августа 1802 г. Есть основания думать, что Марин имеет в виду этот эпизод, позднее, в 1803 г., отразившийся в сатире Аргамакова, и что под «сатирами» понимаются именно «Сон» и какие-то другие, неизвестные нам стихи, но во всяком случае не басни (см. № 2 и 3). Косвенным подтверждением этому является текст сатиры Аргамакова, где упоминания о басне появляются лишь в печатной редакции 1806 г.; здесь после строфы 3 следует:

Чего не понимаешь,
О том ты так же врешь
И *ноги* заставляешь
Болтать нам вздор и ложь.

(Друг просвещения, 1806, № 4, с. 32)[1]. В строке 3 — указание на басню «Голова и Ноги» (см.: И. Мартынов и др.., «Звучащий стих, свободы ради...», М., 1976, с. 27). Имена адресатов сатиры в списке зашифрованы; раскрыты В. Н. Орловым. *Н<арышки>н* Александр Львович (1760—1826) — обер-камергер, меценат, «директор театральных зрелищ и музыки», известный острослов; у него собирался литературно-театральный круг, к которому был близок Д. (С. Н. Марин, А. А. Шаховской, А. В. Аргамаков, Д. В. Арсеньев). О долгах Нарышкина говорили в Петербурге, и он сам делал их предметом своих шуток (см.: Исторические рассказы и анекдоты из жизни русских государей и замечательных людей XVIII и XIX столетий, СПб., 1885, с. 284—285; А. Глушковский, Воспоминания балетмейстера, Л.— М., 1940, с. 137). *З<агряжск>ий* Николай Александрович (1743—1821) — обер-шенк двора в царствование Павла I. Как пример недалекого человека Загряжский (вместе с другими упомянутыми Д. лицами) фигурирует в анонимном стихотворном памфлете «Старик и молодой»: «...здесь умом своим Загряжский восхищает, Лаваль, Волконский князь, Кутайцов, Свистунов и Белосельский сам, светило из умов, Приятной остротой столицу обольщают» (РА, 1880,

кн. III, с. 388—390). *С <вистун>ов* Николай Петрович (ум. 1815) — камергер, приближенный Павла I, вышедший в отставку при Александре I. *Марин* Сергей Никифорович (1775—1813) — поэт, офицер Преображенского полка, знакомый Д. (см. о нем вступ. статью). *Ко<пь>ев* Алексей Данилович (1767—1846) — офицер Измайловского полка, известный острослов, драматург. *Для счастья нашего законы нам писал.* Намек на сделанный в 1799 г. Копьевым перевод трактата Неккера «Le bonheur des sots» («Счастье глупцов»); отсюда и сравнение с *Ликургом,* знаменитым законодателем древности. *Л<ава>ль* Иван Степанович, граф (1761—1846) — церемониймейстер двора, камергер; богач и меценат. *Б<агратио>н* Петр Иванович (1765—1812) был в 1803—1804 гг. шефом Егерского полка. Анекдот о длинном носе Багратиона приведен со слов Д. Пушкиным в лицейском дневнике 1815 г. (Пушкин, 12, с. 295; ср. более позднюю запись этого анекдота в «Table-Talk»,— там же, с. 158). *Д<иб>ич* Иван Иванович (1785—1831) — впоследствии фельдмаршал, в 1803 г. подпоручик Семеновского полка, знакомый Д. О физической непривлекательности Дибича Д. писал в своих воспоминаниях («маленькая, толстенькая, рыжая, криволицая... фигурка»,— Изд. 1893, т. II, с. 187, 292—293). *Андрюшка* — видимо, слуга Д.

2. РПЛ, с. 199; РС, 1872, № 4, с. 626; Лютня. II. Потаенная литература XIX столетия, изд. Э. Каспровича, Лейпциг, 1874, с. 59; РС, 1887, № 11, с. 471 (по списку С. Д. Полторацкого). Публикация 1872 г. осуществлена сыном Д., В. Д. Давыдовым, по его словам, с автографа; остальные — по дефектным спискам, в большинстве неизвестного происхождения. Автограф ныне неизвестен; в архиве Д. сохранились три поздних неисправных списка (Т-40, Т-63, Т-69). В Изд. 1933 (с. 69) и последующих публиковалось по наиболее полному списку ГПБ (архив Г. Р. Державина, переплет 38), содержащему отсутствующие в других списках ст. 6, 10—12, 22, 27 и дающему иное чтение ст. 33 («величество» вместо «могущество»). Этот текст (см. Другие редакции и варианты), как и тексты ряда других копий (РПЛ, копия Путяты — ЦГАЛИ, ф. 394, оп. 1, № 71 и др.), представляет собою раннюю редакцию басни, затем подвергшуюся стилистической правке. Ко второй (поздней) редакции восходят дефектный список Полторацкого, а также список ГПБ-2, в целом весьма авторитетный (см. в преамбуле к прим.), но с опиской в ст. 17 («боям» вместо «богам»), обессмысливающей строку. Печ. по ГПБ-2, с исправлением ошибки по списку Полторацкого. Об этой и след. баснях писал С. Н. Марин М. С. Воронцову 27 октября 1803 г.: «Давыдов кавалергардский написал две басни, которые я к тебе отправлю с первым курьером, ибо иначе послать их невозможно» (Марин, с. 296). В «Сне» А. В. Аргамакова (см. прим. 1) имеется прямой отклик на басню Д. О широком распространении ее в вольномыслящих кругах сообщал декабрист В. И. Штейнгель в письме Николаю I из крепости 11 января 1826 г.: «...кто не цитировал басни Дениса Давыдова „Голова и Ноги"!» (Мемуары декабристов. Северное общество, МГУ, 1981, с. 250). В некоторых списках приписывалась Пушкину (Вольн. поэзия, с. 780). О сюжете см. вступ. ст.; ср. также: Рус. басня, с. 547.

3. РВ, 1869, № 11, с. 70 (по списку из альбома П. А. Осиповой, под загл. «Деспот»); РС, 1872, № 4, с. 627 (публикация В. Д. Давыдова по ныне утраченному автографу, с цензурным пропуском в

ст. 27, под загл. «Река и зеркало»); С. Сухонин. Дела III отделения собств. е. и. в. канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине, СПб., 1906, с. 288 (список А. Ф. Леопольдова, под загл.: «Бич (басня)» и под именем Пушкина); Изд. 1933, с. 70 (по тексту В. Д. Давыдова, с тем же загл., с восполнением пропуска по др. спискам); Филологические науки, 1966, № 1(33), с. 180 (публикация А. А. Илюшина; контаминированный текст с исправлениями по списку музея И. С. Никитина (Воронеж) ст. 8, 24 и загл.: «Быль и басня»); Вольн. поэзия, с. 222 (текст Изд. 1933, с учетом конъектуры Илюшина в ст. 8 («правды он боится» вместо «не боится»). Печ. по ГПБ-2. Басня сохранилась в многочисленных списках; приписывалась Пушкину, реже Рылееву; как пушкинская фигурировала в политических процессах 1827 г. («дело Леопольдова») и в 1834 г. цитировалась И. Лелевелем (см.: В. Каллаш, Заметки о Пушкине.— ПиС, вып. V, СПб., 1907, с. 111—115). Списки отражают как читательскую «редактуру», так и разные стадии авторской работы; один из ее поздних этапов отразился в списке Леопольдова, «воронежском» списке, списке Н. В. Путяты (ЦГАЛИ, ф. 394, оп. 1, № 71, с загл.: «Басня и быль, как кто хочет» и с эпиграфом: «L'injustice à la fin produit l'indépendance» («Несправедливость в конце концов приводит к независимости» *(франц.)* и наиболее авторитетном из них — ГПБ-2. Басня — перевод басни французского поэта и дипломата Л. Ф. Сегюра (1753—1830) «Дитя, зеркало и река» («L'enfant, le miroir et la rivière»); в прозаическом переводе П. Ю. Львова была помещена в «Новостях русской литературы», 1802, ч. IV, с. 62—63.

4. Былое, 1906, № 7, с. 45 (по дефектному списку П. А. Ефремова); Изд. 1933, с. 146 (сводный текст по спискам П. П. Свиньина (ГПБ, ф. 679, оп. 1, № 133) и А. Т. Болотова (ГПБ, ф. 89, № 79), сверенным с другими копиями). Автограф неизвестен; существуют многочисленные списки разной степени достоверности и, по-видимому, отражающие разные стадии авторской работы над текстом. К наиболее ранним (по палеографическим данным) относятся списки из коллекции С.-Петербургского цензурного комитета (ЦГИА, ф. 777, оп. 25, № 1767) и близкий, но изобилующий искажениями и ошибками список т. н. «Остафьевского сборника» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5498). Той же редакции принадлежит и список П. П. Свиньина, относящийся к началу 1820-х годов и восходящий к раннему списку, не во всем разобранному переписчиком. Более исправный текст (на иной, видимо, позднейшей стадии авторедактуры) дают списки А. Т. Болотова и список из коллекции М. Н. Лонгинова (ИРЛИ, 23404), восходящие к одной редакции. Печ. по списку Болотова, с исправлениями ст. 4, 6, 18—20, 34, 48, 50, 74, 95, 108, 111, 120, где все другие списки дают иное чтение и есть основание предполагать описку или читательское изменение текста (см. Другие редакции и варианты, где даны наиболее существенные разночтения копий). На автора и дату указывает Болотов; его список имеет помету: «В Петербурге 1805» и пояснение: «Сие, хотя ловко сочиненное, но дерзкое и ядом и злобою дышащее и сожжения достойное стихосплетение пошло в народе в начале 1805 года. О сочинителе всеобщая молва носилась, что был он некто г. Давыдов, человек острый, молодой, но привыкнувший к таковым злословиям. И за сие будто бы был наказан ссылкой в Сибирь, чего он по всей справедливости был и достоин». Об этой басне, не называя автора, упоминает и Н. И. Греч (Записки о моей жизни, М.— Л., 1930, с. 210, 329—330). *Орлица* —

Екатерина II. *Турухтан* — Павел I. *Тетерев* — Александра I. *Хоть он глухая тварь.* Современники (в частности, Греч) улавливали здесь памфлетный намек на глухоту Александра I. *Пойдет стезей Орлицы.* В манифесте Александра I от 12 марта 1801 г. было объявлено о его намерении «царствовать... по сердцу» Екатерины II. *Любимцы ж царство разоряют.* Интерпретация этих строк содержится в записи переводчика и библиографа М. И. Антоновского: «В царстве орлов воцарился глухой тетерев и, подружившись по глупости своей с дроздами-щебетунами беспрестанными, подвергает через пагубное влияние дроздов царство орлиное неминуемой пагубе» (И. Мартынов и др., «Звучащий стих, свободы ради...», с. 30). Под дроздами-щебетунами понимается здесь круг ближайших друзей императора (Н. Н. Новосильцев, А. Чарторижский, П. А. Строганов, В. П. Кочубей), сторонников либеральных реформ.

5. Изд. 1832, с. 79. В Изд. 1840 — с цензурной заменой в ст. 3 («рома» вместо «бога»). Печ. по Изд. 1832. Автограф неизвестен; стих. встречается в многочисленных списках (ср., напр., список в записной книжке П. А. Вяземского — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104). В списке ИРЛИ содержится неудобное в печати окончание, представляющее собою как бы «ответ» Бурцова; принадлежность его Д. сомнительна. Датируется по содержанию и связи с № 6. *Бурцов* Алексей Петрович (ум. 1813) — гусарский поручик (с 1810 г. ротмистр), троюродный брат С. Н. Марина и дядя историка П. И. Бартенева; сослуживец Д. по Белорусскому гусарскому полку. Был известен как «буян и забияка»; однако замечание П. Д. Киселева, что стихи Д. писались «из боязни пьяного Бурцова» (А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселев и его время, т. III, СПб., 1882, с. 362), вряд ли справедливо, если иметь в виду дружеские связи Марина как с Бурцовым, так и с Д. С. П. Жихарев характеризует Бурцова как «доброго будто бы малого», но «величайшего гуляку и самого отчаянного забулдыгу из всех гусарских поручиков». По рассказу П. И. Бартенева, Бурцов умер в Бресте-Литовском «вследствие пари, заключенного в пьяном виде. Наскакал со всего бегу на околицу и раздробил себе череп» (С. П. Жихарев, Записки современника, М.—Л., 1955, с. 74, 705—706). Сведения эти, видимо, также легендарны; А. Н. Марин сообщал, что Бурцов храбро сражался в 1812 г., был тяжело ранен и умер на квартире (по др. варианту его рассказа — «в корчме на соломе»; см. Марин, с. 456, 485, 488—489). В рапортах Белорусского гусарского полка за 1812 г. Бурцов почти все время значится больным (ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, № 2253).

6. Изд. 1832, с. 81, с пропуском в ст. 46 слов «за вахтпарады», с иным окончанием (см. Другие редакции и варианты) и датой: 1804; Изд. 1840, с. 12, с тем же цензурным пропуском и изъятием ст. 47, замененного точками. Печ. по Изд. 1840, с восстановлением купюр по Изд. 1832, современным спискам (см., напр., ГБЛ, ф. 123. II. 46. 9) и кн.: Сочинения Давыдова, СПб., изд. А. Смирдина, 1848, с. 12. Автограф неизвестен, стих. часто встречается в списках. *Угар* — сорванец, кутила, буян. *Фланкировка* — действия кавалерии в рассыпном строю для прикрытия флангов. *И Георгья за совет.* Орден св. Георгия («Георгиевский крест») давался за непосредственное участие в сражениях. Пояснений требует также строка ранней редакции: «Пусть я буду век в заботах, Членом в мемельских расчетах...» Речь здесь, по-видимому, идет о свидании Александра I с прусским

королем Фридрихом-Вильгельмом III в Мемеле в мае-июне 1802 г., во время которого наметилось политическое сближение России и Пруссии; встреча сопровождалась парадами, маневрами и смотром прусских войск.

7. Изд. 1832, с. 85. Печ. по Изд. 1840, с. 14. По содержанию и стилистическим особенностям примыкает к «бурцовским» посланиям и датируется по этим основаниям тем же 1804 г. *Лучше б в поле закричали...* и т. д. По-видимому, автобиографический намек: к 1804 г. Д. еще не участвовал в сражениях. *Бурцов, брат! что за раздолье!* В Изд. 1832 в этом стихе (как и в ст. 16) вместо фамилии «Бурцов» стоит инициал «Ф......» (см. Другие редакции и варианты); по-видимому, стих. либо изначально было обращено не к Бурцову, либо позже переадресовано. Может быть, «Ф......» — Василий Михайлович Фиглев (1779—1849), которого Д. упоминает в своих мемуарах «1812 год»,— сослуживец Д., штаб-ротмистр Белорусского гусарского полка (с 17 июля 1803 г.), участник походов 1799—1800 гг.; в 1812 г., майором в отставке, поступил в Конно-Казачий полк Тверского ополчения, начальствовал над командой, действовавшей в Подмосковье (Соч. 1962, с. 290, 525), и проделал весь заграничный поход; по данным аттестата, отличался исключительной храбростью (ЦГИА, ф. 1343, оп. 31, № 746; В. к. Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь, т. I, М., 1914, с. 898). *И в боях качай-валяй!* Это выражение варьировал Вяземский в стихотворении, обращенном к Д. («Катай-валяй (Партизану-поэту)», 1820?).

8. Собр. р. стих., ч. II, М., 1810, с. 215, без подзаг.; ВЕ, 1811, № 1, с. 26 (под загл. «Премудрость», без подзаг., подп.: «Да...ов»). Печ. по Изд. 1832, с. 33. Вошло в Изд. 1840. Написано по возвращении Д. в Россию после заключения 27 июня 1807 г. Тильзитского мира (см. вступ. статью). Травестировано Пушкиным («Мы недавно от печали...», 1814). См.: Пушкин, 1, с. 303.

9. ВЕ, 1808, № 12 (июнь), с. 211, под загл. «Договор», подп.: «Д....в» (см. Другие редакции и варианты); БдЧ, 1837, т. 23, отд. I, с. 148, с прим.: «Стихотворение это, говорит автор, напечатанное 1808 года в «Вестнике Европы», принято было за элегию, тогда как оно, под личиною элегии, есть сатира на старых холостяков, заключающих брачные союзы с молодыми и светскими девушками. Вот почему он решился его переделать, исправить и выдать в свет». Примечание представляет собой отредактированный и сокращенный текст авторского примечания Д. (см. Другие редакции и варианты). Изд. 1840, с. 1. Автографы: Т-63 (переработка первой ред.), Т-69 (вторая ред.). Печ. по Изд. 1840 с уточнениями по автографу Т-69; как и в Изд. 1933, по автографу Т-63 восстановлен ст. 148, пропущенный в Т-69 и печатных изданиях. Написано по возвращении Д. в Россию после заключения 27 июня 1807 г. Тильзитского мира (см. «Очерк жизни Д. В. Давыдова»). Стихотворение было популярно и неоднократно перепечатывалось, однако не было включено автором в Изд. 1832 по художественным соображениям («все почти рифмы на глаголы»,— Письма к Вяз., с. 36). Прим. Д. ко второй ред. содержит авторскую переоценку жанровой природы стих. В качестве «Элегии III. Договор» «Договоры» были включены в ГПБ-1 и ГПБ-2. Ср. также отзыв А. А. Бестужева: «В нежном роде — «Договор с невестою» и несколько элегий; в гусарском —

залетные послания и зачашные песни его (Д.— *Сост.*) останутся навсегда образцами» (А. А. Бестужев-Марлинский, Соч. в 2-х тт., т. 2, М., 1958, с. 531). В 1840 г. Белинский расценил «Договоры» как ранний и малоудачный опыт Д., отметив «классическую замашку» и «тяжелую ломоносовскую фактуру шестистопного ямбического стиха» этого произведения, в то же время тронутого «духом сантиментальности»; критик оспорил и примечание в БдЧ (Белинский, 4, с. 364—365). Стих.— вольный перевод «Mes conventions» французского поэта Этьена Виже (Vigée, 1768—1820); к этому источнику обращался также С. Н. Марин («Договор с нею», в поздней ред.— «Договор с Лилой»; см. Марин, с. 36, 161, 355). *Но вечереет день, уж солнце за горами* — парафраза начала «Сельского кладбища» В. А. Жуковского (1802).

10. СО, 1838, т. III, отд. III, с. 190, в составе статьи Д. «Воспоминание о Кульневе в Финляндии». «Во время перехода к Пигаиокам (после победы при селении Иппери 3 апреля 1808 г.—*Сост.*),— вспоминал Д.,— я, для смеху, сочинил мысленно стихи и проговорил их Кульневу. Вот все, что из них помню» (следует текст). *Кульнев* Яков Петрович (1763—1812) — генерал, командующий авангардом русских войск в русско-шведской войне 1808—1809 гг., очень ценимый современниками как полководец и как личность безупречных нравственных качеств. Д. служил в авангарде под командованием К. и был близок к нему. *Как он среди снегов в рубашке кочевал* и т. д. Кульнев был известен своими чудачествами, в которых видели подражание Суворову (по мнению Д., несправедливо). По рассказу Д., Кульнев «надевал иногда финский колпак или разного рода скуфьи и ермолки», но делал это «из балагурства, может быть, из страсти носить что-нибудь странное на голове», и никогда не появлялся в таком наряде перед войском (Соч. 1962, с. 265, 273; ср. изображения его в ермолке: А. В. Корнилова, Картинные книги. Очерки, Л., 1982, с. 79). Далее Д. имитирует своеобразный слог приказов Кульнева, о которых также пишет в статье. *Левенгельм* Густав Карл Фредрик (1771—1856) — начальник главного штаба шведской армии, взят в плен Кульневым после разгрома *Ниландского полка* в бою при Иппери. *Клингспор* Вильгельм Мориц, граф (1744—1814) — фельдмаршал, командующий шведскими войсками в 1808—1809 гг.

11. ВЕ, 1811, № 1, с. 24, без подзаг.; Изд. 1832, с. 43. Печ. по Изд. 1840, с. 51. Копия — ГПБ-2. Перевод басни «Роза и Скворец» («La Rose et l'Etourneau») Ж. Делиля (1738—1813). В автобиографии Д. вспоминал, что перевел эту басню после занятия острова Карлое (12 апреля 1808 г.) и во время отступления до Гамле-Карлеби по льду Ботнического залива, «при селении Химанго, в виду неприятельских аванпостов».

12. Изд. 1832, с. 102. Копия рукой П. А. Вяземского — в его записной книжке (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1104; см. Другие редакции и варианты; другая копия (по-видимому, с автографической подписью) — ИРЛИ, 14203. Вошло в АЖ. *Строгонов* (Строганов) Павел Александрович, граф (1774—1817) — государственный деятель, входивший в ближайшее либеральное окружение Александра I; участник турецкой кампании 1809—1810 гг., где общался с Н. Н. Раевским и Д.; подобно им, покинул армию осенью 1810 г. из-за трений с

главнокомандующим графом Н. М. Каменским (АР, 1, с. 112, 116); много позднее Д. называл его своим «хорошим приятелем» (Изд. 1933, с. 239). *Мой предок Чингисхан.* Родоначальником Давыдовых был выходец из Большой Орды мурза Минчак (XV в.). *Линдор* — персонаж «Севильского цирюльника» Бомарше и опер на этот сюжет; тип галантного влюбленного. В ранней редакции *Мирлифлор* — имя жеманного сентиментального писателя из сатиры Д. П. Горчакова «Письмо к другу моему Николаю Петровичу Николеву» (1806).

13. Изд. 1933, с. 85, по автографу ГПБ (ф. 232 (Д. Давыдова), оп, 1, № 1). На обороте листа — запись рукой Д.: «Графу Александру Николаевичу от покорного слуги Дениса Давыдова обещанные стихи для польского». Граф А. Н. Самойлов (1744—1814) — генерал-прокурор при Екатерине II, дядя А. Л. Давыдова; его имение Смела находилось в 30 верстах от Каменки. О датировке см. след. прим. *Племянница* — Аглая Антоновна Давыдова, рожд. герцогиня де Граммон (1787—1847), жена двоюродного брата Д., Александра Львовича, которой Д. был увлечен во время своего пребывания в Каменке. Стихи написаны от имени А. Н. Самойлова, отсюда и их название.

14. Изд. 1832, с. 19, под загл. «Подражание Горацию»; Изд. 1840, с. 49. В Изд. 1933 (с. 85) по автографу Т-63 исправлена опечатка в ст. 1 («боги милосердные»). Печ. по Изд. 1840, с исправлением по автографу этого стиха, а также ст. 3 (в Изд. 1832 и 1840 «лишилась прелестей»). Подражание оде VIII (кн. II) Горация (65—8 до н. э.). Обращено к А. А. Давыдовой. Датируется временем пребывания Д. в Каменке, которое устанавливается различно; называется 1809 г. (Изд. 1893, с. 27; Жерве, с. 21; Изд. 1933, с. 238; ср. Задонский, с. 171), 1808 г. (Соч. 1962, с. 65) и 1810 г. (Сб. биогр., с. 33). Известное нам посещение Д. Каменки относится к сентябрю 1810 г. Вероятны также приезды в 1811 г., во время стоянки главной квартиры в Житомире, когда «вечно влюбленный» Д. по нескольку недель бывал в отлучках. В. Д. Давыдов склонен был относить увлечение Д. и написание этого стих. как раз к этому времени (на автографе карандашом помета: «1811»); рассказ его, однако, хронологически не вполне точен (РС, 1872, № 4, с. 631—632).

15. Собр. р. стих., ч. V, с. 276, под загл. «К портрету». Печ. по Изд. 1832, с. 107. Вошло в Изд. 1840 (без загл., раздел «Эпиграммы», № 6). По свидетельству современника, А. М. Тургенева, адресат эпиграммы — генерал Федор Петрович Уваров (1769—1824), в 1802—1803 гг. шеф Кавалергардского полка, в котором служил Д. Уваров был близок к Павлу I и затем к Александру I и сделал карьеру благодаря связи с кн. Е. Н. Лопухиной, матерью фаворитки Павла. О глупости Уварова ходили анекдоты; А. М. Тургенев вспоминал, что «он был совершенная невежда» и хотя «вечно в разговорах дичь порол», «два императора дичь Уварова благосклонно слушали. Денис Давыдов остро и справедливо сказал про Уварова, что он „умничает глупо, а дурачится умно“» (РС, 1885, № 11, с. 250). В сочинениях и письмах Д. отзывы об Уварове неизменно положительны; однако Вяземский вспоминал, что Д. рассказывал анекдоты про Уварова, изображая его мимически (РА, 1866, стлб. 899—900). Существовала ничем не подкрепленная версия, что адресатом эпиграммы является И. А. Крылов, якобы назвавший Д. «трещоткой» (НВр).

16. СО, 1820, № 44, с. 178. Печ. по Изд. 1832, с. 37, где дата: 1811 (в Изд. 1840 не вошло). Включено в АЖ. Копия ГПБ-2. Первая публикация вызвала реплику Вяземского в письме А. И. Тургеневу от 13 ноября 1820 г.: «Зачем печатать такие неисправные стихи Дениса, и верно без его ведома?» (ОА, 2, с. 102). Отсылка к этим стихам есть в стих. Вяземского «Коляска» (<1826>). Источник — куплеты французского поэта Жозефа Пэна (1773—1830) «Житье холостяка» («Le ménage d'un garçon»), пользовавшиеся популярностью (см., напр., запись их в тетради П. П. Каверина,— Щербачев, с. 96).

17. Изд. 1933, с. 143, по автографу Т-63. *Толстой* Федор Иванович (1782—1846), по прозвищу «Американец» — близкий приятель Д. с романтической биографией, адресат стихов Вяземского и Пушкина, прототип Удушьева в «Горе от ума», известный бретер и картежник. Обстоятельства его ссоры с полковником бароном Егором Васильевичем *Дризеном* (ум. 1812), с 1810 г.— командиром Преображенского полка, не вполне ясны. Некоторые мемуаристы сообщают, что Толстой плюнул на Дризена. Ссора окончилась дуэлью. Имя Дризена («с немецкой харею» «барона») Толстой упомянул в одном из своих стихотворений (Изд. 1933, с. 280—281).

18. Изд. 1832, с. 61, с датой: 1811. Автограф (с загл. «Партизан Давыдов») и подписью-пометой: «Партизан Давыдов. 1819-го года 18 маия. Москва» — ЦГАЛИ, ф. 1061, оп. 1, № 1. Автограф, несомненно, перебеленный, дата — вероятно, время записи. В Изд. 1840 не вошло, по-видимому из опасений тематического дублирования: позднее Д. написал близкую по теме и поэтике декларацию «Ответ», которую и ввел в сборник (стих. № 63).

19. Изд. 1832, с. 97. Печ. по Изд. 1840, с. 65. Автограф не сохранился. Традиционно датируется 1826 г., временем отъезда Д. на Кавказ. Однако такая датировка — результат неточной интерпретации заглавия, где «Товарищу» — название (в Изд. 1840 после него — точка; в Изд. 1832 и 1840 оно, кроме того, выделено шрифтом), а «1812 года, на пути в армию» — пояснительный подзаголовок, с указанием времени и обстоятельств написания. Дата: 1826 противоречит и реалиям стих. (см.: Изд. 1933, с. 254). В 1826 г. Д. уезжал, действительно, в подавленном настроении («я дал горю излиться горячими слезами»), но не из-за любовных неудач (о чем идет речь в стихотворении), а из-за предстоящей разлуки с детьми и женой; жену Д. нарочно вызвал из подмосковной, и она проводила его «до заставы» (ср. со ст. 6—8); простившись с ней, Д. «сел в коляску и поехал далее» (ср. со ст. 8, 11). («Воспоминания о 1826 годе».— Изд. 1893, 2, с. 186, 192; ЛН, т. 19-21, с. 330—331). Обстоятельства отъезда Д. в армию в 1812 г. в деталях неизвестны; известно, однако, что он был холост и у него был какой-то неудачный роман (ср. в «Дневнике партизанских действий 1812 года»: «В то время я пылал страстью к *неверной,* которую полагал *верною»,*— Соч., 1962, с. 340); в письме к Вяземскому из Петербурга от 25 августа 1811 г.: «Красавицу свою видел только один раз»,— Письма к Вяз., с. 1; в том же письме Д. сообщал о своей предстоящей поездке в Житомир. Возможно, в стихах отразилось воспоминание о прощальной встрече.

20. Столица и усадьба, 1915, № 42, с. 4, без последнего ст. Печ. по РС, 1916, № 5, с. 310. Автограф — ГПБ, ф. 124 (собр. П. Л. Вакселя), № 1431, с подп.: «Давыдов, поэт и партизан», возможной не ранее осени 1812 г. (ср. аналогичную подпись под французской запиской от сентября-октября 1812.— Изд. 1893, 2, с. 68). К этому же времени относится и ироническое описание личности Наполеона в письме Д. П. П. Коновницыну (26 декабря 1812 г.— Изд. 1893, 3, с. 147—148); более поздние упоминания о Наполеоне у Д. серьезны и уважительны. Стих.— перевод анонимной французской эпиграммы «L'orgue corse affamé d'exploits...» (РЭ, с. 719). В эпиграмме речь идет о возведении Наполеоном в 1806—1808 гг. на европейские престолы (неаполитанский, испанский, голландский, вестфальский) своих братьев — Жозефа, Людовика и Жерома.

21. Сириус. Собрание сочинений и переводов в стихах и прозе. Издано М. А. Бестужевым-Рюминым, кн. I, СПб., 1826, с. 71, с датой и пометой: «1814. Дрезден». В Дрездене Д. был не в 1814, а в 1813 г. Однако ошибочна, может быть, не дата, а помета: содержание стих. резко противоречит напряженной обстановке, в которой находился Д. во время занятия Дрездена (см. очерк Д.: «Взятие Дрездена в 1813 году»). Адресат не установлен.

22. Рецензент, 1821, № 2, с. 8; Р. инв., 1822, № 24, 27 янв., с. 96; Изд. 1832, с. 3, с датой: 1814. Вошло в Изд. 1840. Изд. 1933, с. 92 (в расширенной ред., см. ниже). Печ. по Изд. 1832. Автографы: Т-63; бумаги А. А. Майкова (ГПБ, ф. 452, оп. 1, № 610, л. 37, подп.: «Партизан Давыдов»); альбом С. Н. Батюшковой (ГПБ, ф. 52, № 244), под загл. «Ивановой». Копии: ГПБ-1, ГПБ-2 (под загл. «Элегия I-ая. Восторг»); копия Пушкина (1815; см. Рукою П., с. 476—478). В автографе альбома Батюшковой — приписка без даты, адресованная В. А. Жуковскому: «Посылаю любезному Василью Андреевичу последние стихи мои — с тем же уговором, как и прежние. Ваш слуга Денис Давыдов. NB Иванова — танцовщица, в которую влюблен партизан» (ЛН, т. 19-21, с. 334). Эта ранняя редакция содержит еще 4 стиха, составляющих концовку (см. Другие редакции и варианты). На том же листе — помета П. А. Вяземского (не Жуковского, как ошибочно определено в Изд. 1933 и ЛН, т. 19-21): «Я советую выкинуть последние четыре стиха, тем более, что «и на груди ее воздремлет утомленный» стих прекраснейший». Д. последовал этому совету: ни более поздние автограф и копии, ни печатная редакция этих стихов не содержат. В Изд. 1933 они были восстановлены по автографу как выброшенные по соображениям автоцензуры (упоминание «царей» и «бога» в «кощунственном» контексте любовной элегии),— однако здесь, несомненно, действовали художественные соображения: риторизм первоначального окончания заменялся сильным кадансирующим стихом, устранялся ряд поэтических общих мест и формул и т. д. (ср., напр., в «Суйде» (1797) В. Л. Пушкина: «Чего желать тому? — он все уже имеет» — Собр. р. стих., ч. V, с. 209). Это заставляет считать Изд. 1832 последней авторской редакцией. Посвящено Татьяне Ивановне Ивановой (ок. 1799 — после 1857), танцовщице московской балетной труппы, предмету сильного и длительного увлечения Д. Иванова выступала на сцене еще будучи ученицей театрального училища, в 1810—1811 гг. (см. В. М. Красовская, Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века, М.— Л., 1958, с. 177—178; ср. также посвященные ей стихи

Д. И. Вельяшева-Волынцева «Девице Ивановой, в балете „Остров невинности“» (с датой: «1814. Сентября 9») в «Амфионе» (1815, № 8, с. 41), где помещены и стихи ей Д. По воспоминаниям Вяземского, «была она красавица и необыкновенно стыдливо-грациозна. Денис воспламенился ею с чистою страстью целомудренного и пламенного Петрарки» (РА, 1866, стлб. 900). В 1815 г. Иванова триумфально выступила в нашумевшем дивертисменте «Семик, или Гулянье в Марьиной роще» (впервые — 25 января), о котором также упоминал Вяземский как о сильном театральном впечатлении (П. А. Вяземский, Соч. в 2-х тт., т. 2, М., 1982, с. 230—231); Д. вместе с В. Ф. и Ф. Ф. Гагариными, К. А. Ржевским, С. В. Каро и др. «вызывали до охриплости» на сцену Иванову и остальных исполнительниц (А. П. Глушковский, Воспоминания балетмейстера, М.—Л., 1940, с. 134, 228). В конце 1815 г. Д. признавался Вяземскому, что «по сю пору влюблен в нее как дурак» (Письма к Вяз., с. 2, 3, 5). Н. А. Полевой вспоминал, что Д. рассказывал ему об Ивановой (с 1816 г. Глушковской) «через двадцать пять лет»: «Этаких глаз я уж потом не видывал — голубых, чудных, небесных!» (Н. Полевой, Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии,— Репертуар русского театра, 1840, кн. 2, с. 8). *Боги Пафоса* — Афродита (Венера) и Эрот (Амур); Пафос — город в Древней Греции, место поклонения Афродите. *Бог Фракии* — Арей (Марс), культ которого был особенно распространен в этой стране.

23. Амфион, 1815, № 5, с. 66, под загл. «Элегия», подп.: «Днс. Дадв»; вторично, как неизданное — РА, 1874, кн. II, с. 752 (текст, сообщенный М. В. Юзефовичем по неизвестному источнику); Изд. 1933, с. 92 (по тексту РА (не «Амфиона», как неточно указано в примечаниях), с исправлениями по автографу Т-63). Печ. по автографу Т-63, более позднему, чем печатная редакция. Копии (под загл. «Элегия II-я. Заточение») — ГПБ-1, ГПБ-2. В Т-63 дата карандашом: 1814. Посвящено Т. И. Ивановой (см. предыдущ. прим.) М. В. Юзефович вспоминал: «Эта элегия написана к одной воспитаннице Московского театрального училища, в которую поэт был влюблен, о чем я узнал от него самого. <...> В одну из <...> бесед я спросил его: кто ему внушил эту страстную песню? — Актриса, братец, актриса! — пропищал он, смеясь, и назвал ее; но я забыл ее имя» (РА, 1874, кн. II, с. 734). Легендарные сведения по истории этой элегии записал П. П. Каверин, слышавший, что Д. якобы написал ее «девушке, которую он увез из института» (Щербачев, с. 123—124). В Изд. 1832 Д. не включил это стих. («элегию на Украсова»), наряду с другими, которые «от изобилия эпитетов слишком много принадлежат школе Буше, Вандо, Миньяра, т. е. фаянсовой живописи» (Письма к Вяз., с. 36). Подражание элегии Альбия Тибулла (54—19 гг. до н. э.) (кн. I, элегия II). *Угадывать окно обители твоей.* О «поэтическом окне театральной кельи Ивановой (Глушковской)», которое было видно из дома Вяземского, Д. вспоминал в письме к Вяземскому от 22 марта 1833 г. (РЛ, 1980, № 2, с. 157). *И свищет резкий ветр в власы оледенелы.* Парафраза строк из I песни «Иснеля и Аслеги» Э. Парни (см. их также у Пушкина — «Осгар» (1814), стих 47). *Мучитель твой.* Речь идет об актере А. А. Украсове (1757—1839), которому был поручен надзор за воспитанницами,

24. ПЗ на 1823, с. 106 (под загл. «Элегия»); Изд. 1832, с. 5, под загл. «Элегия II», с датой: 1815. Вошло в Изд. 1840 (без загл.). Печ. по Изд. 1832. Автографы: Т-31 (черновой набросок), ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5311 (под загл. «Ей» и с исправлением рукой Вяземского, см. Другие редакции и варианты); Т-63. Копия — ГПБ-1 (под загл. «Элегия IV-я. Оправдание»). *Российская Терпсихора* — Т. И. Иванова.

25. СО, 1820, № 49, с. 127, под загл. «Военная песня». Печ. по Изд. 1832, с. 75, где дата: 1815. Вошло в Изд. 1840. Включено в АЖ. Автограф — Т-31. Копия — ГПБ-2. Свободное подражание популярному французскому романсу «Je me sens né pour la guerre» (текст его Д. вписал в Т-31).

26. Изд. 1832, с. 23, под загл. «Другу-повесе», с цензурным пропуском слов «бог богов» в ст. 36; Изд. 1840, с. 69, без загл. Здесь пропуск восстановлен, но произведены цензурные замены в ст. 7—8 («И важных муз пенье, с харитами житье») и 55 («Меж радостей чудесных»). Печ. по Изд. 1933, с. 95, где авторский текст восстановлен по автографу и печатным изданиям, но без загл. (в соответствии с Изд. 1840). Автографы: Т-31 (под загл. «Другу, на мои именины»); ГПБ, ф. 286 (В. А. Жуковского), оп. 2, № 273 (под загл. «Другу»). Обращено к Ф. И. Толстому (см. прим. 17). Датируется по положению в тетради и по времени пребывания Д. в Москве. По-видимому, связано с посланием Вяземского «К партизану-поэту» (1815). Отражает воздействие «Моих пенатов» Батюшкова (см. вступ. статью). *Крепс, понтировка* — термины карточной игры.

27. Изд. 1933, с. 144, по автографу Т-31. Печ. по тому же источнику, но в ином чтении. Автограф — черновой набросок, позволяющий лишь условно реконструировать текст (см. еще один вариант реконструкции: Изд. 1984, с. 110). Датируется по положению в тетради; на последующих листах находятся № 28, 29, а также записанные по памяти и не полностью строфы стих. Жуковского «Младенец (В альбом графини О. П.)» (О. С. Потоцкой), датируемого январем — мартом 1815 г. Набросок отражает укрепившиеся связи обоих поэтов (ср. интимный тон посвящения с запиской 1814 или 1815 г. с обращением на «вы», прим. 22). Осенью 1815 г. Д. уже пишет Жуковскому письмо в Петербург, остерегая его от воздействия двора (Письма к Вяз., с. 3-4; ОА, 1, с. 415; здесь письмо Вяземского Жуковскому напечатано как письмо А. И. Тургеневу). *Долг красен платежом* и т. д. Речь, по-видимому, идет о «Певце во стане русских воинов» (1812), где есть строки, посвященные Д.

28. Изд. 1933, с. 143, по автографу Т-31 (незаконченный черновой набросок). Датируется 1815 г. (см. прим. 27, 29). 1 июня 1815 г. Д. сообщал А. А. Закревскому, что спешил из отпуска «к своему месту, т. е. в Ахтырский полк», и был задержан в Варшаве по приказанию великого князя (см. вступ. статью); «...каково мне терпеть,— писал он,— когда другие идут драться» (Сб. РИО, т. 73, с. 509). Эти обстоятельства, видимо, и дали повод к прощальному стихотворению.

29. Изд. 1933, с. 144, по автографу Т-31 (подп.: «[Денис] Партизан-поэт»). Изд. 1984, с. 109, по тому же автографу, но в ином чтении. Печ. по Изд. 1984. О дате см. прим. 27, 28. *Пустыня тихая,*

сует уединенна. Речь идет об имении Д., куда он уехал в конце июля или в августе 1815 г., лишенный возможности вернуться в полк (ср. ст. 2 ранней ред.: «В тебе я позабыл все горести мои», где есть намек и на служебные неприятности, см. вступ. статью). 1 сентября 1815 г. Д. сообщал Закревскому, что живет в деревне «в покое» и работает над историей войны 1812—1814 гг. (Сб. РИО, т. 73, с. 510—511). *Но будь ты на холмах Аи.* Речь идет о городке Аи в Шампани, где производилось вино этой марки.

30. Рецензент, 1821, № 20, с. 80; Р. инв., 1822, № 11, 13 янв., с. 44 (перепечатка); Эвтерпа, или Собрание новейших романсов, баллад и песен известнейших и любимых русских поэтов, М., 1831, с. 124 (ранняя ред.). Печ. по автографу Т-63, где ред. «Рецензента» подверглась стилистической правке; ст. 18, где правка не окончена (повторена рифма ст. 20, см. Другие редакции и варианты), сохраняется в печатной редакции. В автографе все стих. зачеркнуто и проставлена (может быть, самим Д.) дата: 1815. Копия — ГПБ-1 (под загл. «Элегия V»). Адресат неясен; возможно, это Т. И. Иванова. В Изд. 1933 (с. 251) отнесено к Е. А. Злотницкой (см. прим. 32; ср. упоминание «Лизы» в вариантах ст. 27, см. Другие редакции и варианты); однако «Лиза» — обычное условно-поэтическое имя. Дата автографа также противоречит такому предположению.

31. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820-го и начала 1821-го, статского советника Гавриила Геракова, Пг., 1830, с. 57, с объяснением: «...известный славный партизан наш, Ден<ис> Дав<ыдов>, в молодости своей, в порыве добродетельных страстей своих, по прочтении моего труда «Твердость духа русских», прислал мне следующие стихи» (приводится текст). *Гераков* Гавриил Васильевич (1775—1838) — литератор, близкий С. Н. Марину, Ф. И. Толстому и постоянный объект их сатирических выпадов; *сочиненье* его — «Твердость духа русских» (чч. 1—3, СПб., 1813—1814). *Оно утешило мое уединенье.* По-видимому, Д. пользовался книгой Геракова в деревне, для военно-исторических работ (см. № 29 и прим.); таким образом, по содержанию стих. может быть предположительно датировано 1815 г.

32. Тр. МОЛРС, 1816, ч. V, Стихотворения, с. 84, под загл. «Элегия»; Сев. звезда, 1829, с. 293, под загл. «Утро. Элегия», подп.: «Д. Д — в». Печ. по позднему автографу Т-63, без учета неоконченной правки в ст. 30—32. В автографе стих. зачеркнуто карандашом; помета «переделать» и дата (ошибочная): 1818. Копия, с загл. «Элегия VIII. Утро» (номер исправлен Жуковским на «VII», см. прим. 33) —ГПБ-1. Вместе со след. стих. читалось В. Л. Пушкиным в отсутствие Д. в МОЛРС 26 мая 1816 г. (МОЛРС, Ист. зап., с. 67). Свободный перевод (по существу переработка) V элегии Э. Парни (1753—1814). *Уже, о счастие! не вижу пред собой* и т. д. Адресат этих строк неизвестен. Отнесению их к Е. А. Злотницкой (см. Изд. 1933, с. 250; Соч. 1962, с. 562) мешает как хронология, так и реалии: ср., напр., с. 16—17 (автобиографические, отсутствующие у Парни), из которых следует, что Д. был знаком с адресатом еще до 1812 г. Тот же лирический мотив — в стих. № 36. Может быть, об адресате этих строк идет речь в письмах Д. Вяземскому от 2 июня и 28 июля 1818 г., где он упоминает о женщине, которую любит «так давно и с каждым днем более и более» и которая летом 1818 г. под

воздействием каких-то внешних обстоятельств должна была выехать из Софиевки в Петербург; в письме Вяземского она была названа «источником... элегий» Д. (Письма к Вяз., с. 10, 11—12).

33. Тр. МОЛРС, 1816, ч. VI, Стихотворения, с. 33; Сев. звезда, 1829, с. 29 (под загл. «Угрозы. Элегия», подп.: «Д. Д — в»); Изд. 1832, с. 7 (под загл. «Элегия III» и с ошибочной датой: 1818). Печ. по Изд. 1840, с. 56. Копия, почти идентичная тексту Сев. звезды,— ГПБ-1 («Элегия VII. Угрозы», номер исправлен на «VI» рукой Жуковского). Читалось в МОЛРС 26 мая 1816 г. (см. прим. 34). Вольный и сокращенный перевод IX элегии Парни. Адресат неизвестен; может быть, тот же, что и в стих. № 32.

34. Сев. звезда, 1829, с. 67, подп.: «Д. Д.» (в оглавлении: «Д. В. Д — ва»), вместе со стих. «Утро», «Угрозы» и «Романс» (№ 32, 33, 40). В предисловии сообщалось, что стихи принадлежат «одному из лучших наших писателей» и «суть из числа прежних произведений пламенной его музы: они написаны им за несколько лет перед сим» (с. VI). Копия — ГПБ-1 («Элегия VI»). Печ. по Сев. звезде, с исправлением мелких неточностей по ГПБ-1. В ГПБ-1 жанровое обозначение зачеркнуто рукой Жуковского, на полях карандашом: «Эти стихи должно выкинуть — они ошибкой замешаны в элегиях». Помета сделана в конце 1817 — начале 1818 г. По-видимому, это стихотворение имеется в виду в письме Д. Вяземскому из Киева от 7 января 1817 г.: «Посылаю тебе 6-ю элегию; некоторые места мне самому не нравятся, я их подчеркнул карандашом и прошу поправить, да непременно поправить, иначе я точно рассержусь» (Письма к Вяз., с. 5). Это позволяет датировать стих. 1816 г. По-видимому, относится к Елизавете Антоновне Злотницкой (1800—1864), предмету увлечения Д. В 1816 г. он делал предложение Злотницкой и получил согласие, но вынужден был отложить свадьбу до устройства своих материальных дел. Накануне ожидаемого бракосочетания Злотницкая в отсутствие Д. дала согласие кн. Петру Алексеевичу Голицыну (1792—1842) и в 1820 г. вышла за него замуж (РС, 1872, № 4, с. 635—636; Н. Н. Голицын. Род князей Голицыных, ч. I, СПб., 1892, с. 170). *Скажет также, без сомненья, И жестокая: увы!* Курсив в тексте означает цитату. Эти слова — ироническая отсылка к стих. Н. М. Карамзина «К неверной»: «Жестокая!.. увы! могло ли подозренье Мне душу омрачить?» и т. д. (Аониды, кн. 2, М., 1797). Скрытые цитаты и реминисценции из этого стихотворения у Д. нередки: заглавие «Неверной» носят ранние ред. стих. «Неужто думаете вы?..» (№ 37) и «Элегии VII» («Нет! полно пробегать с улыбкою любви...»); в «Дневнике партизанских действий 1812 года» упоминается о «неверной», которую Д. «полагал верною» (см. прим. 19); здесь курсивы — отсылка к двум стих. Карамзина в «Аонидах»: «К неверной» и «К верной».

35. Изд. 1832, с. 98, под загл. «Решительный вечер» (см. Другие редакции и варианты; та же ред. в РС, 1887, № 11, с. 472, но под загл. «К невесте» — список С. Д. Полторацкого). Печ по Изд. 1840, с. 15. Автографы: ЦГАЛИ, ф. 1061, оп. 1, № 1; ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5311 (последний — под загл. «Разлука); список (близкий списку Полторацкого и с тем же загл.) — в альбоме семьи Путят (ЦГАЛИ, ф. 394, оп. 1, № 70). Вошло в АЖ, что не позволяет отнести стихотворение к невесте, а затем жене Д.— Софии Николаевне

Чирковой (см. Изд. 1933, с. 253), помолвка с которой состоялась 2 февраля, а свадьба — 13 апреля 1819 г. (Задонский, с. 718). Стих., несомненно, относится к Е. А. Злотницкой и должно датироваться по содержанию 1816 г., когда Д. «весь <...> год провел в поездке» и был в Петербурге, устраивая свои материальные дела к предстоящей свадьбе (см. Письма к Вяз., с. 5; Изд. 1893, 3, с. 154). *Абшид* — отставка; *На тройке ухарской стрелою полечу* и т. д. Поездки Д. в 1816 г. отчасти восстанавливаются по письмам к А. А. Закревскому (Сб. РИО, т. 73, с. 513; ЦГИА, ф. 660, оп. 1, № 107): до начала февраля он был в Киеве, после чего уехал в Москву и вернулся в середине марта; в мае — начале июля был в Елисаветграде, в начале сентября — в Белице (Сб. РИО, т. 73, с. 514; СПб. вед., 1816, № 76). 20 сентября 1816 г. П. М. Волконский писал Д., что аренда будет ему назначена «по событии» его «предположений», т. е. женитьбы на Злотницкой (Задонский, с. 392). Между 1 и 5 ноября Д. приехал в Петербург из Могилева (Могилева-Подольского) и пробыл почти до конца года (СПб. вед., 1816, № 89, 1 приб., с. 894; Задонский, с. 717). Комментария требует также строка ранней ред.: *Сегодня пред отцом в словах не лицемерь.* По-видимому, здесь подлинная реалия, также указывающая на Злотницкую как на адресата (Н. А. Чирков, отец жены Д., умер еще в 1806 г., и переговоры шли с ее матерью Е. П. Чирковой, рожд. Татищевой, см.: РС, 1872, № 4, с. 628—629). Отец Злотницкой был жив в 1816 г.

36. Тр. МОЛРС, 1817, ч. VII, Стихотворения, с. 48; ПЗ на 1823, с. 386. Вошло в Изд. 1832, под загл. «Элегия IV», с цензурным пропуском слова «бога» в ст. 18 и ошибочной датой: 1818. Печ. по Изд. 1840, с. 58, с исправлением опечаток и восстановлением цензурной замены в ст. 18 («славу» вместо «бога») по автографу и копии. Автограф также с датой 1818 — Т-63. Копия («Элегия IX. Неверной»; нумерация исправлена Жуковским на «VIII-я»; по-видимому, им же отредактирован ст. 4, см. Другие редакции и варианты) — ГПБ-1. Читалось в МОЛРС 27 января 1817 г. в отсутствие Д. В. Л. Пушкиным (МОЛРС, Ист. зап., с. 69). Либо это стих., либо № 37 вошло в АЖ под загл. «Неверной». Адресат неизвестен (см. прим. 33).

37. СО, 1820, № 48, с. 79, под загл. «Отставка»; Изд. 1832, с. 29, под загл. «Неверной». Печ. по Изд. 1840, с. 62, с исправлением издательских погрешностей по Изд. 1832. Может быть, это стих. вошло в АЖ под загл. «Неверной» (см. прим. 36). Посвящено Е. А. Злотницкой и написано, видимо, сразу же после разрыва. 7 января 1817 г. Д. сообщал Вяземскому: «Я чуть-чуть не женился — бог спас! И я теперь счастливее, нежели когда-нибудь был» (Письма к Вяз., с. 5); ср. также письмо к А. А. Закревскому из Киева от 4 февраля 1817 г., где Д. рассказывал, что пробыл в Киеве весь январь и «время провел очень весело» (ЦГИА, ф. 660, оп. 1, № 107, л. 36). *И чем рвать волосы свои* и т. д. Парафраза французской эпиграммы («Стихи, при возвращении волосов неверной любовнице»,— Собр. р. стих., ч. V, с. 59, с подп.; «2...» <П. П. Бекетов?>): «рыдая, я своих волос не стану рвать, смеяся, лишь твои тебе я возвращаю».

38. Благ., 1819, № 8, с. 76, подп.: «Д — в» и прим. А. Е. Измайлова: «Издатель благодарит за доставление сей прелестной пиэсы; он читал ее года два тому уже назад в рукописи; но, кажется, она нигде еще не напечатана». Одновременно — Соревнователь, 1819, ч. VI,

№ 4, с. 94, под загл. «Старые гусары. (Песня)», подп.: «Д. Д — в». Автограф — Т-69. Печ. по Изд. 1832, с. 87. Вошло в Изд. 1840, с обессмысливающей опечаткой в ст. 11 («шашки» вместо «ташки»). Может быть, это стих. обозначено как «Песня» в АЖ. По воспоминаниям М. М. Муромцева, была написана еще около 1811 г. (РА, 1890, кн. I, с. 80); это несомненная ошибка. Одно из наиболее популярных стихотворений Д. (ср. Белинский, 4, с. 356—357). *Жомини* Генрих Вениаминович (1779—1869) — военный писатель и теоретик, с 1813 г. на русской службе.

39. Благ., 1819, № 8, с. 78, с подзаг. «Сказка», вместе с № 38; Изд. 1832, с. 101. Печ. по Изд. 1840, с. 76. Вошло в АЖ. Перевод сказки «L'ivrogne logicien» Понс де Вердена (1749—1844) (см.: РС, 1871, № 11, с. 595).

40. Сев. звезда, 1829, с. 223, под загл. «Романс (подражание Парни)», подп.: «Д. Д — в»; Изд. 1832, с. 15, под загл. «Вольный перевод из Парни». Печ. по Изд. 1840, с. 53. Автограф — Т-63. Вошло в АЖ. Написано, по-видимому, в одно время с № 36 и 37 и развивает ту же лирическую тему «измены». Перевод отрывка из 3-й песни поэмы Парни «Иснель и Аслега».

41. МТ, 1827, ч. XVIII, № 23, отд. II, с. 120, в статье П. А. Вяземского «Об альбоме г-жи Шимановской», без ст. 1—4 и с датой: «1822 года»; Изд. 1832, с. 73, с опечаткой в дате: (1802). 1822 г.— дата записи в альбом, а не время создания, т. к. стих. вошло в АЖ. Печ. по Изд. 1840, с. 31. Автограф в музее А. Мицкевича в Париже; фотокопия — ЦГАЛИ, ф. 1061, оп. 1, № 1. Копия — ГПБ-2. Шимановская Мария (1790—1831) — польская пианистка, владелица альбома с автографами литераторов.

42. Изд. 1832, с. 104. Вошло в Изд. 1840. Памятник К. Минину и Д. Пожарскому работы И. Мартоса был открыт на Красной площади в Москве в феврале 1818 г. Стихи, по-видимому, были написаны в Москве в канун открытия памятника и отъезда Д. *Смоленский* — М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский (1745—1813).

43. Изд. 1832, с. 12, как «Элегия V», с датой: 1818. Печ. по Изд. 1840, с. 36. Вероятно, эту и следующую элегию Д. посылал Вяземскому весной 1818 г. (Письма к Вяз., с. 7). *Бешенство желанья.* Образ был повторен Пушкиным («Мечтателю», 1818; «Юрьеву», 1820).

44. Изд. 1933, с. 144. Автограф — Т-63, с пометой: «Переделать» и датой: 1818. См. также прим. 43. Стихи 18—24 Д. цитировал в письме А. А. Бестужеву от 18 февраля 1824 г. (Изд. 1893, 3, с. 156).

45. ЛГ, 1937, № 49(685), 10 сентября, с. 3. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 263, № 9. *Клия* (Клио, греч. миф.) — муза истории.

46. БдЧ, 1837, т. 22, отд. 1, с. 10. Печ. по Изд. 1840, с. 80. Автографы: Т-63 (с первоначальным загл. «Цветок», см. Изд. 1933, с. 277—278 и Другие редакции и варианты), Т-69. Перевод стих. Антуана Венсана Арно (1766—1834) «La Feuille» (1815), получившего европейскую известность и переведенного на русский язык В. Л. Пушкиным,

П. И. Шаликовым, Жуковским и др. Перевод Д. близок к переводу Жуковского («Листок», 1818). В 1836 г. о «Листке» Д. упомянул Пушкин в статье «Французская академия»: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов <...> Может быть, и сам Давыдов не знает стихов, которые написал ему Арно, услыша о его переводе. Он поместил их в примечаниях к своим сочинениям». Далее Пушкин цитировал примечание Арно (по книге: Oeuvres de A. V. Arnault... Fables et poésies diverses, Paris, 1825, p. 373): «*Листок* удостоился перевода не на один язык. Перевод, сделанный на русский язык генералом Давыдовым, говорят, отличается изяществом и верностью. Г. Давыдов принадлежит к числу тех, кто, родившись с даром поэзии, предаются ей лишь по прихоти и для отдыха от войны и наслаждений. Автор этих басен, узнав о чести, ему оказанной, послал Давыдову один экземпляр своего сборника с таким посвящением:

Тебе поэт, тебе, воин,
Упиваясь шампанским на берегу Иппокрены,
Ты сотворил из дубового листа
Листок лавровый».

(Совр., 1836, т. II, с. 15; Пушкин, 12, с. 46, 476); парафраза этих строк содержится в стихах Пушкина «Д. В. Давыдову», переданных им адресату еще в январе 1836 г. (см.: Н. Н. Петрунина, «Д. В. Давыдову» («Тебе, певцу, тебе, герою...»).— В сб. статей «Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов», Л., 1974, с. 366). По этому поводу Д. писал Пушкину 10 августа 1836 г.: «Ты по шерсти погладил самолюбие мое, отыскав бог знает где и прозу и стихи Арно, о которых я и знать не знал. Жалею, что перевод мой недостоин благосклонности и мадригала покойного академика. Этот перевод ужасно плох, так плох, что в издании стихотворений моих я не смел его поместить» (Пушкин, 16, с. 151). По предположению В. Н. Орлова, первая редакция перевода была сделана в 1816—1818 гг., вторая появилась уже после пушкинской статьи, в 1836—1837 гг.

47. СО, 1820, № 48, с. 80; Изд. 1832, с. 108, под загл. «Надпись к сочинениям Г **»; Изд. 1840, с. 73, в разделе «Эпиграммы» (№ 7), без загл. Печ. по Изд. 1840. Перевод анонимной эпиграммы на французского поэта Жозефа Дора (1734—1780) (см.: Д. Давыдов, Полн. собр. стих., Л., 1941, с. 190). Адресат не установлен («Г**» — вероятно, не инициал, а аббревиатура «господин»). Существует не поддающееся проверке указание, что эпиграмма направлена против кн. П. И. Шаликова (1768—1852), эпигона сентиментализма, адресата множества эпиграмм (НВр); Д. приписывалась также эпиграмма на Шаликова «Грузинский князь, газетчик русский» (1827), принадлежащая Е. А. Баратынскому (ЛН, т. 58, М., 1952, с. 61—64); может быть, Д. адресована эпиграмма Шаликова «Герой» (Дамский журнал, 1827, № 17, с. 211, без подп.); однако в начале 1820-х годов их отношения лояльны: в 1821 г. Шаликов помогал Д. в издании «Опыта партизанских действий», а в 1822 г. в своем сборнике «Последняя жертва музам» поместил чрезвычайно комплиментарную надпись «К портрету Д. В. Давыдова» (см. В. В. Пухов. П. И. Шаликов и русские писатели его времени.— РЛ, 1973, № 2, с. 160—161). Воз-

можно, впрочем, что в СО была помещена ранняя эпиграмма, может быть, без разрешения Д.

48. СО, 1820, № 48, с. 80, в искаженном виде (ст. 3—4 читаются здесь: «Несчастье твоего рассудка и счастье памяти твоей»). 18 декабря 1820 г. Вяземский писал А. А. Тургеневу: «Уйми шарлатана своего <т. е. Воейкова.— *Сост.*>: перепечатывает стихи Жуковского и Давыдова <...>Давыдова эпиграмма испорчена: может ли быть остра шутка, которая *несчастье* рассудка. Вот как надобно ей быть, и как она напечатана в «Образцах» Жуковского:

Не счастье твоего рассудка,
А счастье памяти твоей»

(ОА, 2, с. 120) Указание Вяземского ошибочно: в Собр. р. стих. этой эпиграммы нет. Вошла без изменений в Изд. 1832 и 1840. Печ. по Изд. 1933, с. 90, где впервые исправлена по письму Вяземского. Вольный перевод эпиграммы французского поэта Франсуа Жозефа Мари Файоля (1774—1852) «Qui pourrait de ses vers lui disputer la gloire» (РЭ, с. 719). Близкая по смыслу эпиграмма — у К. Н. Батюшкова («Памфил забавен за столом...», 1815 г.). Адресат не установлен. По утверждению НВр, направлена против поэта и переводчика Н. И. Гнедича (1784—1833), якобы ответившего на насмешки Д. словами: «Мне все равно! Я помню, что и Агамемнон имел хулителя Терсита». Весь анекдот малодостоверен и трудно согласуется со смыслом эпиграммы.

49. Изд. 1860, ч. III, с. 85. Печ. по автографу Т-69 (текст густо зачеркнут). Другой автограф — Т-63 (по этому тексту опубликовано: Изд. 1984, с. 141). Эту эпиграмму сообщал Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 15 мая 1822 г.: «Денис Давыдов написал живому Масальскому эпитафию...» (следует текст, идентичный Т-69.— ОА, 2, с. 254; ср. также запись в дневнике А. А. Бестужева 1823 г.— Памяти декабристов, I, Л., 1926, с. 89). Адресат — сенатор кн. А. А. Кольцов-Мосальский (ум. 1843), носивший прозвище «князь-мощи» (Вяземский, 8, с. 467; Н. Е. Бранденбург, Род князей Мосальских (XIV—XIX ст.), СПб., 1892, с. 126).

50. Изд. 1840, с. 25. По-видимому, написано после 18 октября 1826 г., когда в лагерь при Джелал-оглу, где находился Д., прибыл Донской казачий полк под командованием полковника Е. Е. Карпова, старого знакомого Д. (см.: Н. Н. Муравьев (Карский), Записки.— РА, 1889, т. II, с. 552).

51. МВ, 1827, № 4, с. 252 (см.: Другие редакции и варианты). Печ. по Изд. 1832, с. 69. Вошло в Изд. 1840, с опечаткой в ст. 30 («приносит»). Автограф ранней ред.— ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 821, с датой: «28-го ноября 1826 г. Тифлис» (опубликован: PC, 1884, № 10, с. 144). Исключенные фрагменты ранней редакции составили затем стих. «При виде Москвы, возвращаясь с Персидской войны» (№ 52) и вторую строфу стих. «Жестокий друг,— за что мученье?..» (№ 81). Стихотворение имеет автобиографический характер. *Нара* — река около Москвы, на которой было задержано наступление французской армии в 1812 г.

52. МВ, 1827, № 4, с. 254, как часть стих. «Партизан», датированного в автографе 28 ноября 1826 г. (см. прим. 51). Как отдельное стих.— Изд. 1893, с. 56, по автографу Т-63. Печ. по Изд. 1933, с. 117, где опубликовано по тому же источнику, но в другом чтении. Другой автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 821 (в составе стих. «Партизан»). Д. приехал в Москву в отпуск в конце 1826 или самом начале 1827 г. (Сб. РИО, т. 73, с. 542).

53. МВ, 1827, № 3, с. 161. Печ. по Изд. 1832, с. 90, где дата: 1826. Автограф — ГБЛ, ф. 219, карт. 45, ед. хр. 10, л. 1—2, при письме В. П. Давыдову от 10 января 1827 г. Владимир Петрович Давыдов (1809—1882) — двоюродный племянник Д., учившийся в Эдинбурге и познакомившийся с В. Скоттом; он был посредником в переписке Д. и В. Скотта. Д. послал ему стихотворение, прося перевести его В. Скотту; в письме он сообщил сведения по истории стихотворения, которое было написано «на бивуаках у подножия предгорий Арарата». «Я давно уже не занимался поэзиею,— писал далее Д.,— ибо мирная и покойная жизнь никогда мне ничего не внушает, мне надо потрясения моральные, и сильные потрясения, и я тогда только поэт. Тут все было для вдохновения: и восточная природа, и война, и тоска по отечеству и по семейству моему!» К тексту Д. приложил толкования идиом и реалий (по-французски) (см.: М. П. Алексеев. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века).— ЛН, т. 91, М., 1982, с. 280—282). В архиве Д. сохранился также переписанный его рукой перевод «Полусолдата» на французский язык, сделанный М. Алларом («Bulletin du Nord», t. I, М., 1828, р. 167; ср. Т-63). *Куртинец* — курд. *Торнео* — город в Финляндии; во время русско-шведской войны, в марте 1809 г., русские войска вышли к нему по льду Ботнического залива и принудили сдаться остатки финских войск. *Секвана* — архаическое латинское название Сены.

54. Изд. 1860, с. 86, под загл. «Генералам, танцующим на бале в 1826 году»; РПЛ, с. 197, под загл. «Даме, при отъезде на войну 1826 года»; Изд. 1933, с. 110, под загл. «Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года»; Изд. 1984, с. 144, по беловому автографу ЦГАДА (ф. 1256 (Бахметьевых), № 621, с датой: «13 февраля 1827»). Печ. по тому же источнику, с уточнениями. В Изд. 1860 и 1933 даны реконструкции текста по автографу Т-63 (см. Другие редакции и варианты),— более позднему, нежели автограф ЦГАДА, но с не доведенной до конца переработкой текста; как и в Изд. 1984, мы выбираем последнюю законченную редакцию. С января 1827 г. Д. находился в Москве, в отпуске (см. прим. 52); по-видимому, эпиграмма написана в это время, под свежим еще впечатлением военных действий. С семейством Бахметьевых Д. поддерживал тесные связи (см.: Вл. Безъязычный, Неизданные письма Дениса Давыдова.— Огонек, 1952, № 51, с. 24; И. Т. Трофимов, Поиски и находки в московских архивах, М., 1979, с. 134—139).

55. Изд. 1832, с. 108. Вошло в Изд. 1840. Датируется по содержанию; реалии южного пейзажа позволяют отнести стихотворение ко времени пребывания Д. на Кавказских минеральных водах, куда он выехал из Грузии в мае 1827 г.; в начале августа он был уже в Москве (Жерве, с. 117; Сб. РИО, т. 73, с. 548). Белинский считал «Вечер в июне» «по мысли и форме» «решительно лучшим» стихотворением Д. (Белинский, 4, с. 365).

56. ЛГ, 1830, № 9 (10 февр.), с. 69; Изд. 1832, с. 49 с ошибочной датой: 1828. Печ. по Изд. 1840, с. 79. Ст. 15-16 вызвали противодействие цензора ЛГ, и Пушкин собирался жаловаться попечителю Петербургского учебного округа К. М. Бороздину (см.: Пушкин, 14, с. 64—65), но цензурный комитет допустил стихи к напечатанию (см.: ПиС, вып. 29—30, Пг., 1918, с. 64). Работу над стих. Д. продолжал и после публикации в ЛГ (см. Другие редакции и варианты). *Зайцевский* Ефим Петрович (1801—1860) — поэт, поклонник и подражатель Д., морской офицер; в 1828 г. участвовал в морском сражении под Варной и в штурме крепости, где проявил незаурядную храбрость и был ранен; подвиг его был отмечен Георгиевским крестом, чином капитан-лейтенанта и денежной наградой. В 1829 г. Д. не был лично знаком с Зайцевским и писал по газетным известиям (ср. его письмо к А. П. Ермолову от 4 апреля 1830 г.— Изд. 1984, с. 397). На послание Д. Зайцевский ответил стих. «Денису Васильевичу Давыдову» (ЛГ, 1830, № 11, 20 февр.). Биографию и собрание стихотворений Зайцевского см.: Изд. 1933, с. 189—217, 292—297. *Казарский, живой Леонид.* Речь идет о подвиге капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского (ум. 1833), 14 (26) мая 1829 г. одержавшего на бриге «Меркурий» победу над двумя турецкими линейными кораблями; перед боем команда поклялась умереть, но не сдаться врагу, и Казарский принял меры, чтобы в случае поражения последний оставшийся в живых офицер мог взорвать корабль. Д. сравнивает этот подвиг с подвигом спартанского царя *Леонида,* отряд которого погиб в 480 г. до н. э. в Фермопильском ущелье, но задержал продвижение персидских войск. Упоминание о Казарском — датирующий признак, приурочивающий стихотворение к 1829 г.

57. ЛГ, 1830, № 10 (15 февр.), с. 76, с подзаг. «Элегия», без подписи; Изд. 1832, с. 65, с подзаг. «Элегия». Печ. по Изд. 1840, с. 78. Копия ранней ред.— ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, № 751 (в письмах Д. П. Н. Ермолову); там же — беловой автограф (исправленный текст ЛГ). Автограф ранней ред.— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5311. Автографы (автокопии), посланные Жуковскому, с отмеченной правкой Баратынского и выписанными замечаниями Вяземского,— ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5230; автограф с датой записи: «Саратов, 1830, 19 генваря» — ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 32 (альбом П. Л. Яковлева). Д. посылал эти стихи Жуковскому при письме от 20 ноября 1829 г. с просьбой исправить, но Жуковский решительно отказался (см.: РС, 1903, № 8, с. 446; В. А. Жуковский, Соч. в 3-х тт., т. 3, М., 1980, с. 496). В письме от 27 декабря 1829 г. Д. упрекал Жуковского за отказ «заменить слитками» своего «золота» «некоторые пятна грязи, обезображивающие» элегию. «Я их очень вижу, но не имею, чем заменить их,— писал Д.— Чтобы облегчить тебе труд, посылаю тебе замечания Вяземского <...> и некоторые изменения, сделанные Баратынским. Первого замечания весьма справедливы, а последний на скребке своем, кажется, унес первобытную силу и огонь этой поэтической вспышки. Впрочем, все тебе отдаю на суд; ты архипастырь наш, président de la chambre du conseil (председатель суда (сост.); что определишь, то и будет, а я спорить и прекословить не буду. Когда уладишь, то, не извещая меня, позволяю тебе отдать Дельвигу «Бородинское поле», но другие присланные мною тебе стихи прошу *никак и ни под каким видом не отдавать в печать»* (РС, 1903, № 8, с. 446—447). В окончательной редакции Д. принял все поправки

Баратынского и не учел как раз замечаний Вяземского (см. Другие редакции и варианты). Еще до выхода стихов из печати А. А. Шаховской сообщал о них С. Т. Аксакову как о стихах «сверх всякого ожидания сильных и благородных», где «негодование заменило высокость поэтического дара» (письмо от 8 января 1830 г.— РА, 1873, т. I, с. 0475).

58. Изд. 1832, с. 105. Печ. по Изд. 1840, с. 75. Инициалы «N. N.» традиционно раскрываются как «А. П. Ермолов»; отставка Ермолова в 1827 г. повлекла за собой и отстранение Д. Предполагается, что форма эпитафии призвана скрыть реальных адресатов как похвал, так и памфлетных намеков Д.: отповедь официальной военной верхушке («гонителям» Ермолова) была бы невозможна в печати (см.: Изд. 1893, с. 76; Изд. 1933, с. 257). Вряд ли, однако, Д. счел бы уместным выступить с прижизненной эпитафией Ермолову; подобная зашифровка делала к тому же адресата совершенно неузнаваемым, и выступление Д. лишалось бы смысла. Естественнее предполагать, что стихотворение представляет собою реальную эпитафию и что именно ее (а не «Эпитафию» № 49, см.: Изд. 1933, с. 254) посылал Д. Жуковскому при письме от 20 ноября 1829 г. в числе других новых стихов; отвечая 10 декабря 1829 г., Жуковский замечал, что «эпитафии не пропустят» в печать (РС, 1903, № 8, с. 446; В. А. Жуковский, Соч. в 3-х тт., т. 3, М., 1980, с. 496). Наиболее вероятным адресатом ее является Н. Н. Раевский (1771—1829), давний друг, родственник и покровитель Д., скончавшийся 16 сентября 1829 г.; стихотворение было написано под свежим впечатлением его кончины. Человеческий и гражданский облик Раевского Д. пытался воссоздать в своих «Замечаниях на некрологию Н. Н. Раевского», написанную М. Ф. Орловым (отд. изд.— М., 1832). *Гонители, он ваш!* В 1826 г. Раевский пережил семейную драму — арест обоих сыновей по подозрению в участии в тайных обществах, осуждение зятя — С. Г. Волконского, высылку второго зятя — М. Ф. Орлова и отъезд в Сибирь дочери — М. Н. Волконской-Раевской. О «гонителях» Раевского Д. глухо упомянул в своих «Замечаниях...»; по словам Д., он «прошел <...>сквозь преграды, ковы и гонения, воздвигаемые явною и тайною злобою всякому человеку с чистой совестью» (Изд. 1893, 3, с. 116—117). По-видимому, именно эти намеки вызвали подозрения Я. И. де Санглена, заявившего Д., что в его сочинении «много либеральных, неуместных идей, печатание которых опасно» (РС, 1883, № 3, с. 571—572; см. вступ. статью). *Но не сорвать венка со славного чела.* Поэтические формулы здесь имеют, по-видимому, тот же источник, что и «Смерть поэта» Лермонтова,— послание В. А. Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814), где речь идет о смерти В. А. Озерова и упоминается о лавровом венке с терниями, которые «растерзали» «славное чело» поэта. *Но не стереть с груди вам раны боевые!* В «Замечаниях...» Д. специально останавливается на эпизоде ранения Раевского («в верхнюю часть груди») под Лейпцигом в 1813 г.; его описывают также М. Ф. Орлов (М. Ф. Орлов, Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма, М., 1963, с. 39) и К. Н. Батюшков (Соч., 2, СПб., 1885, с. 329—330).

59. Изд. 1832, с. 55, под загл. «С. А. К — ной»; Изд. 1840, с. 64, без ст. 7—8 и с оборванной строкой 6 («Гореть грешно!..») — купюра явно цензурного происхождения. Восстанавливается по Изд. 1832. Адресат — Софья Александровна Кушкина, дочь городничего в Сара-

товской губернии А. Е. Ребиндера, с 1823 г.— жена штаб-ротмистра Иркутского гусарского полка (с 1827 г.— отставного подполковника) Андрея Андреевича Кушкина (1794—после 1856). Кушкины жили в своем имении Еланка Сердобской округи, а позднее в Пензе (ЦГИА, ф. 1343, оп. 23, № 11280). Кушкина — предмет сильного увлечения Д. в 1829 г.; о ней Д. упоминал в письмах А. Б. Голицыну, Жуковскому и Вяземскому как о «чуде природы», которому «поэт, живописец, ваятель и любитель художеств» должны приносить дань восхищения (Изд. 1893, 3, с. 168, с неверным определением адресата письма,— ср. Изд. 1933, с. 261; РС, 1903, № 8, с. 447; Письма к Вяз., с. 21, 24).

60. ЛГ, 1830, № 8 (5 февраля), с. 59, подпись: «Д. Д.» (авторство раскрыто в оглавлении тома I газеты); Изд. 1832, с. 59, с прим.: «Напечатана в «Литер. <атурной> газете» 1830 года» и эпиграфом из статьи В. А. Жуковского «Рафаэлева Мадонна. Из письма о Дрезденской галерее» (1821) (см. Другие редакции и варианты). Печ. по Изд. 1840, с. 37. Адресовано С. А. Кушкиной. Эти стихи Д. посылал Жуковскому при письме от 27 декабря 1829 г., где писал: «Оно ни анакреонтическая ода, ни элегия, а какие-то куплеты, внушенные мне красотою. Вяземский видел эту красоту и также покадил ей... Будь друг, поправь и эти стихи и отдай их Дельвигу» (РС, 1903, № 8, с. 446). 30 декабря он упоминал о них в письме к Вяземскому: «Ты увидишь у Жуковского <...> какие-то полуэлегические-полуанакреонтические куплеты и отгадаешь, для кого они сделаны. Я бросил их на бумагу по приезде моем из Саратова после второго моего наезда (первый был при тебе)». 29 января 1830 г. он осведомлялся у Вяземского: «А какова тебе кажется полуода, полуэлегия, полу-черт знает что, вдохновленная Кушкиной?» (Письма к Вяз., с. 21, 25). «Душеньку», наряду с «Бородинским полем», он причислял к своим лучшим стихам (там же, с. 27; ср. Изд. 1984, с. 402). Резко отрицательный отзыв о них Катенина («стишки хуже Хвостова») см.: Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, СПб., 1911, с. 174. *Душенька.* Отсылка к поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» (1778—1794); адресат изображен в облике героини (Душеньки, Психеи), изгнанной велением Венеры; последние строфы также соотносятся с мотивами поэмы. *Я был, я видел божество* и т. д. В письме к Вяземскому от 30 декабря 1829 г. Д. писал: «Тебе, может быть, загадкой покажется стих: «я осенил венком лавровым». Этот венок есть мои стихи, которые я написал ей прежде означенных стихов; стихи, изрядные для провинции, но которые недостойны быть пересланы ни к тебе, ни к Жуковскому, и потому их не посылаю» (Письма к Вяз., с. 21). Речь здесь идет о стихах «С. А. К...» (см. Изд. 1933, с. 262) или «В тебе, в тебе одной природа, не искусство...» (№ 69 наст. изд.).

61. ЛГ, 1830, № 17 (22 марта), с. 133, под загл. «N. N.»; Изд. 1832, с. 59, под загл. «N. N.». Печ. по Изд. 1840, с. 61, с исправлением опечатки в ст. 7 по Изд. 1832. *Но та, которую люблю, не называя.* По-видимому, имеется в виду С. А. Кушкина.

62. Изд. 1933, с. 145 (1-я строка). Печ. по автографу Т-63. *Рот* Логин Осипович (1780—1851) — генерал, командир 3-й гренадерской дивизии. 2 апреля 1822 г. Д. с возмущением писал о нем А. А. Закревскому: «...я бы бросил все и взорвал бы череп Роту. Что сей последний делает, это описать нельзя. <...> Людей ест! <...> Нестер-

пимо несправедливое варварство, капризы и пристрастия. <...> А Рот этого дела мастер» (Сб. РИО, т. 73, с. 533—534). В декабре 1829 г. он сообщал, что А. Вельяминов «по милости Рота <...> принужден был оставить армию и отказаться от дивизии. Эта бестия, мне кажется, подкуплен был прежде Франциею, а теперь Веллингтоном и Меттернихом, чтобы удалять от службы лучших русских генералов и офицеров» (ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, № 751, л. 14 об.).

63. Изд. 1840, с. 66. Автограф — Т-69. Адресат не установлен. Автоцитация (неточная) ст. 1-2 — в письме к М. Н. Загоскину от 10 июня 1830 г. (Изд. 1893, 3, с. 177). См. прим. к стих. № 18.

64. Изд. 1832, с. 99. Вошло в Изд. 1840 с загл. «Храброму повесе» (несомненно, цензурного происхождения) и цензурными купюрами в ст. 7, 8, 17. Печ. по Изд. 1832. Автограф (без загл.) — ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 152 (опубл.: Пушкин, 3, с. 1061, 1288). Строфа 3 принадлежит Пушкину; записана на обороте автографа его рукой, в несколько иной редакции:

Так старый хрыч, цыган Илья
Глядит на удаль плясовую
Да чешет голову седую,
Под лад плечами шевеля.

(Пушкин, 3, с. 467). Эта строфа, переработанная Д., вошла в текст (см.: Столица и усадьба, 1915, № 42 (15 сентября), с. 4; № 48 (15 декабря), с. 13; Н. О. Лернер, Стихотворная складчина Пушкина и Дениса Давыдова.— ПиС, вып. 36, Пб., 1923, с. 22; Рукою П., с. 703). Написано, вероятно, в конце 1830 — начале 1831 г. или в декабре 1831 г., когда Пушкин и Д. близко общаются в Москве; в это время Пушкин постоянно посещает и цыганский хор (см.: Л. А. Черейский, Пушкин и его окружение, Л., 1974, с. 387, 119; П. в восп., 2, с. 167). Адресат не установлен. Это стихотворение (как и следующее, № 65) Вяземский посылал Жуковскому, переписав из Изд. 1832, с примечанием: «Как здесь написано, так и напечатано, с теми же точками, которых ты по целомудрию своему, вероятно, не сумеешь пополнить». Стихи вызвали неодобрение Жуковского, в связи с чем Вяземский писал ему 16 февраля 1833 г.: «...не могу не вступиться за Дениса. Ты слишком докторально судишь гусарские шалости его» (РА, 1900, т. I, с. 365—366, 371). *Цыган Илья* — Илья Осипович Соколов (1773—1848), руководитель московского цыганского хора.

65. Изд. 1832, с. 95. с опечаткой в ст. 13 («спесь до подлости»), о которой Д. сообщал Вяземскому 18 октября 1832 г.; Изд. 1840, с. 22, с цензурным изъятием ст. 13, 15. Печ. по этому изд., с восстановлением цензурных пропусков по Изд. 1832 и исправлением ст. 13. Написано (как и след. стих), в Мазе, в 1832 г. 27 июля Д. писал Вяземскому: «Странная вещь, что ни на войне, ни в Москве мне не приходил ни один стих в голову, а здесь я написал три или четыре пьесы! Я их послал подгустить бульон, который стряпает Салаев». В Изд. 1832 только это и след. стих. не имеют реальных оснований для более ранней датировки, видимо о них и идет речь. В письме от 18 октября 1832 г. Д. называет «Гусарскую исповедь» своей новой пьесой (Письма к Вяз., с. 31, 33).

66. Изд. 1832, с. 110, с цензурным пропуском слова «бог» в ст. 4. Вошло в Изд. 1840, с. 77, с пропуском слов «черт и бог» в том же стихе. Изд. 1860, с. 74, с восстановлением купюры. О датировке см. прим. 65. Стихотворение пользовалось особой популярностью; по воспоминаниям В. Р. Зотова, от него «сходили некогда с ума» (ЛГ, 1848, № 11, с. 170; ср.: Сев. пчела, 1833, № 1, 2 янв.).

67—69. Впервые как цикл из трех разновременных стихотворений — Изд. 1840, с. 63.

1. Совр., 1836, т. III, с. 135, как отдельное стих., подп.: «Д. Д — в». Печ. по Изд. 1840. Автографы: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 826 (без загл., в письме к А. М. и Н. М. Языковым от 16 июня 1834 г.); Т-63 (с вариантами загл.: «О ней» и «После разлуки»); ЦГАЛИ, ф. 263, № 9 (без загл.). В Изд. 1933 в качестве основного текста принята редакция Совр.; название «После разлуки» и ст. 7, где произведена цензурная замена («ужасным» вместо «безбожным»), восстановлены по Т-63. Между тем для Изд. 1840 Д. еще раз пересмотрел текст и выбрал иные варианты ст. 5 и 7; этот этап работы отражен в автографе ЦГАЛИ, текст которого точно совпадает с печатным изд. (вплоть до чтения «на вале», которое представлялось опечаткой, см. Изд. 1933, с. 267) и должен быть признан основным. Об этом стих. Д. писал Языковым 16 июня 1834 г.: «Забыл вам прислать еще стихи: они сделаны были в нынешнюю мою поездку в Пензу. Это подражание одному мадригалу Вольтера <...> *Случаем нежданным* — плохо, но стихи были скованы на скорую руку» (РС, 1884, № 7, с. 137). 7 июля 1836 г. Д. писал Пушкину: «Посылаю тебе еще *Мадригал* — подраженный Волтеровскому: мне противны первые четыре стиха, переломай их по-своему и пусти их в ход с подписью моею или нет, как хочешь» (Пушкин, 16, с. 135). Стих. является подражанием «Мадригалу» Жана Берто (1552—1611), который Д. ошибочно принял за вольтеровский (Д. Давыдов, Полн. собр. стих., Л., 1941 («Б-ка поэта», М. с.), с. 193).

2. Совр., 1836, т. III, с. 136, как отдельное стих., с цензурным изменением в ст. 4 («И кроются ведьмы...»). Печ. по Изд. 1840, с. 63. Автографы: ЦГАЛИ, ф. 314, оп. 1, № 22 (в письме к М. А. Максимовичу от 30 декабря 1833 г., под загл. «N. N. при входе ее на бал»); Т-63 (с зачеркнутым загл. «N. N.»; в Изд. 1933, с. 123 восстановлено); ЦГАЛИ, ф. 263, № 9. Д. посылал эти стихи Максимовичу для альманаха «Денница», объяснив, что он их «написал при появлении на бал одной красавицы в Пензе» (Изд. 1893, 3, с. 190). В «Денницу на 1834 год» стихи опоздали.

3. Изд. 1840, с. 63. В Изд. 1933, с. 123 — как отдельное стих., под загл. «Ей». Печ. по Изд. 1840. Автографы: ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, № 751 (в письме к А. Б. Голицыну от 15 декабря 1829 г., ранняя ред., см.: Другие редакции и варианты); Т-63 (с загл. «Ей»); ЦГАЛИ, ф. 263, № 9 (без загл.). Посвящено С. А. Кушкиной. В письме к А. Б. Голицыну Д. писал: «Я был холодною мраморною статуею, которой дала жизнь одна искра полуденного ока, полного доброты, ума и чувства! Веришь ли, что я не могу забыть ни звука голоса, ни слов, ни этих черных, длинных ресниц, очаровательных, убийственных! Про нее-то можно сказать...» (следует текст) (ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, № 751, л. 14; ср. Изд. 1984, с. 406). Подражание стих. Вольтера «Portrait de m-me Saint Julien».

Стих. 1 и 2, а также ряд последующих (см. ниже) посвящены Евгении Дмитриевне Золотаревой (р. ок. 1811), дочери пензенских

помещиков, владельцев села Золотаревки. Золотарева была племянницей (по матери) Д. А. Бекетова, сослуживца и товарища Д. по войне 1812 г.; окончила пансион и жила в Пензе; Д. познакомился с ней зимой 1833 г. и встречался постоянно у Д. А. Бекетова, в Пензе и Золотаревке (см.: РС, 1872, № 4, с. 637; Задонский, с. 284, 638 и след., 730, 732 (здесь история взаимоотношений воссоздается по редким архивным источникам; ср. также: Подъем, 1980, № 78, с. 130—131). Этот роман продолжался около трех лет; известны отрывки из ныне утраченных писем Д. к Золотаревой (ИВ, 1890, № 7, с. 86—91; ср.: Щукинский сборник, вып. IX, М., 1910, с. 327—328). Насколько можно судить по этим и др. письмам Д. и по датируемым стихам, «золотаревский цикл» отражал реальное течение романа: к 1834 г. относится его апогей, к концу 1834 или 1835 г.— спад; в 1835 или 1836 г. наступает разрыв. В 1836 г. Золотарева вышла замуж за драгунского офицера в отставке В. О. Мацнева, владельца с. Рузвичи Наровчатского уезда Пензенской губ. Перипетии романа болезненно переживались Д. и прямо проецированы в его стихи. При отсутствии других данных, это дает косвенные основания для условного датирования некоторых стихов цикла (№ 75—81, 84).

70. Сев. пчела, 1834, № 48 (28 февраля), с. 190, в корреспонденции N. N. (П. Н. Арапова) из Пензы 13 февраля; процитировано в связи с описанием пензенских балов и любительского спектакля «Горе от ума» (15 января). Здесь сказано: «Один из любимых наших поэтов, отдыхающий ныне у нас от бурь военных, В мире счастливый певец Вина, любви и славы, смотря на наших полувоздушных спутниц Терпсихоры, порхающих в вальсе, воспел одну из них, коей бесспорно принадлежит лавр героя-поэта, следующими стихами» (следует текст). Публикация осуществлена без ведома Д. (см.: Письма к Вяз., с. 42); БдЧ, 1834, т. III, отд. I, с. 24, с посвящением: «Ев. Д. З.....вой», полной подписью: «Денис Давыдов» и пометой: «Пенза». Печ. по Изд. 1840, с. 34. Автографы: Т-63, ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 826 (в письме к Н. М. Языкову от 16 февраля 1834 г.; опубл.: РС, 1884, № 7, с. 145); ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1801 (в письме к Вяземскому от 20 февраля 1834 г.; опубл.: Письма к Вяз., с. 38—39); ЦГАЛИ, ф. 263, № 9. Публикация в БдЧ осуществлена Вяземским по присланному Д. автографу. Д. сообщал, что избрал для себя в качестве вдохновительницы Золотареву, воспетую Вяземским, и, подобно ему, ведет ее «к бессмертию». «По стихам этим ты подумаешь, что я смертельно влюблен, и хорошо сделаешь» (Письма к Вяз., с. 39). Почти одновременно Д. отправил стихи Е. А. Баратынскому, прося «исправить недостатки», чего он сам сделать «не умеет», но Баратынский не внес никаких поправок. С подобной же просьбой Д. обращался и к Языкову (письмо от 16 февраля 1834 г.), характеризуя «Вальс» как «стихи, вдохновенные чудом красоты и прелести»; ответ Языкова, где он разбирал «Вальс», не сохранился (Изд. 1893, 3, с. 191, 193). Публикация в БдЧ, снабженная Вяземским пометой «Пенза», вызвала беспокойство Д., опасавшегося раскрытия адресата; 28 мая он писал Вяземскому: «Злодей! что ты со мною делаешь? Зачем же выставлять *Пенза* под моим *Вальсом?* Это уже не в бровь, а в глаз; ты забыл, что я женат и что стихи писаны не к жене» (Письма к Вяз., с. 42).

71. ИВ, 1883, № 1, с. 224 (по не дошедшему до нас автографу в альбоме Е. Д. Золотаревой); РС, 1884, № 7, с. 141 (в письме к Языкову от 4 апреля 1834 г.); Изд. 1933, с. 124 (по автографу Т-63).

Печ. по автографу Т-63 (как и в Изд. 1933), но с учетом последнего слоя правки. Автографы: Т-63; ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 826 (письма к Языкову); ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 408. Вероятно, об этом и след. стих. Д. писал Вяземскому 30 апреля 1834 г.: «Без шуток, от меня так и брызжет стихами. З<олотаре>ва как будто прорыла заглохший источник. Последние стихи сам скажу что хороши и оттого не посылаю их тебе, что боюсь, как бы они не попали в печать, чего я отнюдь не желаю» (Письма к Вяз., с. 40). Как «последние стихи» Д. посылал это и след. стих. Языкову 4 апреля 1834 г.

72. Изд. 1840, с. 50. Автографы: Т-63; ЦГАЛИ, ф. 263, № 9; ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 826 (под загл. «Романс», в письме Языкову от 4 апреля 1834 г., опубл.: PC, 1884, № 7, с. 141—142). См. пред. прим.

73. БдЧ, 1834, т. III, отд. I, с. 239, под загл. «И моя звездочка», полной подписью: «Денис Давыдов» и пометой: «Пенза»; Изд. 1840, с. 41, с корректорским исправлением в ст. 7 («И спокоен я душою»). Автографы: Т-63 (беловой и черновой, с загл. «[Звездочка] И моя звездочка», датой: 1818 (ошибочной) и пометой: «переделать»); ЦГАЛИ, ф. 263, № 9 (без загл.). Печ. по автографу ЦГАЛИ, прямо предшествовавшему Изд. 1840. Публикация в БдЧ осуществлена без ведома Д.; в письме к Вяземскому от 28 мая 1834 г. (см. прим. 70) он писал: «Теперь другой какой-то шут напечатал «И моя звездочка» — вспышку, которую я печатать не хотел от малого ее достоинства, и также поставил внизу *Пенза.* Что мне с вами делать? Видно, придется любить прозою и втихомолку. У меня есть много стихов, послал бы к тебе их, да боюсь, чтобы и они не попали в зеленый шкаф „Библиотеки для чтения"» (Письма к Вяз., с. 42). О том же Д. писал Н. М. и А. М. Языковым 16 июня, прося не распространять его стихи: «Я не хочу, чтобы кто-нибудь ими воспользовался и втиснул в «Библиотеку», где я неожиданно нашел «И мою звездочку». Мне сказывают, что это г. Арапов сыграл со мною эту шутку. Я о том писал Смирдину и побранил Вяземского, которому эта «Звездочка» была от меня послана» (Изд. 1893, 3, с. 197—198; ср.: ИВ, 1890, № 7, с. 91). Стихотворение ориентировано на образную систему стих. Жуковского «Пловец» (1812).

74. БдЧ, 1837, т. XXI, отд. I, с. 106, с цензурной заменой в ст. 54 («непорочных» вместо «херувима»); Изд. 1840, с. 46, с вариантом ст. 54 («непорочно сновиденье»). Печ. по Изд. 1933, с. 127, где ст. 54 восстановлен по автографу Т-69. Другой автограф, более ранний — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 826 (в письме к А. М. и Н. М. Языковым от 16 июня 1834 г.; опубл.: PC, 1884, № 7, с. 132). Оба автографа — под загл. «К речке». Изменение в печатном тексте — в духе цензурной практики 1830-х годов, ограничивавшей христианскую символику в текстах бытового и любовного содержания; принадлежит оно не Д. (этого варианта нет в автографах) и сделано механически, путем замены одного слова близким по значению эвфемизмом. В Изд. 1840 Д. попытался отредактировать стилистически неудачный вариант, разрушив синтаксический параллелизм трех последних строк. Авторский текст ст. 54, несомненно, дает автограф Т-69 (как правильно установлено в Изд. 1933). Об этом стих. Д. писал Языковым 16 июня 1834 г.: «Посылаю вам последнее стихотворение мое. <...> Мое мнение, что в нем нет *единства,* читатель не догадается,

к кому более страсти — к речке или к деве, которая в конце пьесы является; надо бы менее огня в начале, а то нет оттенка; эта ошибка неизгладима. Но стихи, кажется, и звучны и хороши». Д. посылал их Золотаревой вместе с музыкой (ИВ, 1890, № 7, с. 90).

75. Изд. 1840, с. 35, с опечаткой в ст. 9 («Я, я...? я жалуюсь безжалостной судьбе»); в Изд. 1933, с. 129 исправлено по автографам. Печ. по Изд. 1840, с исправленным чтением ст. 9. Автографы: Т-63, Т-69, с загл. «Записка, посланная на бал» (в Т-63 возможно чтение «на бале», ср. Изд. 1933, с. 129; но ему противоречит содержание стих.).

76. Изд. 1860, с. 87; Изд. 1933, с. 129 (по первоначальному варианту в Т-63). Печ. по Изд. 1860. Стихи включены в письмо к Е. Д. Золотаревой (без даты), где Д. писал: «У вас хватает смелости предлагать мне дружбу; но, жестокий друг, разве любовь не подобна жизни, которая, раз утраченная, не возвращается более? Будьте же откровенны хоть раз в жизни,— вы хотите отделаться от меня, который, я это чувствую, гнетет и беспокоит вас. Убейте меня, вонзите, не поморщась, мне нож в сердце, говоря: я вас не люблю, я никогда вас не любила, все с моей стороны было только обманом, я забавлялась» (*франц.*, ИВ, 1890, № 7, с. 87). Далее следует текст стихов (в ред. Изд. 1860). Четверостишие имеет точки соприкосновения с известной песней Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1752—1829) «Если б ты была на свете...» (1796, перепечатана в Собр. р. стих., ч. II, с. 184).

77. Изд. 1840, с. 43, с ошибкой в ст. 13 («Но, право, вас любить...»). Печ. по Изд. 1933, с. 125, где исправлено по автографам. Автографы: Т-63 (под загл. «Я вас люблю»), Т-69.

78. Изд. 1840, с. 42. Автографы: Т-63 (под загл. «[Слова] На голос русской песни»; ср. Изд. 1933, с. 126); Т-69 (без загл., текст зачеркнут). Об этом стих., как посвященном Золотаревой, есть упоминания в письмах к ней Д. (ИВ, 1890, № 7, с. 91). Датируется условно (см. прим. 67—69).

79. Изд. 1840, с. 55. Автограф — Т-69.

80. ИВ, 1890, № 7, с. 88, в составе письма Д. к Золотаревой (без даты), как автоцитация уже известного ей текста: «Как не вспомнить: «Унеслись невозвратимые...» (и далее, до ст. 4.— *Сост.*). Но должен ли я был ожидать иного, когда я видел при самой минуте моего отъезда улыбку вместо печали, что мне внушило дорогою: „Не глядит она печальная...“» (и т. д., стихи 5—8.— *Сост.*).

81. Изд. 1840, с. 33. Автографы: Т-63 (под загл. «Романс. На известный голос», ср. Изд. 1933, с. 130); Т-69 (без загл.). Ст. 10—17 перенесены из стих. «Партизан» (см. прим. 51).

82. Изд. 1840, с. 45. Автографы: Т-63 (под загл. «25 октября», ср. Изд. 1933, с. 129; далее проставлен год, густо замаранный и не поддающийся чтению); Т-69 (без загл.). По-видимому, написано в октябре 1835 г., когда Д. был в Пензе (см. Изд. 1984, с. 410).

83. Изд. 1840, с. 60. Автографы: ЦГВИА, ф. 194, оп. 1, № 68 (в письме Пушкину от 6 апреля 1836 г.); ЦГАЛИ, ф. 263, № 9; ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1055 (опубл.: PC, 1890, № 1, с. 130). Написано под впечатлением предстоящего замужества Золотаревой, о чем Д. сообщал жене из Москвы 20 февраля 1836 г. (Изд. 1933, с. 269—270). Посылая стихи Пушкину, Д. писал: «Вот что я дорогой мысленно сложил, только прошу *не* печатать (далее — текст стих.— *Сост.*). Пожаласта не давай никому даже списывать. Есть причина этому» (Пушкин, 16, с. 102). Д. выехал из Москвы в Мазу 2 марта (там же, с. 88). 14 июня 1836 г. Пушкин писал Д.: «Вяз.<емский> советует мне напечатать *твои очи* без твоего позволения.— Я бы рад, да както боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени?..» (Пушкин, Письма последних лет. 1834—1837, Л., 1969, с. 146). 7 июля Д. подтвердил запрещение: «*Очи не* позволяю тебе печатать ни за что, даже и без подписи» (Пушкин, 16, с. 135).

84. Изд. 1840, с. 54. Автографы: Т-63, Т-69. Датируется по содержанию 1836 г. (см. прим. 67—69).

85. Совр., 1836, т. III, с. 136, подпись: Н. Печ. по Изд. 1840, с. 72. Автографы: Т-63, Т-69. 7 июля 1836 г. Д. писал Пушкину: «Не хочешь ли двух *эпиграмм?* Только тисни их *без* подписи. <...> 1-я эпиграмма почти не принадлежит мне, она внушена мне Вяземским, я только переложил ее в стихи; а 2-я моя, но с мыслею не новою и потому мне не нравится» (Пушкин, 16, с. 135). Существуют разные мнения, какие именно эпиграфы Д. называет «1-й» и «2-й»; под «1-й» понимается иногда настоящее стих. (Изд. 1933, с. 270), иногда № 86 (Пушкин, 17, с. 179); под «2-й» — № 87 (Изд. 1933, с. 271). Можно думать, что при письме от 7 июля Д. послал Пушкину данное стих. и № 86; в автографе Т-63 видно, что они сложились легче и раньше, чем № 87; в Совр. они объединены общей подписью «Н.»; № 87 напечатан без подписи. 21 ноября Д. писал Вяземскому, что «от Булгарина осыпан выговорами за две эпиграммы», одна из которых принадлежит Вяземскому (Письма к Вяз., с. 49); эти эпиграммы — настоящее стих. и № 87, которые Булгарин объявил противоречащими «изящному вкусу» (Сев. пчела, 1836, № 255 (6 ноября); № 256; (7 ноября); таким образом, «внушена... Вяземским» настоящая эпиграмма. Адресат — пензенский помещик Иван Васильевич Сабуров (1778—1873), автор статей по вопросам сельского хозяйства, в частности о разведении мериносов; в 1835 г. выпустил книгу «Четыре роберта жизни. Олицетворенная дума Мурзы-Чета», где задел пензенских жителей обоего пола, прозрачно намекнув и на роман Д. с Золотаревой. Книга вызвала бурную реакцию; 14 апреля 1836 г. Д. писал Вяземскому: «...Все теперь пишем и сочиняем на счет Сабурова» (Письма к Вяз., с. 47; см. подробнее: Изд. 1933, с. 270).

86. Совр., 1836, т. III, с. 136, подп.: «Н.», с цензурной заменой в ст. 4 («молодца» вместо «бестию»). Изд. 1840, с. 73, с цензурным вариантом ст. 4 («Заставить, друг, его стыдиться — мудрено»). Печ. по Изд. 1933, с. 132, где ст. 4 восстановлен по автографам Т-63 и Т-69. Направлено против Ф. В. Булгарина (НВр) и обращено к Пушкину. В письмах 1836—1837 гг. Д. неоднократно упоминает о «ругательствах» Булгарина на Пушкина и советует «махнуть его ладонью по ланите», по примеру пушкинского памфлета о Видоке (Пушкин,

16, с. 143, письмо от 20 июля 1836 г.; Письма к Вяз., с. 50; ср. Изд. 1933, с. 271). *Заставить покраснеть — не трудно.* Речь идет о пощечине.

87. Совр., 1836, т. III, с. 137, без подп., под загл. «Ученый разговор». Печ. по Изд. 1840, с. 72. Автографы: Т-63 (с первоначальным загл. «Вопрос и ответ», затем снятым); Т-69 (без загл.). Адресатом эпиграммы без серьезных оснований называли сенатора Габлица (деда по матери композитора А. Н. Серова), который якобы «сам читывал ее, объясняя, на кого она написана» (НВр). По предположению В. Н. Орлова, адресат — Дмитрий Алексеевич Бекетов, старинный приятель Д., пензенский помещик, владелец села Бекетовки, дядя Е. Д. Золотаревой (Изд. 1933, с. 271).

88. Совр., 1836, т. III, с. 52, под загл. «Челобитная (Башилову)» и с цензурными искажениями в ст. 4 («Озабоченный делец») и ст. 8 («Благочинной саранчи»); Изд. 1840, с. 29, с теми же искажениями и дополнительной опечаткой в ст. 8 («Благочиний саранчи»); Жерве, с. 151 (по тексту автографа Т-63). Печ. по Изд. 1840, с устранением цензурных изменений по автографам Т-63 и ЦГАЛИ, ф. 263, № 9. Об обстоятельствах создания стих. Д. писал Пушкину 7 июня 1836 г.: «Посылаю тебе, любезный друг, стихи, сей час мною написанные. Я об них могу кричать *стихи горячие,* как блинники кричат *блины горячие.* Это Челобитная Башилову. У меня есть каменный, огромный дом в Москве, окно в окно с пожарным депо. В Москве давно ищут купить дом для обер-полицемейстера — я предлагаю мой — вот все, о чем идет дело...» (Пушкин, 16, с. 125). Д. просил отложить публикацию до третьего номера журнала, чтобы дать стихам достигнуть «своей позитивной, а не поэтической цели» — побудить Башилова купить дом за 100 тысяч рублей. О цензурных затруднениях публикации в Совр., по поводу которой возникла переписка Пушкина с цензором А. Л. Крыловым, см.: Пушкин, 16, с. 143; Временник Пушкинского дома. 1914, СПб., 1914, с. 15. *Башилов* Александр Александрович (1777—1847) — с 1831 г. директор комиссии строений, известный в Москве хлебосол.

89. Утренняя заря на 1840 год, СПб., 1840, с. 178, без ст. 116 и с заменой в ст. 87 «Филипп Филиппыч» на «Иван Иваныч». Тот же текст — 1840, с. 81. В Изд. 1933, с. 133 по автографу Т-69 восстановлены ст. 87, 116 и введена еще одна строфа после ст. 80. Печ. по Изд. 1840, с восстановлением по автографу ст. 87, 116 и 57, где изменение в печатных публикациях носит цензурный характер («старины» вместо «сатаны»). Д. правил стихи вплоть до наборной рукописи или корректуры, почему мы не считаем возможным вносить в основной текст четверостишие после ст. 84, а также некоторые другие чтения автографа. Строфа после ст. 84 могла быть выброшена, в частности, как близко варьирующая эпиграмму Пушкина (см. ниже). Копии: Т-69, ГПБ, ф. 232, оп. 1, № 2. Стих. было известно в ближайшем кругу Д. до печати; в апреле 1839 г. А. И. Тургенев, получив его от Булгакова, писал Вяземскому из Парижа: «Какая подлость в слоге! Но вот и порядочная строфа: «А глядишь: наш Лафайет <...> Впрочем, тут и *бородавки, мошки да букашки, червяк голодный, почешет* и прочее и прочее и прочее» (ОА, 4, с. 71). Для Тургенева был неприемлем не только памфлетный стиль, но и резкость нападок на Чаадаева и «западнические» круги Москвы. По свидетельству А. И. Дельвига, стихи Д. были «дурно приняты московским

обществом, которое находило неприличным смеяться над теми, которые находятся на дурном счету у правительства, и тем как бы стараться ему подслужиться» (А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I, М., 1912, с. 171—181, 243—250, 253). Другие современники, однако, приняли «песню» восторженно; так, рецензент «Отечественных записок» полностью привел ее текст из «Утренней зари», отметив «глубокое, благородное негодование» и «звонкий, раздольный, богатырский, прямо русский стих» (ОЗ, 1839, т. VII, отд. VII, с. 13—15; здесь же — сообщение, что «песня» написана Д. «незадолго до его кончины и доставлена им же самим издателю альманаха»); существуют свидетельства, что «Современную песню» читали наизусть «при единодушном смехе» (ОЗ, 1849, т. LXII, отд. V, с. 52). По сообщению Ф. Ф. Вигеля, Д. имел в виду салон Екатерины Гавриловны Левашевой (ум. 1839), где собирались виднейшие представители московского «западничества» — М. Ф. Орлов, Д. Н. Свербеев, А. Н. Раевский, Н. Х. Кетчер и др.; во флигеле дома Левашевых на Ново-Басманной ул. жил с 1831 г. П. Я. Чаадаев (1793—1856), интеллектуальный глава салона, связанный с Левашевыми тесными дружескими узами (М. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., изд. 2, М., 1909, с. 423—424; Изд. 1933, с. 273—276). Салон Левашевой, согласно Вигелю, состоял «из руссофобов, а еще гораздо более из руссофобок. Денис Давыдов <...> не мог равнодушно смотреть на это поганое гнездо, где, как говорит он, *России таска, да какая!* Как забыть стихи его по сему предмету, в которых так забавно и остроумно выставляет он заговорщицу-блоху с мухой-якобинкой и старую деву-стрекозу, и маленького аббатика с маленьким набатиком» (Ф. Ф. Вигель, Москва и Петербург.— РА, 1893, т. II, с. 578). Конкретные адресаты памфлета с трудом поддаются точному определению; возможно, что ряд шаржированных портретов — типовые фигуры. В экземпляре сочинений Д. (изд. А. Смирдина, СПб., 1848), принадлежавшем М. Н. Лонгинову (библиотека ИРЛИ, Ло.4.1.1), рукой Лонгинова раскрыты некоторые адресаты (указано В. Б. Сандомирской). Лонгинов близко знал Чаадаева и его московское окружение, однако достоверность его указаний не безусловна: они отражают поздние и не всегда точные московские слухи, чаще всего не поддающиеся проверке. Почти все названные Лонгиновым лица — московские и пензенские знакомые Д. (см. ниже). Одним из литературных образцов «Современной песни» была эпиграмма «Собрание насекомых» Пушкина, вызвавшая полемику в московских журналах и в ЛГ, где был перепечатан и текст эпиграммы (см.: Пушкин, 3, с. 204; 11, с. 131). Так, в допечатной ред. Д. варьирует строки Пушкина: «Вот **** — злой паук, Вот и ** — российский жук, Вот ** — черная мурашка, Вот ** — мелкая букашка» и др. (см. Другие редакции и варианты). *Был огромный человек.* Речь идет о Наполеоне (см. вступ. статью, также письмо Д. к А. И. Михайловскому-Данилевскому от 22 декабря 1835 г.— Изд. 1893, 3, с. 213). *Деспотизма сопостат* и т. д. По указанию Лонгинова, речь идет о Г. А. Римском-Корсакове (см. прим. 91), что маловероятно и противоречит следующей его помете. *Тьер* Адольф (1797—1877) — французский политик и историк, сторонник буржуазной революции, автор «Истории Французской революции» (тт. 1—8, 1823—1828). *Рабо* де Сент-Этьен Жан Поль (1743—1793) — публицист и политический деятель Французской революции, жирондист, автор сочинения «Беглый взгляд на историю Французской революции». *Мирабо* Оноре (1749—1791) — один из вождей правого крыла буржуазии во время революции; выдающийся

оратор. *Лафает* (Лафайет) Мари Жозеф (1757—1834) — видный участник французской и американской революций, в эпоху Реставрации — один из лидеров либерально-буржуазной оппозиции. Согласно Лонгинову, *Наш Лафает* — «А. А. Тучков», т. е. Алексей Алексеевич Тучков, отец Н. А. Тучковой-Огаревой, пензенский помещик и владелец свеклосахарного завода; он действительно относил эти строки к себе, хотя, по-видимому, неосновательно (И. Салов, Умчавшиеся годы.— Русская мысль, 1897, кн. 8, с. 5). *Брут* Марк Юний (85—42 гг. до н. э.) — древнеримский республиканец, убийца Цезаря, воплощение гражданской доблести. *Фабриций* Кай Лусцин (III в. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель, образец чистоты нравов, мужества и бескорыстия. *Карбонары* — члены тайного политического общества в Италии. *Заговорщица-блоха.* Помета Лонгинова: «Блохина». Памфлетный намек не вполне ясен. Блохина, урожд. Чиркова — сестра жены Д.; с семейством Блохиных Д. постоянно общался в Пензе (П. А. Вяземский, Записные книжки. 1813—1848, М., 1963, с. 109; Письма к Вяз., с. 20, 24, 34). Другая расшифровка — в копии Ф. А. Бюлера (ЦГАДА, ф. 186, оп. 1, № 476) — указывает на Александру Ивановну Пашкову, приятельницу А. И. Тургенева (указано А. А. Ильиным-Томичем); с семейством Пашковых Чаадаев поддерживал связи (см.: Письма Александра Тургенева Булгаковым, М., 1939, по указ.; П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, т. 1—2, М., 1913—1914, по указ.). *С мухой-якобинкой.* Помета Лонгинова: «Ховрина». Имеется в виду Мария Дмитриевна Ховрина (1801—1877), пензенская помещица; с семейством Ховриных в Москве были связаны в 1830—1840-е годы Вяземский, Герцен, Огарев, Станкевич, И. С. Тургенев; в «Былом и думах» Герцен вспоминал о свободных беседах в доме Ховриных (см.: А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти тт. т. 8, М., 1956, с. 189—190). Чаадаев посещал этот кружок (см. письмо Ф. Ф. Вигеля А. Д. Блудовой от 15 августа 1838 г.— В кн.: Сегодня. Альманах первый, М., 1926, с. 136). *И комар, студент хромой.* Помета Лонгинова: «Сатин». Николай Михайлович Сатин (1814—1873) — близкий друг Герцена и участник его кружка, студент Московского университета (с 1832 г.); в 1834 г. был арестован по делу о «возмутительных песнях» и вернулся из ссылки только в ноябре 1839 г., уже после смерти Д. Ср. описание Сатина у Герцена: юноша «с длинными волосами и прелестным лицом à la Schiller и прихрамывающий à la Byron» (А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти тт., т. 1, М., 1954, с. 172). *И сверчок, крикун ночной.* Помета Лонгинова: «Кетчер». Николай Христофорович Кетчер (ок. 1806—1866) — товарищ Белинского, один из главных участников герценовского кружка, переводчик Шекспира; одно время жил во флигеле левашевского дома (см.: Вестник Европы, 1871, № 9, с. 21). По указанию современников (в т. ч. Левашевой и Лонгинова), именно он был переводчиком «Философического письма» Чаадаева в «Телескопе» (РС, 1870, № 6, с. 606; Литературное наследие декабристов, Л., 1975, с. 351). *И мурашка-филантроп.* Согласно помете Бюлера — Н. В. Сушков (указано А. А. Ильиным-Томичем). Николай Васильевич Сушков (1796—1871) — близкий знакомый Чаадаева, литератор, дядя поэтессы Е. П. Ростопчиной; в его доме нередко сходились представители враждующих литературных партий (РА, 1871, стлб. 1744). *Филипп Филиппыч* — Ф. Ф. Вигель (1786—1856) — член «Арзамаса», впоследствии известный мемуарист. Имя Вигеля как адресата было известно и Лонгинову, восстановившему в своем экземпляре допечатный вариант строки. Вигель был резким противником Чаадаева, левашев-

ского салона и западничества в целом (см. выше). Памфлетный выпад Д. направлен как раз против его агрессивного славянофильства, включавшего резко критическое отношение к петровским реформам (см. Другие редакции и варианты). *Муж... женоподобный.* Намек на противоестественные наклонности Вигеля. *Утопист, идеолог.* Речь идет о П. Я. Чаадаеве. В своем экземпляре альманаха «Утренняя заря» Чаадаев написал против этих строф «это я» и «с неудовольствием» говорил А. И. Дельвигу о стихах Д. (А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, т. 1, М., 1912, с. 253). Резко недоброжелательное отношение к Чаадаеву и к «Философическим письмам» сквозит и в письме Д. к Пушкину от 23 ноября 1836 г. (Пушкин, 16, с. 194). На Чаадаева указывает и помета Лонгинова. В автографе Т-69 (см. Другие редакции и варианты) в качестве эпиграфа к «Современной песне» взяты строки из «Философического письма», процитированные по «Телескопу».

90. Изд. 1933, с. 139. Автограф — Т-63. По-видимому, обращено к Е. Д. Золотаревой. Варьирует тему стих. И. И. Козлова «Вечерний звон» (1827).

91. Изд. 1933, с. 140, по автографу Т-63 (с пропуском ст. 17). Печ. по автографу Т-63. Первоначальное загл.: «Лиза и Гриша». Датируется по содержанию. *Миша* (Гриша) — Григорий Александрович Римский-Корсаков (1792—1852), помещик Пензенской губернии, известный в Москве оригинал и вольнодумец, отличавшийся независимостью, умом и образованностью, приятель Пушкина, Вяземского, Д., в свое время близкий и к декабристским кругам. *Маша* (Лиза) — Елизавета Александровна Евреинова, пензенская помещица. О ее романе с Римским-Корсаковым Д. упоминал еще в 1831 г. в письмах к жене: «Скоро ли наша Елизавета выйдет за Корсакова? Боюсь, чтобы от этой страсти она не умерла»; «Елизавета Александровна все ли по-прежнему страдает любовью к неукротимому?» В январе 1836 г. Д. сообщал жене: «Гриша с Лизой в самом холодном отношении, или еще более чем холодном — у ней бедной даже слезы на глазах и просит, чтобы его имя даже не напоминали» (Изд. 1933, с. 277). *На сахарном заводе Миша.* В начале 1830-х годов Римский-Корсаков построил у себя в имении свеклосахарный завод.

92. РПЛ, с. 198. Перепечатано: Лютня, Лейпциг, 1869, с. 42. Печ. по Изд. 1933, с. 142, где опубликовано по автографу Т-63. Автограф, по-видимому, отражает ранние этапы работы над стих., которое, таким образом, следует датировать временем заполнения тетрадки, т. е. 1830-ми годами. Распространялось в списках.

93. Древняя и новая Россия, 1876, т. III, с. 416. Автограф (вероятно, источник публикации) — ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 408. Адресат и дата не установлены; автограф (беловой) по почерку и палеографическим особенностям близок к автографам Д. 1830-х годов. Предположительно датируется этим временем. *Как будто Диоген, с зажженным фонарем.* Согласно популярному анекдоту, восходящему к Диогену Лаэртскому, философ-киник Диоген (V в. до н. э.) носил с собою днем фонарь, якобы разыскивая человека высоких нравственных качеств.

94. Изд. 1840, с. 72, в разд. «Эпиграммы», № 1. В Изд. 1933, с. 89 опубликовано по автографу Т-63. Печ. по Изд. 1840, с исправлением по автографу Т-69 опечатки или корректорской правки в ст. 2 («господствуют» вместо «господствует»). Автограф Т-63 (черновой, под загл. «На К. Bout-rimé»), по-видимому, отражает ранний этап работы над стих. (как и № 92), что позволяет датировать его 1830-ми годами. Беловой автограф — Т-69 (под загл. «Bout-rimé»). Существует указание, что адресат эпиграммы — генерал Августин Бетанкур (1758—1824), уроженец острова Тенериф, бывший с 1808 г. на русской службе и пользовавшийся репутацией «страстного любезника» (НВр), однако такой расшифровке противоречит заглавие в автографе Т-63. *Bout-rimé* (буриме) — стихи на заданные рифмы.

95. Изд. 1860, с. 87, без загл., по автографу Т-63. По тому же источнику, но с восстановлением заглавия («На него же») — Изд. 1933, с. 90. Печ. по автографу (Т-69 беловому, более позднему; здесь текст зачеркнут карандашом и сделана помета: «Уничтожить»).

ПРИЛОЖЕНИЕ

96. Русский зритель, 1828, № 1 и 2, с. 42, под загл. «Некоторые черты жизни и деяний генерал-майора Давыдова»; Изд. 1832, с. 1, под загл. «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова»; Изд. 1840, с. III, под загл. «Очерк жизни Дениса Васильевича Давыдова»; Изд. 1860, 3, с. 123, под редакторским загл. «Автобиография Дениса Васильевича Давыдова» (текст Изд. 1840 с произвольной редактурой издателей); Изд. 1893, с. 1, под загл. «Автобиография Дениса Васильевича Давыдова» (контаминация текста Изд. 1832, Изд. 1860 и ранней редакции РА); Изд. 1933, с. 57, под загл. «Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова (автобиография)» (текст Изд. 1893 с добавлениями и исправлениями по РЗ и РА). Печ. по Изд. 1840, с восстановлением цензурных купюр и изменений и с исправлением издательских ошибок по Изд. 1832 и др. источникам. Автограф не сохранился. Текст ранней ред. (из бумаг П. П. Сухтелена) опубликован: РА, 1889, № 3, с. 399.

В первоначальной редакции автобиография Д. была готова уже в 1821 г. 18 декабря 1821 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Спроси у Греча присланную ему биографическую статью Дениса Давыдова. Прелестная шутка!» 27 декабря Тургенев ответил: «Статьи о Давыдове еще не получал. Говорят, прелесть» (ОА, 2, с. 234—235). В СО Греча она не появилась. 16 октября 1822 г. Д. разговаривает о ней с М. П. Погодиным. По-видимому, эта редакция представлена текстом РА, где упоминается цензор Тимковский, покинувший этот пост в 1821 г., и «последним сочинением» Д. назван «Опыт теории партизанских действий» (книга вышла в свет в июне 1821 г.). На этот период указывает и неопределенное обозначение официального статуса Д., который вышел «в чистую отставку» лишь 14 ноября 1823 г. (Жерве, с. 111), а до этого жил в деревне, числясь в длительных отпусках (Сб. РИО, т. 73, с. 528). По существу той же редакции принадлежит и текст РЗ, где была дописана концовка и произведена незначительная стилистическая редактура. Текст РЗ содержит ряд цензурных изменений и предисловие и примечания редактора (М. П. Погодина), куда были включены материалы, предо-

ставленные самим Д. Новую редакцию дает текст Изд. 1832, где была дописана биография за 1823—1832 гг. Этот текст в наибольшей мере свободен от цензурного вмешательства; он проясняет ряд мест в последней печатной редакции, затемненных вмешательством цензуры. Вяземский в письме Жуковскому обращал внимание на эту биографию, где Д. «хвалят <...> так, что святых вон выноси», и где содержатся «выходки» против Винценгероде и «фрунтовых генералов» (РА, 1900, кн. I, с. 365—366); см. также письмо В. Д. Комовского к Н. М. Языкову от 8 ноября 1832 г., где «жизнеописание» объявлено формой печатной оппозиции (см. вступ. статью). Своего авторства Д. не скрывал от ближайших друзей, но в письме от 7 декабря просил Вяземского распространять слух, что оно принадлежит генерал-лейтенанту Осипу Даниловичу Ольшевскому (ум. 1832), некогда сослуживцу Д., командиру Белорусского гусарского полка (Письма к Вяз., с. 36); указания на «друга-сослуживца» как на автора были сделаны в РЗ и в Изд. 1832; впрочем, они были двусмысленны и позволяли заподозрить мистификацию. Намеки на авторство Д. печатно сделали: Н. А. Полевой (МТ, 1828, № 7, с. 371—372), О. М. Сомов (Сев. цветы на 1829 г., СПб., 1829, с. 25—26); прямо писал об этом в письмах П. А. Плетнев (П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. 3, СПб., 1885, с. 523; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 3, СПб., 1895, с. 412; ср. также Северная пчела, 1833, № 1 (2 янв.) и отзыв А. И. Михайловского-Данилевского — ИВ, 1892, № 8, с. 301). В Изд. 1840 Д. счел необходимым подкрепить мистификацию: в предисловии «От издателя» (принадлежащем, несомненно, самому Д.) сказано: «Здесь помещается, как уже то было и в первом издании, очерк жизни Давыдова, произведение одного из его друзей-сослуживцев, покойного генерал-лейтенанта О. Д. О — го, ошибочно принятое некоторыми читателями за автобиографию. При сем долгом поставляю повторить собственные слова Дениса Васильевича, извлеченные из письма его ко мне, на днях писанного: «По случаю помещения очерка жизни моей в первом издании моих стихотворений, некоторые читатели приняли и очерк этот за мое сочинение. Избегая нареканий в присвоении себе чужого достояния, тем более достояния моего истинного и старинного друга-сослуживца, покойного О. Д. О — го, я считаю нужным объяснить вам, м. г., как не принадлежащие мне строки вошли в состав строк, мне принадлежащих. Во время последней войны в Польше я как-то сказал О — му о намерении моем собрать все оставшиеся в памяти моей стихотворения мои и предать их печати немедленно по возвращении моем из похода. О — й, знающий все приключения моей жизни от первого развития юности моей до 1832 года не хуже меня, написал очерк сей, в дни отдыха от битв и военных тревог и движений, и, вруча мне оный, взял с меня честное слово соединить его с стихотворениями моими в виде предисловия, без подписи ни его имени, ни фамилии,— что я исполнил, нимало не предвидя и не предполагая, чтобы произведение О — го было принято читателями за мое собственное произведение. Вот все дело». Заключаю, что очерк, помещенный здесь, исправлен по последней рукописи, присланной генералом О — м за несколько дней до его кончины. *Издатель*». В предисловии анахронизм: Д. забыл о публикации 1828 г. в РЗ.

В письме к Вяземскому от 18 октября 1832 г. Д. выражал недовольство помещением автобиографии в Изд. 1832, замечая, что если б он решился на это, то многое бы переделал (Письма к Вяз., с. 33). Изд. 1840 дает новую редакцию: в ней заменена концовка и произве-

дена стилистическая редактура (в частности, последовательно заменено местоимение «сей» на «этот» — возможно, под влиянием грамматических статей Сенковского). В то же время из текста устранены все места, сомнительные в цензурном отношении; в наст. изд. они восстановлены везде, где исключение сделано механически и заставляет предположить прямую цензурную правку.

Автобиография Д., точная фактически, подчеркнуто концептуальна, субъективна и иногда памфлетна, изобилует намеками на события общественной и военной жизни, о которых невозможно было говорить в печати (см. вступ. статью и дополнительные сведения в прим.).

Страсть эта получила высшее направление и т. д. См. очерк Д. «Встреча с великим Суворовым (1793)» (1834—1835). *Пороши, брызги* — слова охотничьего языка: охота по свежевыпавшему снегу, весенняя ростепель. *Каховский* Александр Михайлович (ум. 1827) — офицер, сын тетки Д., Марии Денисовны, от первого брака (во втором браке — за П. А. Ермоловым, отцом А. П. Ермолова), см.: РС, 1872, № 4, с. 624—625. *В это бешеное время он писал стихи своей красавице.* Эти стихи неизвестны. В неопубликованной части письма к П. А. Вяземскому от 7 декабря 1832 г. Давыдов вспоминал «убогий шляхетский домик среди гор, у берегу озера в Мельниковке, деревушке Киевской губернии», где он, двадцатилетний гусарский ротмистр, «любил первой любовью и любил долго» (Изд. 1984, с. 370). *Давыдов поскакал в армию* и т. д. См. его очерк «Урок сорванцу (1807)» (1836). *Зимою 1808 года* и т. д. См.: «Воспоминание о Кульневе в Финляндии» (1838). *1810 года обстоятельства отрывают князя Багратиона от армии.* Намек на уход Багратиона с поста главнокомандующего после того, как его военный план не был одобрен Александром I. ...*Командует 1-м баталионом оного до Бородина.* К этому месту в РЗ сделано примечание: «Здесь дружеская скромность автора не позволила высказать всех геройских подвигов нашего генерала, о которых узнаем мы от сочинителя «Истории нашествия Наполеона на Россию». Приняв под свое начальство упомянутый баталион, неустрашимый Давыдов громил дерзкие полчища французского императора в сражениях под *Миром, Романовым, Дашковкой* и во всех аванпостных делах до самой *Гжати.* Воспламеняясь час от часу более рвением к подвигам славы, он полагал, что ничего не сделал, ибо убежден был, что еще будет полезнее в отдельных действиях. Одушевленный сим благородным порывом, основанным, как мы уже видели, на опытных соображениях тогдашних обстоятельств, Давыдов принял себе за правило: *на все напрашиваться и ни от чего не отказываться.* Такое стремление духа должно оправдываться делами; юный герой уже известен был по делам своим, а потому и препроводил к князю Багратиону следующее письмо: «Ваше сиятельство! вам известно, что я, оставя место вашего адъютанта, столь лестное для моего самолюбия, и вступя в Ахтырский гусарский полк, имел в виду партизанскую службу, и по силам лет моих, и по опытности, и, если смею сказать, по отваге моей обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею, следственно, и не могу ни предпринимать, ни исполнить ничего отличного. Князь! вы мой единственный благодетель; позвольте мне явиться к вам для объяснения моих намерений. Если оные будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте уверены, что тот, кто носил имя адъютанта вашего пять лет сряду, поддержит честь сию со всею ревностию, какой требует бедственное положение нашего отечества». Далее (в примечании 3) отмечалось внимание к этому плану Кутузо-

ва. Примечание в РЗ восходит не к труду Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году», откуда могли быть заимствованы лишь общие сведения о деятельности Давыдова в 1812 г. (ч. II, СПб., 1824, с. 4—7), а непосредственно к «Дневнику партизанских действий 1812 года» Д. Давыдова, причем не в печатной, а в рукописной редакции. Ср.: «...я <...> был в сражениях под Миром, Романовым, Дашковкой и во всех аванпостных сшибках, до самой Гжати. Видя себя полезным отечеству не более рядового гусара, я решился просить себе отдельную команду, несмотря на слова, произносимые и превозносимые посредственностию: *никуда не проситься и ни от чего не отказываться.* Напротив, я всегда уверен был, что в ремесле нашем только тот выполняет долг свой, который переступает за черту свою, не равняется духом, как плечами, в шеренге с товарищами, на все напрашивается и ни от чего не отказывается. При сих мыслях я послал к князю Багратиону письмо следующего содержания» (следует текст письма, во всех источниках несколько разнящийся, так как подвергался неоднократной редактуре,— Давыдов Д. Военные записки, М., 1940, с. 194). В печатном тексте этого отрывка (ОЗ, 1820, № 1, с. 86—88) фрагмент «просить себе отдельную команду ~ ни от чего не отказываться» отсутствует. Все это заставляет предполагать непосредственное участие Давыдова в редакционном примечании РЗ, хотя характер этого участия остается неизвестным. *Первый подает мысль ~ десять суток* и т. д. Это место автобиографии Д. отредактировал для Изд. 1840, стремясь обратить на него большее внимание. В 1829 г. в письме к А. Ф. Воейкову от 4 октября он возражал против утверждения в «Русском инвалиде», что партизанская война началась 9 сентября 1812 г. Д. напоминал, что предложил свой план Кутузову еще 22 августа и 1 сентября со своей партией («со ста тридцатью казаками и гусарами») совершил свой первый набег в с. Токареве, «...Определением начатия оной 9 сентября,— писал он,— уничтожается хотя малый, но самый отважнейший участок моей боевой жизни: ибо от 1-го до 10-го сентября я с ста тридцатью всадниками находился посреди в несколько тысяч раз сильнейшего меня неприятеля и, невзирая на то, ежедневно нападал на него, истреблял его конвои и отряды и перенес труды и опасности ни прежде, ни после мною не встречаемые» (Изд. 1893, 3, с. 170—172). См. «Дневник партизанских действий 1812 года», где описаны сражения под *Ляховом* (28 октября), *Копысом* (9—12 ноября), *Белынычами* (14 ноября). *Орлов-Денисов* Василий Васильевич, граф (1775—1843) — генерал, командир партизанского отряда в 1812 г. *Фигнер* Александр Самойлович (1787—1813), *Сеславин* Александр Никитич (1780—1858) — известные партизаны 1812 г.; высоко ценя второго из них, Д. недоброжелательно относился к первому, которого упрекал в себялюбии и жестокости. *Под Гродном нападает он на четырехтысячный отряд Фрейлиха* и т. д. Фрейлих — австрийский генерал, начальник отряда, занимавшего Гродно; эпизод произошел 8 декабря 1812 г. А. П. Ермолов перефразировал это место в своих «Записках»: Д., по его рассказу, «приблизился к передовой неприятельской страже, угрожая, если не будет сдан город, атаковать идущим за ним войском. Раздался звук стаканов между венгерскими гусарами, и, при хвале отечественному их напитку, рука в руку, в знак приязни. С начальником их сделано условие, и город наш!» (А. П. Ермолов, Записки, ч. I, М., 1865, с. 277; Д. Давыдов, Военные записки, с. 445). *Тут фортуна обращается к нему задом* и т. д. О конфликте Д. с генералом Фердинандом Федоровичем *Винценгероде*

(1770—1818) см. во вступ. статье и в очерке Д. «Занятие Дрездена в 1813 году». Это место автобиографии подверглось цензурной правке в РЗ и Изд. 1840 и восстанавливается в редакции 1832 г. *...Была щитом беспокровного.* Излюбленное выражение Д., применявшего его постоянно к А. А. Закревскому («покровитель беспокровному» в письмах 1815 и 1820 гг.— Сб. РИО, т. 73, с. 508, 525). *Блюхер* Гебгард Леберехт, кн. Вальштадтский (1742—1819) — прусский фельдмаршал, командующий объединенной русско-прусской армией в 1813 г. *За отличие в сражении под Бриеном (Ларотьер) производится он в генерал-майоры.* Бой под Бриен-ле-Шато был 14 и 15 января, при Ларотьере — 17 января 1814 г. *Вскоре после того...* Д. выехал из Парижа в Москву 23 мая, получив шестимесячный отпуск. *Гассан-хан* — персидский военачальник. *Зимою, во время бездействия.* Скрытый ответ на обвинения Д. в том, что он покинул армию до окончания военных действий. В письме к Закревскому от 8 января 1827 г. Д. рассказывал о своей болезни, из-за которой он вынужден был уехать, но не раньше, чем его отряд был распущен, а отряд Ермолова вступил на зимние квартиры. «Видя себя ненужным в Грузии» (до конца апреля, когда ожидалось возобновление военных действий), он «решился выпроситься у Ермолова в отпуск», с 25 ноября 1826 по 1 апреля 1827 г. (Сб. РИО, т. 73, с. 547; ср. Изд. 1893, 3, с. 169; Жерве, с. 116); вернулся он «за месяц до срока», «чрез горы и долы, по снегам и ростопели, дабы не опоздать к началу кампании» (Сб. РИО, т. 73, с. 549). *...На этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову* и т. д. Об истинных причинах отставки см. вступ. статью. В 1827 г. Д., действительно, был серьезно болен (см.: РС, 1896, № 12, с. 682; Сб. РИО, т. 73, с. 458). *Толстой* Петр Александрович, граф (1761—1844) — генерал, командующий резервной армией в Литве. *Хржановский* Адальберт (1788—1861) — польский генерал, военачальник в 1830—1831 гг. *Ридигер* Федор Васильевич (1783—1856) — генерал, командующий корпусом в 1830—1831 гг. Подробно об упоминаемых событиях см. мемуары Д. «Воспоминания о польской войне 1831 года». *Ружицкий* — начальник польского повстанческого отряда в 1831 г. *Сколько столовых часов* и т. д. В ранней редакции здесь упомянуто имя цензора И. О. Тимковского (1768—1837), бывшее нарицательным для обозначения бессмысленной придирчивости цензуры (см. Другие ред. и варианты). Образ часов, отсчитывающих вечность, Д. употребил в разговоре с Погодиным в октябре 1822 г.: «Который час, спрашивают адских теней — вечность» (ПиС, вып. 19—20, СПб., 1914, с. 68); о вариациях этого мотива (в частности, у Пушкина) см.: Т. Г. Цявловская, «Влюбленный бес» (Неосуществленный замысел Пушкина).— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III, М.—Л., 1960, с. 108; М. П. Алексеев, Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина.— Там же, т. IX, Л., 1979, с. 31—32. *Общество любителей словесности ~ удостоило Давыдова <избранием> в число действительных членов.* Единогласное избрание состоялось 20 мая 1816 г. (МОЛРС, Ист. зап., с. 93). *Адрес-календарь Глазунова* — книжные каталоги («росписи»), издававшиеся книгопродавцем И. И. Глазуновым. *Забалканских и Варшавских щеголей-победителей.* Иронический намек на Дибича и Паскевича, исключенный (видимо, цензурой) из Изд. 1840. *Его благословил великий Суворов* и т. д. Это место автобиографии представляет собой обработку фрагмента в письме к Н. М. Языкову от 11 сентября 1835 г., где Давыдов набрасывает очерк своей будущей «некрологии». «Смотрите же, чур не забыть меня после жизни моей; мало того, чтобы благодетельствовать

мне в течение ее. Я уже некогда говорил о том Вяземскому, Пушкину и Баратынскому, говорю и вам о том же: напишите тогда общими силами некрологию мою и произведите в свет не пролетный листок для воейковского «Инвалида», а что-нибудь такое, которое бы осталось надолго. Шутки в сторону и не в похвалу себе сказать, а я этого стою: не как воин и поэт исключительно, но как один из самых поэтических лиц русской армии. Непристойно о себе так говорить, но это правда. Возьмите благословение, данное мне Суворовым; тридцатилетнюю службу мою во всех, ровно во всех войнах России в течение этого времени; 1812 год, на котором я зарубил свое имя. Век Наполеона, коему принадлежу я,— век бурный и мятежный, изрыгавший всесокрушительными событиями, как Везувий лавою, но в пылу которых я пел, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. И после — штиль и спокойствие, и обо мне нет ни слуху ни духу, меня как нет на свете; соха и словесность поглощают меня,— но восстает гроза и буря, и я, как алкион, белеюсь уже на черном небе <...> ...Имя мое во всех войнах торчит, как казацкая пика. Мир заключен, и я опять дома, опять гражданин, опять отец семейства, пахарь, обожатель красоты во всех ее отраслях — в юной деве ли, в подвиге ли военном или гражданском, в словесности ли,— везде я слуга ее, я раб ее, богослужитель, поэт ее» (Изд. 1899, 3, с. 203). *Моле* Яков Бернар (ум. 1313) — гроссмейстер ордена тамплиеров, казненный по обвинению в ереси.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Д. В. Давыдов. Гравюра А. Афанасьева с оригинала В. Лангера.

2. *Между с. 80 и 81*. Д. В. Давыдов. Гравюра М. Дюбурга с портрета А. Орловского (1814).

3. *На обороте*. Д. В. Давыдов. Литография по копии К. Гампельна (?) с неизвестного оригинала 1810-х годов, приложенная к «Сочинениям Д. В. Давыдова» (ч. III, М., 1860).

4. *Между с. 112 и 113*. Д. В. Давыдов. Гравюра на стали с оригинала неизвестного художника. Портрет из издания «Сто русских литераторов» (т. III, СПб., 1839).

5. *На обороте*. Гусарская пирушка. Виньетка при «Сочинениях Д. В. Давыдова» 1840 г. Неизвестный художник.

6. *С. 97*. Беловой автограф стихотворения «Бородинское поле» (ЦГАЛИ).

7. *С. 103*. Автограф стихотворения «Когда я повстречал красавицу мою...» и стихотворения «Выздоровление» (ЦГВИА).

8. *С. 107*. Рисунок А. С. Пушкина в лицейской тетради (1819), определяемый как портрет Д. В. Давыдова.

9. *С. 114*. Автограф стихотворения «Челобитная» (ЦГВИА).

10. *С. 121*. Автограф стихотворения «Богомолка» (ЦГВИА).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Давыдов Д.

Д 13 Стихотворения /Вступ. статья, составл., подгот. текста и примечания В. Э. Вацуро.— Л.: Сов. писатель. 1984.—240 с., ил., 1 л. портр.— (Б-ка поэта. Большая сер.).

Денис Давыдов (1784—1839), «поэт-партизан», один из руководителей партизанского движения в Отечественной войне 1812 года, оставил заметный след как в русской истории, так и в русской поэзии пушкинской поры. Его небольшое по объему творческое наследие оценивалось современниками как яркое поэтическое явление и во многом сохранило ценность до наших дней. Книга выходит к 200-летию со дня рождения Д. В. Давыдова.

Д $\frac{4702010100—348}{083(02)—84}$ 406—84 ББК 84.Р1

Денис Васильевич Давыдов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. издательства «Советский писатель», 1984, 240 стр.
План выпуска 1984 г. № 406

Художник И. С. Серов
Редактор Л. С. Гейро
Худож. редактор А. С. Орлов
Техн. редактор Е. Ф. Шараева
Корректоры Ф. Н. Аврунина и Е. Я. Лапинь

ИБ № 4358

Сдано в набор 3.05.84. Подписано к печати 26.11.84 М 24412. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,92. Уч.-изд. л. 13,13. Тираж 40 000 экз. Заказ № 310. Цена 1 р. 20 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104. Ленинград, Литейный пр., 36. Отпечатано с матриц Тульской типографии Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109 в Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

1р.20к.